МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Институт языка, литературы и истории
– обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр Российской академии наук»

На правах рукописи

Бочкарев Александр Сергеевич

ПРОБЛЕМА ДЕЗЕРТИРСТВА ИЗ ОЛОНЕЦКИХ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ» В ПЕРИОД ВОЙН С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ И ШВЕЦИЕЙ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук

О.П. Илюха

Петрозаводск - 2023

Оглавление

Введение 3

Глава I. Складывание предпосылок дезертирства в олонецких полках «нового строя» 25

§ 1. Солдатская служба в Олонецком уезде в 1649-1654 гг. в контексте административных преобразований 25

§ 2. Динамика численности олонецких пашенных солдат и драгун в условиях войн 49

§ 3. Статистика дезертирства по материалам 1657 и 1662 гг.: сравнительный анализ 57

Глава II. Факторы дезертирства 76

§ 1. Экономический фактор 77

§ 2. Социальный фактор 102

§ 3. Военный фактор 115

Глава III. Групповое дезертирство и борьба с ним: противостояние солдат и властей 133

§ 1. Особенности организации массовых побегов 133

§ 2. Борьба с дезертирством 145

Заключение 178

Список сокращений 185

Список источников и литературы 186

Введение

Актуальность. В последние десятилетия в историографии наблюдается устойчивый интерес к военной истории России и стран Северной и Восточной Европы середины XVII века. Данная исследовательская тенденция связана с особенностями взаимоотношений между государствами региона. В рассматриваемое время в качестве стратегической задачи внешней политики Русского государства сохранялось дипломатическое и военное решение балтийского вопроса, связанное с экспансией Швеции и борьбой с Речью Посполитой. Последняя, между тем, взяла курс на стабилизацию отношений с Россией после Поляновского мира 1634 года, положившего конец Смоленской войне[1]. Но в результате сохранявшихся противоречий между странами в 1650-х гг. Россия, Речь Посполитая и Швеция вновь оказались вовлечены в продолжительные войны.

Середина XVII века оказалась для России сложным этапом не только в политической, но и военной сфере, сопровождавшимся поиском новых путей строительства армии с применением западноевропейского опыта. Для борьбы с Речью Посполитой и Швецией при ограниченных финансовых и человеческих ресурсах Кремлю пришлось искать возможности восприятия и освоения западноевропейских военных инноваций, адаптируя их к собственных условиям, а также применения новой тактики и вооружения, оптимальной мобилизационной системы[2].

Одним из ключевых направлений модернизации русской армии было создание в 1630-х гг. полков «нового строя»[3] – имевших четкую ротную организацию пехотных и кавалерийских подразделений, получавших жалованье

---

[1] Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. С. 17-19.

[2] Курбатов О. А. Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. М., 2017. С. 12 ; Kotilaine J., Poe M. Modernization in the Early Modern context: the case of Muscovy // Modernizing Muscovy. Reform and social change in seventeenth-century Russia. L., NY., 2005. P. 5 ; Reger IV W.M. European mercenary officers and the reception of military reform in the seventeenth-century Russian army // Modernizing Muscovy. Reform and social change in seventeenth-century Russia. L., NY., 2005. P. 217-220.

[3] В некоторых работах используется термин «полки «иноземного строя». Являясь неологизмом XVIII века, он подчеркивает лишь иностранный источник происхождения полков и не отражает весь спектр изменений военного дела, характерный для данных войсковых формированиях (Keep J.L.H. Soldiers of the Tsar. Army and society in Russia 1462-1874. NY, 1985. P. 80).

из государственной казны и обученных по западноевропейским образцам. К середине XVII века полки «нового строя» стали полноценной частью вооруженных сил. В рассматриваемый период в России существовали солдатские, драгунские[4], рейтарские и гусарские полки. По утверждению А.В. Чернова, их появление в составе русских войск положило начало новому этапу военного строительства – зарождению регулярной армии. Основное преимущество полков нового строя перед служилыми людьми сотенной службы состояло в их лучшей боеспособности[5].

Вызовы, с которыми столкнулось Русское государство, и решения, выработанные по ним, в комплексе вносили решительные перемены в характер организации армии, что подтверждает характеристику Дж. Паркером России раннего Нового времени как полноценного действующего лица в процессах «военной революции»[6]. Подразумевается, что изменения в военном деле XVI-XVII вв., когда распространение огнестрельного оружия повлекло за собой трансформацию тактики ведения боевых действий, системы комплектования вооруженных сил, военно-уголовного законодательства, налоговой сферы и т.п., в конечном итоге оказали серьезное воздействие на государство как политический институт[7]. Впервые концепция «военной революции» была сформулирована историком М. Робертсом в 1955 году[8]. В дальнейшем она получила развитие в новых работах Робертса и Паркера[9], а также образовала целую школу, благодаря таким исследователям, как, например, Дж. Хэйл, Дж. Линн, Д. Пэррот[10] и др. В

---

[4] Стоит иметь в виду, что, вопреки расхожему мнению, драгуны в XVII веке не являлись частью кавалерии, а относились к пехоте (О неточностях и ошибках в военно-терминологических вопросах отечественной истории XVII века см.: Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М., 2006. С. 8).

[5] Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 136-137.

[6] Parker G.The military revolution. Military innovation and the rise of the West, 1500-1800. Cambridge, 1996. P. 36, 115-145.

[7] О концепции «военной революции» и дискуссии вокруг нее см., например: Rogers C.J. The Military Revolution in History and Historiography // The Military Revolution Debate. Readings of the Military Transformation of Early Modern Europe. L., NY.: Routledge, 2018. P. 1-10.

[8] Roberts, M. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. London, 1967. P. 195-205.

[9] Roberts M. Swedish imperial experience. NY, 1984. 156 p. ; Parker G.Op. cit. 266 p.

[10] Hale J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450-1620. N.-Y., 1985. 282 p. ; Lynn J.A. The Evolution of Army Style in the Modern West, 800-2000 // The International History Review. 1996. №3. P. 505-545 ; Parrott D. The Military Revolution in Early Europe [Электронный ресурс] // History Today. Vol. 42. 1992.Режим доступа: https://www.historytoday.com/archive/military-revolution-early-europe.

российской исторической науке ярким представителем этого направления можно назвать В.В. Пенского[11].

При всем разнообразии исследовательских подходов и выводов, с учетом определенных географических и национальных условий, Русское государство было включено в общие для всего европейского региона процессы «военной революции». В этой связи актуальна военно-историческая проблематика периода царствования Алексея Михайловича Романова (1645-1676 гг.), так как происходившие в России изменения поставили на повестку дня ряд специфических для военного дела раннего Нового времени вопросов, среди которых заметное место занимает феномен дезертирства.

Сам термин «дезертирство» происходит от позднелатинского слова «desertare», что значит покидать или оставлять. Понятие означает самовольное оставление военной службы, а также какой-либо работы в нарушение служебных или моральных обязательств[12]. Подчеркнем, что использование в диссертации современных терминов «дезертир» и «уклонист» (наряду с историческими терминами «нетчик», «беглый солдат», «полковой беглец» и т.п.) объясняется контекстуальной универсальностью данных понятий, точно характеризующих определенные действия солдат. Дезертирство становится возможным в силу того, что приоритетным для человека, мобилизованного в армию, оказываются его сугубо субъективные мотивы, например, забота о собственном хозяйстве или наличие каких-либо интересов, удовлетворению которых мешает военная служба[13]. Исследователями установлено, что готовность убежать включает в себя комбинацию двух критериев – факторов и триггера. Факторы – это длительные по временной шкале источники недовольства. Они могут иметь разную природу (экономическую, социальную, военно-психологическую), но, в основном сводятся к плохому обеспечению пищей, задержке или невыплате жалованья, жестокости

---

[11]Пенской В.В. Военная революция XVI-XVII вв. и ее изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008. № 5(45). С. 67-73; Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. 445 с.

[12] Linden M. v.d. Mass Exits: Who, Why, How? // Desertion in the Early Modern period. Bloomsbury, 2017. P. 31.

[13] Терновая Л.О. Геополитическая судьба дезертира // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 5 (119). С. 154.

со стороны начальства, страху перед сражением и т.п. Триггер – это конкретный инцидент, провоцирующий побег[14].

Дезертирство – проблема армии любого исторического периода и страны. Но поскольку в XVI-XVII вв. повсеместное внедрение огнестрельного оружия в ходе «военной революции» позволило значительно увеличить численность и изменить социальный состав войсковых контингентов, это усложнило дисциплинарный надзор над военнослужащими. В условиях существовавших на тот момент вариантов денежно-продовольственного содержания вооруженных сил дезертирство обрело черты массовости.

Проблема нетчиков и полковых беглецов, очевидно, была присуща и армии Русского государства. Здесь дезертирство возникало на фоне углубления кризиса поместной системы. То есть, обеднение и неспособность поместной конницы обеспечивать свою службу, особенно в последней трети XVI – начале XVII вв. из-за продолжительной Ливонской войны и Смуты, стало основным фактором массового уклонения и бегства из армии[15]. В первой половине XVII века последствия дефицита земельного фонда еще больше усугубили ситуацию: так, на состоявшемся в 1642 году Земском соборе представители наиболее бедных слоев дворянства заявили, что не в состоянии нести службу «конно, людно и оружно», так как были сильно разорены[16]. В результате правительство стало вести более гибкую политику в отношении неявки служилого человека на службу[17].

По мнению Дж. Паркера, климатические и географические условия определили некоторые особенности хода «военной революции» в Северной и Восточной Европе, в том числе в России[18]. По нашему мнению, к перечисленному необходимо прибавить финансовые условия и возможности удешевления армии. Так, с 1649 года на территории Заонежских и Лопских погостов созданного в том же году Олонецкого уезда в условиях ограниченных финансовых и человеческих

---

[14] Linden M. v.d. Op. cit. P. 34-35.
[15] Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М.: 2004. С. 329 ; Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. С. 250-251 ; Козляков В.Н. Служилые люди России XVI-XVII веков. М., 2018. С. 95.
[16] Епифанов П.П. Указ. соч. С. 251.
[17] Волков В.А. Указ. соч. С. 330, 332-333.
[18] Parker G. Op. cit. P. 36.

ресурсов из местных черносошных крестьян стали создаваться солдатские и драгунские полки под командованием приглашенных начальных людей – иноземцев на русской службе[19]. В историографии данные подразделения получили название олонецких полков «нового строя», а их бойцы – пашенные (то есть взятые от земли, пахоты) солдаты и драгуны[20]. Формирование этих полков – важное мероприятие, являвшееся не только составной частью процесса реформирования вооруженных сил Русского государства, но и подтверждающее сохранение стратегической значимости Карелии в XVII веке. Она соединяла по своим озерам, рекам и волокам Балтийское и Белое моря, через свои заонежские земли на Вытегре Карелия прямо выходила на Поволжье. Такой транзитный характер Карелии всегда подчеркивал стратегическое значение края для Русского государства. В сочетании с факторами международной политики и внутриполитических процессов в России середины XVII века, эта уникальность северного края определила необходимость организации здесь вооруженных формирований. С конца XV–XVI вв. это был поместно-земской полк Корельского уезда, в том числе оперировавший в войнах против Швеции[21]. В середине XVII века его роль приняли на себя олонецкие полки «нового строя». Изначально занимавшиеся охраной русско-шведского порубежья, с началом Тринадцатилетней войны[22] в 1654 г. их подчинили Новгородскому столу Разрядного приказа и включили в состав Новгородского разрядного полка – особого войскового соединения северо-западных уездов, генезис которого относится еще к концу XV века[23]. Однако ряд структурных проблем, как

[19] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 122. О черносошном статусе основной массы земель Заонежских погостов см.: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 65-88.

[20] Термин «пашенные солдаты» был введен М.А. Островской (Островская М.А. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI-XVIII веках. СПб., 1913. С. 83).

[21] Жуков А.Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск, 2013. С. 364–366, 374.

[22] Одно из применяемых в историографии названий русско-польской войны 1654-1667 гг. (Малов А.В. Основные проблемы строительства вооруженных сил России. 1613-1689 гг. М., 2022. С.152-181).

[23] История Карелии… С. 122 ; Курбатов О.А. С. Областные разряды царского войска: от воеводских росписей до военных округов // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 2. Белгород, 2017. 10-11.

социально-экономического, так и чисто военного характера породили массовое дезертирство солдат и драгун из олонецких полков.

Проблема дезертирства и борьбы с ним являются одним из аспектов бурно развивающихся ныне исследований военной истории России. При этом наблюдается недостаточность разработки поднятой проблематики и отсутствие комплексного подхода к теме. Анализ данной темы на российских материалах середины XVII века дает яркое представление о трудностях, с которыми столкнулось государство в процессе строительства регулярной армии, а также об отношении к военной службе современников событий.

Объект исследования: олонецкие полки «нового строя».

Предмет исследования: феномен дезертирства солдат и драгун олонецких полков «нового строя» в период русско-польской (1654-1667 гг.) и русско-шведской (1656-1658 гг.) войн.

Цель комплексно раскрыть историческую специфику, причины и последствия бегства солдат и драгун из олонецких полков «нового строя». Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

— Сделать обзор изменений в государственном управлении Карелией конца XV – первой половины XVII вв. в контексте складывания исторических условий для проведения военной реформы Заонежских и Лопских погостов 1647-1649 гг.;

— Рассмотреть введение солдатской службы в Олонецком уезде в 1649 году с точки зрения процессов социальных трансформаций крестьянства Карелии;

— Исследовать сравнительную динамику распространения дезертирства в олонецких полках на материалах массовых источников 1657 и 1662 гг. на материалах массовых источников и приказного делопроизводства;

— Выявить основные факторы и последствия дезертирства олонецких солдат;

— Раскрыть особенности организации массовых побегов пашенных солдат и драгун и роль в них младшего командного состава полков;

— Изучить вопрос правоприменения Соборного Уложения 1649 года к борьбе с бегством олонецких солдат и драгун;

— Исследовать систему сыска и возврата в строй беглых солдат и драгун, показать степень ее эффективности.

Территориальные рамки исследования охватывают в основном Олонецкий уезд в границах 1649 года и районы дислокации олонецких полков на театре военных действий.

Хронологические рамки исследования включают промежуток времени с 1649 по 1666 гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена формированием олонецких полков «нового строя». В 1649-1654 гг. личный состав проходил активное обучение и первую боевую практику в подавлении Псковского восстания 1650 года. С началом русско-польской войны в 1654 году среди солдат и драгун стало распространяться дезертирство. Верхний хронологический рубеж связан с тем, что возросшее до широких масштабов массовое дезертирство из олонецких полков в начале 1660-х гг. поставило под угрозу боеспособность Новгородского разрядного полка, в результате чего, в 1666 году, за год до заключения Андрусовского мира и окончания войны с Речью Посполитой, олонецкие полки «нового строя» были расформированы, солдатская и драгунская служба карельских крестьян упразднена.

Степень изученности темы. В настоящий момент исследовательская проблематика дезертирства в русской армии в целом, и в XVII веке, в частности, имеет недостаточную степень разработанности.

Российских исследователей привлекает преимущественно проблема солдатского бегства начала XX века из Русской императорской армии периода Первой мировой войны и из Рабоче-крестьянской Красной армии времен Гражданской войны. Отметим исследования М.В. Оськина, А.Б. Асташова, А.В. Долговой, С.Б. Барановой, А.В. Попова, Е.А. Сикорского, О.А. Суховой, К.В. Левшина и др.[24]. В рамках Второй мировой и Великой Отечественной войны

[24] Оськин М.В. Российский дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ. 2014. Вып. 5 (60). С. 46-59 ; Асташов А.Б. Членовредительство и симуляция болезней в русской армии о время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2012. № 34. С. 6-18 ; Долгова А.В. Тема дезертирства в годы Гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии в первые годы Советской власти // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 12. С. 46-49 ; Баранова С.Б. Дезертирство в годы Гражданской войны: историография вопроса (на примере Пермской губернии) // Теоретические и методологические проблемы

проблема дезертирства представлена в немногочисленных работах, освещающих, кроме побегов солдат и армии, трудовое дезертирство. Это работы В.А. Гусака и Ю.Г. Белоногова[25].

В меньшей степени в российской историографии уделено внимание дезертирству в XIX веке. Эта тематика освещена в публикациях И.А. Гордеевой[26] об отказниках и формировании пацифистского движения, а также В.С. Пруцаковой[27] и Е.А. Назаряна[28] о беглых солдатах русской армии периода Наполеоновских войн.

Что же касается специальных работ о дезертирстве в России раннего Нового времени, в особенности второй половины XVII – первой половины XVIII вв., то они пока немногочисленны. Исследователи сосредотачиваются, в основном, на локальных и микроисторических аспектах. В этом ключе выполнены статьи М.Е. Проскуряковой[29] о гарнизонных дезертирах Кексгольма и Выборга в первой половине XVIII века, Д.В. Брусницыной[30] об институте поручительства как способе борьбы с бегством олонецких пашенных солдат и Ю.П. Соловьева о

современных наук. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Центр содействия развитию научных исследований. 2014. С. 57-63 ; Попов А.В. Дезертирство как проявление разложения русской армии на Западном фронте в феврале-октябре 1917 года // Псковский военно-исторический вестник. 2017. № 3(3). С. 152-158 ; Сикорский Е.А. К вопросу о борьбе с дезертирством из Красной Армии в 1918-1924 гг. (по материалам Смоленской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2011. № 3(59). С. 104-124 ; Сухова О.А. Дезертирство в период Гражданской войны в России: культурно-антропологический аспект // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовия. 2016. № 2(38). С. 37-47 ; Левшин К.В. Дезертирство в Красной Армии в годы Гражданской войны на северо-западе России, 1918-1921 гг. 07.00.02. Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2012. 300 с.

[25] Гусак В.А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник ЮУрГУ. 2008. № 8 (108). С. 9-16 ; Белоногов Ю.Г. Политика городских властей по профилактике дезертирства работников с промышленных предприятий г. Молотов, 1941—1945 гг. // Современный город: власть, управление, экономика. 2019. Т. 1. С. 276-287 ; Белоногов Ю.Г. Причины трудового дезертирства с оборонных предприятий Молотовской области в период Великой Отечественной войны // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, к 30-летию вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. 2019. С. 197-204.

[26] Гордеева И.А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 4. С. 78-104.

[27] Пруцакова В.С. Дезертирство из русского оккупационного корпуса во Франции 1815-1818 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 1 (160). С. 177–185.

[28]Назарян Е.А. Дезертирство в русской армии: мотивы и обстоятельства // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Междунар. науч. конф. (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.) Можайск: Гос. Бородин. воен.-ист. музей-заповедник, 2012. С. 302–309.

[29] Проскурякова М.Е. «Бежав ис полку»: Феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой поовины XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2014. Т. 13. № 8. С. 82-92.

[30] Брусницына Д.В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 4. С. 104-118.

дисциплинарных проблемах в рядах драгун Комарицкой волости[31]. Нельзя пройти мимо более общей работы А.В. Кутищева о дезертирах в русской и европейских армиях конца XVII – начала XVIII вв., где с применением сравнительного анализа рассматриваются основные причины солдатского бегства. Эта в целом интересная работа оставляет вопросы, связанные с применением автором весьма странного с научной точки зрения утверждения «природный абсентеизм русских к военной службе»[32].

Историография дезертирства в раннее Новое время, особенно зарубежная, в последние годы активно пополняется разнообразными историко-антропологическими работами. Нидерландские историки, прежде всего М. ван дер Линден и М. ван Россум, впервые стали рассматривать дезертирство в качестве самостоятельного предмета исследования. Изначально специализировавшиеся на истории рабочего класса и левых движений, исследователи изучали дезертирство через призму глобальной истории труда, что позволило выработать оригинальные подходы к изучению темы, определить основной социальный состав дезертиров и выявить общие для всех причины для побегов. Результаты работы ученых были опубликованы в сборнике «Дезертирство в раннее Новое время. Сравнительная история» («Desertion in the Early Modern World: a comparative history»)[33], где феномен дезертирства раскрыт с точки зрения общественного развития в Европе и Азии в XVII-XVIII вв. В публикации, помимо названных авторов, представлены статьи Ж. Камп, А. Станциани и К. Фатах-Блэка, посвященные дезертирству из армии и флота, бегству рабов и уклонению некоторых гражданских категорий лиц от разного рода работ. Вслед за данным сборником вышел «Справочник глобальной истории труда» («Handbook the Global History of Work»), в котором нам интересен раздел

[31] Соловьев Ю.П. Комарицкие драгуны. Об одной неудавшейся служилой корпорации // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 12-13. Саратов, 2019. С. 102-126.
[32] Кутищев А.В. Дезертирство в европейских армиях в эпоху Людовика XIV и Петра I // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (90). С. 41-45.
[33] Desertion in the Early Modern World: a comparative history. London, 2016. 208 p.

М. ван Россума о дезертирстве в мировой истории[34]. Т. Агостини в своей статье подробно исследовал причины дезертирства британских солдат и борьбы с беглыми во время Семилетней войны (1756-1763 гг.)[35]. Также интересна книга И. Берковича «Мотивация на войне. Опыт простых солдат Европы Старого режима» («Motivation in War. The Experience of Common Soldiers in Old-Regime Europe»)[36], поскольку она раскрывает ряд общих для всего раннего Нового времени тенденций, связанных с «военной революцией», что позволяет с некоторыми оговорками экстраполировать выводы И. Берковича на XVII век.

Таким образом, наработанные в историографии подходы к теме, а также очевидные лакуны (статистические показатели дезертирства в армиях разных стран, факторов дезертирства, связь «военной революции» с дезертирством и т.п.), делают возможным и необходимым более тщательный анализ имеющихся исторических источников применительно к феномену солдатского бегства. Данная проблема может быть комплексно рассмотрена на примере дезертирства из русской армии середины XVII века, в частности из олонецких полков «нового строя».

Впервые вопрос бегства олонецких солдат был поднят в статье С.С. Гадзяцкого[37] еще в первой половине XX века. Исследуя карельский и приладожский театры военных действий русско-шведской войны 1656-1658 гг., историк уделил внимание сюжету, связанному с бегством гарнизона Олонца перед шведским вторжением зимой 1656-1657 гг.

Следует выделить и труд Р.Б. Мюллер[38], являющийся классическим по истории Карелии раннего Нового времени. Занимаясь карельским крестьянством, исследовательница затронула проблему дезертирства пашенных солдат и драгун, объясняя данное явление как социальный протест крестьян, оторванных от своих

---

[34] Rossum M. v. Desertion // Handbook The Global History of Work. Berlin, 2018. P.505-520.
[35] Agostini T. "Deserted His Majesty's Service": Military Runaways, the British-American Press, and the Problem of Desertion during the Seven Years' War // Journal of Social History. Summer, 2007. Vol. 40. No. 4. P. 957-985.
[36] Berkovich I. Motivation in War. The Experience of Common Soldiers in Old-Regime Europe. Cambridge University Press, 2017. 268 p.
[37] Гадзяцкий С.С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656-58 гг. // Исторические записки. Т. 11. М.,1941. С. 236-281.
[38] Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI-XVII веков. Петрозаводск, 1947. 175 с.

хозяйств. В основном ее выводы касаются влияния «солдатчины» на аграрную историю Карелии.

А.Ю. Жуков исследовал военно-административное управление Карелии и политику властей по упорядочиванию службы олонецких полков и борьбе с дезертирством. Историк опроверг распространенный тезис о хозяйственной разрухе Олонецкого уезда как первопричине отмены солдатской службы, доказывая, что расформирование полков произошло по причине снижения военной опасности от Речи Посполитой и переговоров о мире[39]. Им также опубликован обширный архивный материал, посвященный решению проблемы беглых солдат в сложной обстановке 1662 года[40].

Некоторые аспекты дезертирства олонецких пашенных солдат и драгун рассматриваются в статьях, диссертации и монографии Д.В. Брусницыной[41]. Используя архивные материалы преимущественно Олонецкой воеводской избы, данные солдатской переписи Ивана Дивова и коллекцию РГАДА «Приказных дел старых лет», исследовательница уделила внимание ряду причин солдатских побегов, попыталась оценить масштаб дезертирства и специфику административной борьбы с ним. В целом Д.В. Брусницына ограничилась социальными причинами побегов, привела общие оценочные сужения о размахе уклонения карельских крестьян от военной службы, упомянула иные формы сопротивления воинской повинности, рассмотрела вопросы составления солдатских «поручных записей», практику привлечения к службе «наймитов», административного взаимодействия уездных властей с высыльщиками и

---

[39] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. 256 с.

[40] Жуков А.Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 91-187.

[41] Брусницына Д.В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 4. С. 104-118; Брусницына Д.В. Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649-1666) [Электронный ресус] // CARELICA. 2013. № 1. С. 10-18. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA_/1_2013_(10)/Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_(16491666).html ; Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649-1666): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Петрозаводск, 2014. 294 с.; Брусницына Д.В. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649-1666): новые явления в годы солдатской службы [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2016. 111 с. 1 электрон. опт. Диск (CD-R).

сыщиками, взаимоотношения иностранных офицеров и местных крестьян на религиозно-бытовом уровне. В результате автор уточнила понимание социальной истории карельского крестьянства в середине XVII века – трагичное для него время. Д.В. Брусницына не ставила задачу исследования олонецких полков «нового строя» в рамках военно-исторической концепции. За пределами внимания ученой оказались такие значимые вопросы, как социально-административные предпосылки формирования феномена дезертирства в 1649-1654 гг., воздействие на учащение побегов экономического кризиса начала 1660-х гг., особенности солдатских побегов во время русско-шведской войны 1656-1658 гг., анализ эффективности системы сыска и возврата в строй беглых солдат, вопрос о последствиях дополнительных наборов в полки и выявление динамики дезертирства. Также нуждаются в уточнении и статистические данные, приведенные исследовательницей.

А.С. Рыжков, в свою очередь, затронул проблему дезертирства олонецких солдат и драгун сквозь призму изучения механизма призыва солдат на службу, злоупотреблений высыльщиков и вопроса адаптации иностранных военных специалистов в русской солдатско-крестьянской среде[42]. В остальных случаях историки ограничивались краткими замечаниями о проблеме дезертирства в олонецких полках[43].

Как материал для сравнения, заслуживают внимания работы и выводы финского исследователя Ю.Т. Лаппалайнена о дезертирстве из финских частей шведской армии, касающиеся особенностей конфронтации общества и власти в вопросах солдатского бегства и уклонения от службы в годы русско-шведской войны, отношений финского населения в граничивших с Русским государством

---

[42] Рыжков А.С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2006. № 1-2. Режим доступа: http://illmik.petrsu.ru/news/New_Results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html ; Рыжков А.С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. 2007. № 1. Режим доступа: http://illmik.petrsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html.

[43] См., например: Коваленко Г.М. Карелия в русско-шведской войне 1656-1658 гг. Петрозаводск, 1978. 76 с.; Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-1658 гг. // АРИ. М., 2007. С. 157-197.

областях к дезертирам, а также практике найма военнообязанными крестьянами добровольцев вместо себя[44].

Но в целом малая историографическая разработанность темы бегства олонецких солдат и драгун, а также необходимость воссоздания исторического контекста, обуславливает необходимость обращения к более общим работам, в разной степени затрагивающим феномен дезертирства не только олонецких солдат, но и вообще русских служилых людей на протяжении всего XVII века. Среди современного многообразия научных работ по военной истории России раннего Нового времени отметим публикации В.Н. Козлякова, посвященные городовым служилым корпорациям[45]. В них историк проанализировал причины уклонения от службы из дворянской конницы в 1610-е гг. Проблемы реформирования армии, вопрос распространения дезертирства в выборных московских полках «нового строя» во время Тринадцатилетней войны 1654-1667 гг. затрагивал в своих работах А.В. Малов[46], показавший сложности наборов в полки из-за повсеместного уклонения от службы. Также О.А. Курбатов[47], занимаясь, в основном, конницей «нового строя» во второй половине XVII века, исследовал проблему комплектования и дезертирства из Новгородского полка. Он пришел к выводу, что фактор военных неудач походов князя И.А. Хованского 1659-1661 гг. спровоцировал массовое бегство служилых людей. Об итогах кампании 1659-1660 гг., в частности массовом дезертирстве в русской армии после снятия осады с Ляховичей, также высказывался К. Касажецкий[48].

Для нашего исследования также важны выводы предшественников, тем или иным образом касающиеся денежно-продовольственного обеспечения русской

---

[44] Lappalainen J.T. Elämää suomen sotaväessä Kaarle X Kustaan aikana. Jyväskylä, 1975. 214 p.; Lappalainen J.T. Finland och Karl X Gustafs ryska krig. Försvaret av den östra rikshalvan 1656-1658 // Carl X Gustaf-studier. Vol. 7. Kriget på östfronten. Vaasa, 1979. 198 s.; Lappalainen J.T. Kaarle X Kustaan Venäjän-sota v. 1656-1658 Suomen suunnalla. Juväskylä, 1972. 351 s.

[45] Козляков В.Н. Служилые люди России XVI-XVII веков. М., 2018. 544 с.; Он же. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного Уложения). Ярославль, 2000. 208 с.

[46] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М., 2006. 624 с.; Малов А.В. Основные проблемы строительства вооруженных сил России. 1613-1689 гг. М., 2022. 324 с.

[47] Курбатов О.А. Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. М., 2017. 301 с.; Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке // Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 226-250.

[48] Касажэцкі К. Кампанія 1660 году ў Літве. Менск, 2011. 330 с.

армии. Полученные ими результаты помогают в раскрытии экономического фактора дезертирства из олонецких полков «нового строя», являвшегося одним из мощнейших оснований бегства со службы. Это, прежде всего, работы А.С. Лаппо-Данилевского[49], А.А. Новосельского[50], П.П. Епифанова[51], а также В.А. Волкова[52] и В.В. Пенского[53]. Отметим и монографии К.В. Базилевича[54] и А.С. Мельниковой[55]. Изучая денежную реформу царя Алексея Михайловича и ее последствия, авторы выявляют связь между обесцениванием медных денег и катастрофическим падением дисциплины в армии в 1661-1662 гг., что в итоге привело к массовому дезертирству. Нельзя не сказать и об одной из новейших работ по денежно-налоговой сфере России XVI-XVIII вв. – книге З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова, в которой исследуется, в частности, российская налоговая система в рамках концепции военно-фискального государства раннего Нового времени[56].

В фокусе борьбы с дезертирством в армиях России и Европы в XVI-XVII вв. важно изучить научное наследие историка военного права П.О. Бобровского[57], в трудах которого рассматривается эволюция военно-уголовного законодательства в раннее Новое время и формирование методов борьбы с дезертирами. В данном русле интересна современная работу Н. Коллманн[58] об уголовном праве и судебно-процессуальной практике в России в XVI-XVIII вв. Находясь под влиянием идей Мишеля Фуко, в частности следуя фукианскому положению о том, что акты государственного насилия в раннее Новое время являлись формой

---

[49] Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. 557 с.
[50] Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 117-135.
[51] Епифанов П. П. Указ. соч. С. 234-264.
[52] Волков В.А. Указ. соч. 572 с.
[53] Пенской В.В. «…И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени // История военного дела: исследования и источники. 2016. С. 85-106.
[54] Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л., 1936. 116 с.
[55] Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. 318 с.; Мельникова А.С. Булат и злато. М., 1990. 207 с.; Мельникова А.С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI-XVII веков. М., 2005. 320 с.
[56] Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI-XVIII вв. СПб., 2020. 568 с.
[57] Бобровский П.О. Уклонение от воинской службы. СПб., 1886. 50 с.; Бобровский П.О. Военное право в России при Петра Великом. Ч.2. СПб., 1882. 296 с.; Бобровский П.О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. М., 1882. 43 с.; Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. СПб., 1885. 215 с.
[58] Коллманн Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. 616 с.

социального контроля[59], автор показывает интересные в русле нашего исследования действия «карающего меча» государства за различные преступления, в том числе мятежи. По вопросу применения в войсках составленного в 1647 году военного трактата «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» представляет интерес работа О.В. Русаковского[60].

Что касается историографии русско-шведского приграничья, дающей представления об условиях, в которых служили и отказывались от службы олонецкие солдаты, следует отметить основательное исследование А.А. Селина[61] и статью К.В. Шмелева[62].

Рассмотренная литература не дает полной картины для понимания проблемы дезертирства, оставляя открытыми комплекс взаимосвязанных вопросов: о совокупности факторов воздействия на возникновение и распространение дезертирства именно в олонецких полках «нового строя»; о специфике их комплектования и мобилизации в связи с протестными настроениями; о числе дезертиров в разные периоды времени; об изъянах системы продовольственного снабжения как причине бегства из полков; о том, как финансово-экономический кризис начала 1660-х гг. и военные неудачи отразились на материальном и моральном состоянии солдат и драгун; о степени эффективности правительственных мер по восстановлению приемлемого финансового положения военнослужащих; о спланированности или спонтанности массовых побегов и об условиях их организации, в том числе о разногласиях и конфронтации рядового и командного состава; о том, насколько эффективной была применявшаяся система сыска и возврата в строй дезертиров, и, наконец, о последствиях для армии массового дезертирства из олонецких полков «нового строя».

---

[59] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. 479 с.

[60] Rusakovskiy O. The Russian Edition of Johann Jacobi von Wallhausen's »Kriegskunst zu Fuß« (1649): The History of A Failure? // Militargeschichtliche Zeitschrift. 2020. Vol. 79. No. 1. P. 1-25.

[61] Селин А.А. Русско-шведская граница (1617-1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. – Изд. испр. и доп. – СПб.: Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 2016. – 864 с.

[62] Шмелев К.В. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» в середине XVII века // Новый часовой. – 2004. – № 15-16. – С. 7-22.

Источниковую базу исследования составили материалы архивов и опубликованные документы, которые в контексте нашего исследования могут быть сгруппированы следующим образом:

— Законодательные акты (Соборное Уложение 1649 года, царские указы и указные грамоты);
— Документы публично-правового характера (наказные памяти (инструкции) олонецких воевод к старостам, офицерам, сыщикам);
— Документы частноправового характера (жалобы, челобитные с мест, поручные записи);
— Судебно-следственная документация (расспросные речи (допросы), протоколы суда первой инстанции на местах и окончательные приговоры олонецкой воеводской администрации, сыскные дела, именные росписи беглых солдат);
— Приходно-расходные документы (бюджетные сметы, отчеты о выплате жалованья, интендантские документы);
— Массовые источники (солдатские переписи);
— Нарративные источники XVII века (дневник Патрика Гордона, сочинение Григория Котошихина, военный трактат «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»).

Необходимые для работы неопубликованные источники хранятся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и архива Санкт-Петербургского института истории РАН (архив СПбИИ РАН).

Работа с документами РГАДА была направлена на изучение фонда Разрядного приказа (ф.210), «Боярских и городовых книг» (ф.137), и «Приказных дел старых лет» (ф. 141). Из результатов повседневной работы приказных подьячих удалось извлечь значительный пласт информации. В ходе изучения материалов описи столбцов Новгородского стола Разрядного приказа (столбцы 109, 118, 124, 127, 129, 162, 164)[63] выявлены некоторые особенности войсковой логистики (тыловая подготовка, сосредоточение складов и т.п.),

[63] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 11. Стб. 109, 118, 124, 127, 129, 162, 164.

продовольственного обеспечения и денежного содержания солдат (поставки продуктов, выдача провианта и денежного жалованья), что позволило оценить уровень обеспеченности продовольствием личного состава армии. Материалы столбцов проясняют специфику массовости, организованности побегов и динамику распространения дезертирства. Наконец, изучение указанных документов позволило уточнить некоторые обстоятельства организованной правительством борьбы с дезертирством. Среди материалов стоит отметить отписки сыщиков, которые являются одним из важнейших источников по изучению системы сыска и возврата в строй беглых солдат, поскольку из их содержания можно выявить большое количество сведений, будь то имена сыщиков, места их назначения, документы, на основании которых велся сыск, количество разыскиваемых беглых солдат, различные частные детали сыскной работы и т.д.[64]. На материалах сметных списков доходов и расходов Олонецкого уезда (1649-1666 гг.)[65] изучен ряд вопросов по комплектованию полков (эволюция формирования полков, переформирование, офицерский состав, сменяемость полковников) и их финансированию, а также, частично, о нахождении части личного состава на приграничных заставах и их обеспечении. Переписные книги Ивана Дивова 1657 года[66] необходимы для нашего исследования, в первую очередь, потому, что в них содержатся сводные данные о беглых солдатах. На основе информации третьей и пятой книг солдатской переписи, при сравнении с данными, полученными историками за более ранний период, выявлена динамика дезертирства и уклонения среди солдат в 1650-е гг. Помимо этого, по данным переписным книгам можно вычислить сроки службы некоторых солдат, присвоения им званий младшего командного звена. В фонде «Приказных дел старых лет» содержится важнейший документ о введении в 1649 году в Олонецком уезде солдатской службы[67].

---

[64] Бочкарев А.С. Отписки сыщиков как источник по исследованию борьбы с дезертирством олонецких пашенных солдат в 1662 г. // Краеведческие чтения. Материалы XVI научной конференции (16-17 февраля 2022 года). Петрозаводск, 2022. С. 121-123.
[65] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2-4.
[66] Там же. Д. 5. 1130 л.
[67] Там же. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14-15.

Фонд Олонецкой воеводской избы (ф. 98) архива СПбИИ РАН[68] представлен, в основном, частно- и публично-правовой документацией за 1649-1664 гг. (к. 1-5). На основании этих материалов уточнена полковая структура (ротная организация, младший, средний и старший командный состав), территориальное отношение полков (какие погосты при наборе солдат и драгун были подотчетны определенным полкам), состав конвоев сопровождения дезертиров при возвращении на службу, сбои обратной связи между действующей армией и тылом в лице олонецкой воеводской администрации, санкции, возложенные на беглых солдат, некоторые особенности мобилизации. Из архива СПбИИ РАН частично использованы материалы фонда Посольского стола Новгородской приказной палаты (ф. 109) по вопросу привлечения крестьян к досмотру линии русско-шведской границы[69]. Почти все рассмотренные архивные материалы являются подлинниками. Они составили основную часть источников в нашей работе.

Некоторый объем делопроизводственных документов опубликован. В упомянутой выше публикации А.Ю. Жукова[70] представлены документы, посвященные боеспособности полков, материальному снабжению, дезертирству и борьбе с ним. Материалы по теме также имеются в опубликованных в разные годы сборниках документов[71].

Использованы также публикации дневников и других нарративных источников, в том числе военных трактатов[72].

---

[68] Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф. 98. К. 1-5.
[69] Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. К. 1. Д. 125, 128, 159.
[70] Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 91-187.
[71] См., например: Акты Московского государства (далее – АМГ). Т.2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1659. СПб., 1894. 773 с.; АМГ. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660-1664. СПб., 1901. 674 с.; Древняя российская вивлиофика (далее – ДРВ). Т. 20. М., 1791. 442 с.; Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т.1. СПб., 1830. 1029 с.; Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). Т. 1. СПб., 1846. 400 с.; ДАИ. Т.4. СПб., 1851. 416 с.; Акты археографической экспедиции (далее – ААЭ). Т. 4. СПб., 1836. 500 с.; Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. 442 с.; Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. 556 с.
[72] Гордон П. Дневник, 1659-1667. М., 2003. 315 с.; Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. 324 с.; Петрей П. История о Великом княжестве Московском. М., 1867. 574 с.; Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2012. 728 с.; Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М., 2012. 340 с.; Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. 286 с.

Изучение всех указанных документов позволило провести историко-юридический, историко-экономический, историко-политический и социально-антропологический анализ для решения поставленных задач.

Методологическая база исследования

Работа основывается на принципах исторического познания, предполагающих изучение процессов и явлений в системности, динамике и взаимодействии. Выделим наиболее важные методы нашего исследования.

Историко-генетический метод использован, прежде всего, для характеристики феномена дезертирства олонецких солдат в статике и динамике. Путем разделения периода 1649-1666 гг. на этапы (1649-1653, 1654-1656, 1657-1666 гг.), данный метод позволяет понять, как феномен дезертирства олонецких солдат зародился, развивался и какие имел последствия.

Применение *историко-сравнительного метода* обусловлено необходимостью внесения в контекст определенного элемента компаративистики путем сопоставления положения олонецих полков «нового строя» с комарицкими драгунами и финскими частями шведской армии из-за схожести способа комплектования, для выявления региональных особенностей дезертирства олонецких солдат.

Историко-типологический метод использован, в частности, при процедурах определения категорий дезертиров или уклонистов.

Историко-статистический метод позволил систематизировать количественный материал и исследовать динамику распространения дезертирства среди олонецких солдат.

Метод комплексного анализа позволил объединить разнородные причины дезертирства в обоснованную и стройную систему факторов и триггеров, где центральные позиции занимают экономические, социальные и военные причины солдатского бегства.

Разработка темы велась на основе сочетания *институционального* и *антропологического* подходов[73]. Это позволило изучить взаимосвязь между интересами, с одной стороны, государственных структур, с другой – пашенного солдата. Примененный в работе институциональный подход позволяет раскрыть место и роль государственных институтов в жизни крестьянства Карелии и пашенных солдат как его особой социальной группы. В качестве официальных институтов выступают военно-уголовное законодательство, армия и связанные с ней учреждения и службы, такие как системы комплектования войск, продовольственного снабжения, сыска беглых и др. В свою очередь, антропологический подход предполагает выделение человека из социума, то есть подразумевает рассмотрение, с одной стороны, солдата, драгуна, капрала, каптенармуса и сержанта, а с другой – офицера, высыльщика, сыщика и воеводу как акторов рассматриваемых исторических событий.

Научная новизна работы заключается в том, что она является первым комплексным исследованием проблемы дезертирства олонецких пашенных солдат и драгун. Также впервые применительно к данным формированиям солдатское бегство рассмотрено в совокупности факторов и триггеров, проявлений и последствий, уточнена статистика и проанализирована динамика дезертирства. В работе исследуются экономические, социальные и военные причины, воздействовавшие на возникновение и распространение дезертирства; рассматриваются особенности организации побегов и система борьбы с дезертирством.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования вносят вклад в понимание факторов, определяющих настроения солдат, военные, экономические, социально-психологические причины дезертирства в конкретных исторических условиях. Они могут быть использованы при исследовании дезертирства XVII века в общероссийском контексте, создании обобщающих трудов по военной и социально-

[73] О месте антропологического подхода в современной исторической науке см.: Далгат Ф.М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 30. Вып. 4. С. 133-140.

антропологической истории, для разработки спецкурсов и лекционных курсов по истории Карелии и России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Масштабы распространения дезертирства среди олонецких солдат увеличивались с 1654 года. Они достигли своих наивысших показателей в 1657 году и сохранялись на высоком уровне как минимум до 1662 года;

2. Дезертирство из олонецких полков «нового строя» было обусловлено тремя ключевыми группами факторов – экономическими, социальными и собственно военными. Роль катализатора при этом играли причины финансово-экономического характера – сбои денежно-продовольственного обеспечения вели к нарушению хода мобилизации, замещение больших военных потерь привело в конечном итоге к истощению мобилизационного ресурса Олонецкого уезда, при этом обострялись взаимоотношения с офицерами-иноземцами и рос страх столкновения с превосходящими силами противника.

3. Массовость солдатских побегов была обеспечена участием в их планировании и организации представителей младшего командного состава олонецких полков «нового строя» – капралов, каптенармусов и сержантов. Являясь, с одной стороны, опорой начальных людей в командовании солдатами, с другой стороны, младшие командиры были выходцами из крестьянской среды и вчерашними солдатами, пользующимися авторитетом у подчиненных. Организованности побегов также способствовал порядок комплектования рот, основывавшийся на волостной раскладке, что обеспечивало наполнение подразделений земляками и предопределяло массовый характер дезертирства;

4. Эффективность основного инструмента борьбы с дезертирством из олонецких полков – системы сыска и возврата в строй беглых солдат – зависела от ее кадровой наполняемости. Неудовлетворительные результаты работы сыщиков связаны с большими масштабами дезертирства, обширной территорией розыска, крестьянской помощью беглым и коррупцией внутри самой системы сыска.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертации нашли отражение в 7 публикациях (объем 5,4 п.л.), в том числе 4 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ. Результаты диссертационной работы были представлены на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: Коллоквиум аспирантов-стипендиатов (в рамках стажировки) Германского исторического института в Москве (Москва, 2019), 71-я Всероссийская (с международным участием) научная конференция обучающихся и молодых ученых (Петрозаводск, 2019), Всероссийский общественно-научный форум «Дихотомия войны и мира: приграничные регионы в переломные исторические эпохи» (Псков, 2020), XVI научная конференция «Краеведческие чтения – 2022» (Петрозаводск, 2022), X Международная научно-практическая школа конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2022), школа молодых ученых «Человек на войне в средние века и новое время» (Софрино, Московская обл., 2022).

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, разбитых на параграфы, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы.

Глава I. Складывание предпосылок дезертирства в олонецких полках «нового строя»

§ 1. Солдатская служба в Олонецком уезде в 1649-1654 гг. в контексте административных преобразований

В середине XVII века российским правительством проводилась модернизация вооруженных сил. Она включала в себя, кроме непосредственно военных реформ, изменения административно-территориального характера в некоторых частях страны. В Карелии необходимость реформирования системы управления краем была обусловлена потребностью укрепления «вертикали власти» в отношениях центра и периферии в связи со складывавшимися внешнеполитическими обстоятельствами. Главными мероприятиями в этом направлении стали создание Олонецкого уезда в 1649 году во главе с воеводой и введение обязательной военной службы для большинства черносошных крестьян региона. Воинская повинность существенно трансформировала общественно-хозяйственный уклад и отразилась на состоянии экономики крестьянского мира.

Изменения в управлении Карелией в конце XV – первой половине XVII вв.

На стратегически важной приграничной территории процесс создания надежного управления, отвечающего политическим и экономическим интересам Москвы, растянулся более чем на сто пятьдесят лет. Еще в 1478 году Карелия, до того являясь частью Новгородской земли, вошла в состав Московского государства, проходившего завершающий этап централизации. Новгородский уезд включил в себя почти всю территорию Карелии, за исключением ее приполярной окраины. Со временем здесь выделились устойчивые административные образования с особым порядком управления: черносошный округ Лопских погостов, где власть осуществляли подьячие новгородских дьяков или дворецкого, дворцовый округ Заонежских погостов, возглавляемый присылаемым из Москвы приказчиком из приказа Большого Дворца.

Так как край обладал довольно густой сетью водно-волоковых транзитных торговых трасс, его жители развивали у себя коневодство (кони использовались

на волоках). Поэтому уже в конце XV – середине XVI вв. самые густонаселенные транзитные земли Карелии – погосты Онежско-Ладожского межозерья Олонецкий, Шуйский и Кижский – были переданы в управление конюшему новгородскому: филиал дворцового ведомства Конюшенного пути ведал снабжением государевых войск в Новгородском уезде конями и фуражом[74]. Думается, данные обстоятельства объясняют будущее решение Москвы 1649 г. развернуть в Карелии не только солдатские, но и драгунские части.

Кроме того, Олонецкий стан (вотчина) Дома св. Софии управлялся его приказчиком, а Соловецким вотчинным округом руководил игумен Соловецкого монастыря. Таким образом, на территории Карелии сложилось смешанное государственно-церковное управление. Формирование Заонежских и Лопских погостов, софийского Олонецкого стана и Соловецкого округа закрепило позиции Москвы в регионе в XVI веке[75].

Итоги Смуты начала XVII века в долгосрочной перспективе поставили под угрозу безопасность северо-западной окраины страны. По результатам Столбовского мира 1617 года, заключенного по исходу русско-шведской войны 1610-1617 гг., территория Корельского уезда вместе с крепостью Корела (Кексгольм) отошла Швеции, что, соответственно, подвинуло русско-шведскую границу на восток и обнажило заладожскую Олонецкую Карелию[76].

Тем не менее, на первых порах русско-шведские отношения развивались в позитивном ключе. В 1629-1633 гг. эти связи близко подошли к форме военно-политического союза[77]. В 1628-1634 гг. путем беспошлинной продажи хлеба по заниженным ценам Россия фактически субсидировала участие Швеции в Тридцатилетней войне (1618-1648 гг.)[78]. Однако после гибели короля Густава II

---

[74] Жуков А.Ю. Самоуправление в политике России… С. 211-220.
[75] Там же.
[76] ПСЗРИ. Т. 1. СПб., 1830. С. 177-192; Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 7-28.
[77] Шаскольский И.П. Экономические отношеня России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 65.
[78] Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 202-229.

Адольфа в 1632 году изменение политической конъюнктуры привело к охлаждению в русско-шведских отношениях[79].

В тот же период, а именно в 1629 году по русско-шведской границе в районе Новгорода начинает формироваться сеть застав и острожков (пограничных укреплений), изначально связанных с карантинными ограничениями. Они были призваны не допустить проникновение «морового поветрия», распространившегося в шведской Ингерманландии, на российскую территорию. Удачный опыт организации контроля по пересечению границы уже в 1630 году привел к тому, что пограничная служба на северо-западе Московского государства приняла регулярный характер[80].

В 1630-е гг. постоянно действующие заставы и острожки возникли и в Олонецкой Карелии. Они выполняли задачи по фискальному и миграционному контролю[81], связанному с сыском «корельских выходцев», то есть православных (и, частично, лютеран) беженцев с территории Корельского уезда, недовольных шведской властью[82]. До обострения международной обстановки в 1650-х гг. военная функция пограничных застав являлась второстепенной, учитывая, что заставный гарнизон обычно не превышал десятка стрельцов[83]. В дальнейшем, с появлением полков пашенных солдат дело по охране границы, в основном, перешло к ним: на территории Олонецкой Карелии они несли службу на заставах Кондуши, Вешкельская, Кангасозерская и Ескюля[84].

Балтийская экспансия Швеции и ее победы в Тридцатилетней войне значительно усилили международные позиции королевства. Опасное соседство с

---

[79] Коваленко Г.М. Русско-шведские отношения в XVII веке. Учебное пособие по спецкурсу для студентов историко-филологического факультета. Петрозаводск, 1982. С. 20.
[80] Селин А.А. Указ. соч. С. 381-398.
[81] Жуков А.Ю. Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии и ее значение в жизни карельского народа [Электронный ресурс] // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Выпуск 2. 2017. Режим доступа: https://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=761.
[82] Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956. С. 45-48; Куяла А. Финляндия и Россия как страны соседи с ранних эпох до 1772 года // Русский Сборник: исследования по истории России. М., 2015. С. 29-34.
[83] Шмелев К.В. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» в середине XVII века // Новый часовой. 2004. № 15-16. С. 7-22; на заставах в Заонежских и Лопских погостах службу несли и казаки, на что указывал А.Ю. Жуков (Жуков А.Ю. Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии…).
[84] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 329; Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV—XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 82 ; Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 129.

государством, переживавшим эпоху великодержавия, актуализировало не только вопрос управления российской частью Карелии, но и ставило на повестку дня проблему укрепления северо-западных границ[85].

В результате в первой половине XVII века отмечается последовательная политика Москвы на окончательное отделение Заонежских погостов от Новгорода в налоговой и судебной областях. В этот период были предприняты попытки учредить в дворцовом округе Заонежских погостов воеводскую власть с центром в Оштинском погосте в южном Прионежье, таким образом, достигнув здесь, с внутриполитической точки зрения единообразия с административно-правовым пространством страны, а с внешнеполитической – установления контроля над стратегически важным приграничным регионом[86].

К середине XVII века административно-финансовое господство Москвы в Заонежских и Лопских погостах обеспечивало дальнейшее укрепление центральной власти при условии эффективной обороны внешних границ и, одновременно, поддержания экспансионистских проектов молодого царя Алексея Михайловича Романова[87]. Поэтому, усиление административного аппарата на местах, расширение налоговой базы и модернизация вооруженных сил нашли свое прямое воплощение в развернувшейся на территории российской части Карелии военно-административной реформе.

Завершив последовательную работу по изъятию различных сфер управления Заонежскими погостами у воеводской администрации Новгородского уезда, правительство в 1647-1649 гг. провело ряд мероприятий, направленных на подготовку образования новой административно-территориальной единицы.

---

[85] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 122.

[86] История Карелии… С. 121 ; Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 129.

[87] О политической, дипломатической и идеологической подготовке войн с Речью Посполитой и Швецией подробнее см.: Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655-1661 гг.). М., 2010. 656 с. ; Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории муждународных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. 180 с. ; Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время Польского потопа (1655-1656 гг.): документы, исследование. М., 1994. С. 131-185 ; Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: Летопись власти. М., 2018. С. 61-62 ; Kotljarchuk A. In the Shadow of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Huddinge, 2006. 345 p. ; Иванов Д.И. Речь Посполитая в планах московских политиков накануне виленских переговоров 1656 года (из истории международного кризиса в Восточной Европе середины XVII века) // Славяноведение. 2003. № 3. С. 52-68 ; Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655-1661 гг. М., 1998. 299 с.

Реализация проекта предусматривала водворение на старые места жительства «сошлых», то есть мигрировавших из-за череды неурожаев крестьян, что способствовало урегулированию вопросов налогообложения, так как массовый уход тяглого населения приводил к росту недоимок и увеличивал нагрузку на оставшиеся хозяйства. Царский указ 1648 года о запрете свободного рынка земли шел в общем русле закрепостительной политики Кремля, но он стабилизировал податной, демографический и хозяйственный потенциал округа. Наконец, было выяснено отношение местных жителей к планам властей ввести военную службу[88].

По результатам проведенной работы, в 1649 году на территории Заонежских и Лопских погостов, а также бывших митрополичьих земель Дома св. Софии, отписанных на государя еще в 1648 году[89], был образован Олонецкий уезд и учрежден пост воеводы, назначаемого царем (пост старшего воеводы занял князь Федор Федорович Волконский, его помощником стал Степан Парфентьевич Елагин)[90]. В том же году была возведена крепость Олонец, – уездный административный центр – в месте слияния рек Верхний Олонец и Мегрега, а также городской посад и Стрелецкая слобода[91]. Таким образом, северо-западное приграничье окончательно попало под твердый контроль Москвы.

Организовав административную базу, олонецкие воеводы приступили к главной части военной реформы – введению среди крестьян солдатской службы. Юридически данное мероприятие было обеспечено царским наказом Волконскому от 1 марта 1649 года, который предписывал привлечь крестьян к несению военной службы: *«…а Заонежских и Лопских всех погостов крестьян и бобылей и их детей и братью и племянников и захребетников устроить в*

---

[88] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии… С. 136-142.
[89] Грамота царя Алексея Михайловича Новгородскому митрополиту Авфонию об отписке на государя Олонецкого погоста // Карелия в XVII в. Сб. док. Петрозаводск, 1948. С. 71-72.
[90] О полномочиях олонецких воевод см.: Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 149-151.
[91] Жуков А.Ю. Крестьянский уклад и военная служба в жизни горожан: город Олонец в середине XVII-XVIII вв. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 3. 2018. С. 27; Кочкуркина С.И. Строительство Олонецкой крепости. Первый строительный период (1648-1649). Постройка города. Образование олонецкого посада // Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 36-39.

салдатцкую службу»[92]. Данный указ предопределил появление совершенно новых реалий не только в военной сфере, но и в среде крестьянства Карелии, запустив социальные трансформационные процессы.

Введение института пашенных солдат и социальная трансформация крестьянства Карелии

Введение солдатской службы и значимые результаты ее воздействия на хозяйственно-бытовой уклад, экономический потенциал, общественные отношения можно охарактеризовать как процесс социальной трансформации. По определению известного социолога Т.И. Заславской, социальная трансформация – это «обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы»[93]. В нашем случае это значит, что возникновение в 1649 году института пашенных солдат повлекло за собой существенное изменение ряда базовых структур крестьянского общества. Целесообразность использования данного дискурса в исторической науке, и в частности, в контексте нашего исследования, объясняется не только его терминологической и смысловой универсальностью, но и возможностью включения, таким образом, локальных процессов в более широкий контекст. По мнению А.Ю. Станевича, понятие социальной трансформации может применяться к целому спектру вопросов социальной (в том числе историко-социальной) проблематики микро- и макроуровня[94]. Таким образом, междисциплинарная окраска данного понятия позволяет использовать его в качестве методологического ориентира при исследовании обществ различных эпох, в том числе и относительно небольших социальных групп, таких как крестьяне-солдаты Олонецкого уезда середины XVII века. Кроме того, выявление социальных последствий введения института пашенных солдат, дестабилизация крестьянского

---

[92] РГАДА. Ф. 141. 1649. Д. 29. Л. 14-15.
[93] Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 197.
[94] Станевич А.Ю. Процесс трансформации в российском обществе: теоретические подходы отечественных социологов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 764. С. 206.

мира, во многом объясняет социальный фон отношения к обязательной службе и позволяет обнаружить источник происхождения феномена массового дезертирства пашенных солдат, что служит достижению цели диссертационного исследования. Иными словами, дезертирство в контексте социальных трансформаций в какой-то мере может быть определено как попытка символического уничтожения самим дезертиром статуса солдата в результате побега, и возвращения к статусу крестьянина.

Предваряя дальнейшие рассуждения о внутрисословных изменениях применительно к крестьянству, отметим, что употребление термина «сословие» или «сословная группа» в отношении структуры российского общества середины XVII века в определенной степени условно, так как в рассматриваемое время сословия не представляли собой сформировавшиеся, юридически закрепленные формы. Несмотря на фиксацию Соборным Уложением 1649 года социальной структуры российского общества, оно не провело разделения на страты и слои с четкими границами ни в юридическом плане, ни по роду занятий. Сословное устройство более четко стало оформляться лишь в первой четверти XVIII века с появлением указа о единонаследии 1714 года и «Табеля о рангах» 1722 года[95].

Одним из самых явных признаков воздействия на крестьянство введения солдатской службы были изменения в хозяйстве и экономике.

В соответствии с уже упоминавшимся царским наказом Ф.Ф. Волконскому от 1 марта 1649 года, к военной службе следовало привлечь все трудоспособное население, однако в ходе реализации проекта крестьяне Заонежских и Лопских погостов были поделены на две группы: собственно солдат и «охудалых» крестьян[96].

В историографии нет единого мнения, по каким критериям производилось указанное деление. Начиная с Р.Б. Мюллер, исследователи, в том числе Т.В. Старостина и А.Ю. Жуков, определяли «охудалых» крестьян как беднейший

---

[95] Жуков А.Ю. Крестьянский уклад и военная служба в жизни горожан… С. 24-26. Об особенностях устройства русского общества в раннее Новое время см. также: Границы и маркеры социальной стратификации России XVII-XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018. С. 127-137.
[96] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 131.

слой населения, неспособный экономически обеспечивать собственную службу[97]. Д.В. Брусницына пришла к выводу, что деление на солдат и «охудалых» крестьян осуществлялось, в первую очередь, по критерию наличия или отсутствия во дворах (как бедных, так и зажиточных) мужчин, годных по возрасту и состоянию здоровья к несению военной службы, а уже потом принималось во внимание экономическое благосостояние[98].

Важным условием при введении службы было освобождение пашенных солдат от уплаты основных государственных налогов. В то же время, «охудалые» крестьяне продолжали нести тягло в прежних объемах[99].

Введение солдатской службы предопределило социально-экономическую дифференциацию населения Олонецкого уезда. Выделение внутрисословной группы пашенных солдат стало основным залогом дальнейших социальных изменений крестьянства Карелии.

Факт изменения внутрисословного статуса лучше всего подтверждает документация частноправового характера, прежде всего солдатские челобитные. По своей структуре являясь стройным письменным прошением, составленным строго по формуляру, челобитные могут служить надежными источниками при исследовании российского общества раннего Нового времени. Еще в середине XVI века в челобитных среди данных об адресанте появляются лексические формулы, выражающие отношения к адресату. Так, у служилых людей такая формула субординации имела вид словосочетания «холоп твой», у крестьян – «сирота твой», у женщин – «раба твоя», у священнослужителей и монахов – «богомолец твой», у монахинь – «богомолица твоя»[100]. После формирования олонецких полков «нового строя» в челобитных солдат и драгун в подавляющем большинстве случаев формула адресанта «сирота твой» меняется на «холопа твоего». Следовательно, пашенный солдат и драгун, не выходя за пределы

---

[97] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 131 ; Старостина Т.В. Пашенные солдаты: к 450-летию русской регулярной армии // Карелия. 2000. № 47 (646). С. 9. (Военный вестник) ; Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 142.

[98] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западной российском приграничье… С. 98-108.

[99] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. Л. 19-19 об, 21 об. – 22.

[100] Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 44.

крестьянской сословной группы, фактически причислял себя к разряду служилых людей, превращаясь из сироты государева в его вооруженного слугу[101].

Стоит сказать, что трансформация социального статуса в сторону «милитаризации» не была уникальным явлением для России XVII века. Одним из примеров может служить уход в вольные казаки беглых крестьян и холопов. А.Л. Станиславский подчёркивал значение этого шага для человека, который быстро переставал ощущать себя крестьянином[102].

Показательно, что «милитаризация» однодворцев, генезис которых пришелся на 1630-е гг.[103], также поставила их в промежуточное в социальном плане положение. Являясь потомками служилых людей «по прибору», несших службу в зоне южнорусского фронтира[104], в первой четверти XVIII века они выделились в устойчивую сословную группу, отличительными признаками которой были одновременно служба в ландмилиции при сохранении земельных участков и обязанности платить налоги. Военная служба способствовала обособленности их положения среди сельского населения России[105].

Таким образом, вслед за первоначальной социально-экономической дифференциацией крестьянства Олонецкого уезда (разделение на пашенных солдат и «охудалых» крестьян) произошла дифференциация социально-профессиональная, выражавшаяся в «милитаризации», определившей «промежуточность» и размытость сословного положения, в целом свойственной допетровской России. Документально-лексические изменения, отразившиеся в челобитных и закрепившиеся в правовой сфере, стали отражением вырабатывающейся социально-профессиональной идентичности олонецких солдат и драгун. По мнению исследователей, профессиональная идентичность свидетельствует о степени личностного принятия осуществляемой деятельности,

---

[101] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 83. Сст. 3-5, 10, 31, 37 ; Там же. Д. 84. Л. 1 ; Там же. Д. 91. Сст. 1 ; Там же. Д. 92. Сст. 1, 4-5, 7, 9, 14, 29, 33, 45, 46 ; Там же. Д. 97, 98, 99, 102, 106.

[102] Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 7.

[103] Davies B.L. Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500-1700. L., NY., 2007. P. 85-87.

[104] Южнорусский фронтир – территория междуречья Волги и Дона с востока на запад, ограниченная на севере южной границей бывшего Рязанской княжества и предгорьями Кавказа на юге (Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронтира и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10 (150). С. 7-15.).

[105] Ткачева Н.К. К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке // Советские архивы. 1971. № 1. С. 84.

отождествлении себя со своей профессиональной группой и осознании своего места в ней[106].

Далеко не всеми в Карелии военная реформа была воспринята с энтузиазмом. Несогласие крестьян с введением солдатской службы выражалось уходом целыми семьями в другие уезды – своеобразным средством борьбы с последовавшей социальной трансформацией. Кроме того, в Москву в 1649 году было послано значительное число челобитных от крестьян Заонежских погостов о несогласии с введением воинской повинности, однако в их удовлетворении было отказано[107]. Но главным очагом сопротивления стали Лопские погосты, которые с самого начала не хотели объединяться с Заонежскими в один Олонецкий уезд и выражали желание остаться в юрисдикции новгородской уездной администрации[108]. Твердая позиция лоплян отсрочила проведение военной реформы в Лопских погостах, к реализации которой приступили только летом 1649 года. Однако относительно спокойно ее удалось привести только в ближних к Олонцу южных Линдозерском, Семчезерском, Селецком погостах и Юштозерской[109] выставке. В то же время жители Средней Карелии – Паданского, Ругозерского и Шуезерского погостов – оказали сопротивление и отказались подавать списки крестьян, ссылаясь на старые грамоты, запрещавшие правительственным чиновникам въезд в Лопские погосты. К осени удалось усмирить большую часть территорий, кроме Ругозерского погоста и двух дальних выставок Паданского погоста – Ондозерской и Кузозерской. Их жители оказали активное противодействие представителям олонецкой воеводской администрации. Угрожая физической расправой посыльным, они тут же обратились к царю с челобитной, где ссылались на свою бедность и просили не

---

[106] Малютина Т.В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // Омский научный вестник. 2014. № 5. С. 149-152.
[107] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 131.
[108] Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. М., 1909. Т. 1. С. 12-13 ; Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии... С. 148.
[109] Она же Юстозеро.

записывать их в полки. Но в итоге сопротивление лоплян было подавлено силовыми средствами – с помощью стрельцов[110].

Особенности комплектования и обучения олонецких полков

Особенности комплектования олонецких полков «нового строя» и обучения вчерашних крестьян создавали среду, которая в дальнейшем в условиях военных действий обусловила формирование мятежных настроений и определила большие масштабы бегства олонецких солдат.

Способ комплектования олонецких полков «нового строя» по ряду признаков можно охарактеризовать как территориально-милиционный или поселенный. Согласно Военной энциклопедии И.Д. Сытина, милиционная армия – это система комплектования вооруженных сил, основанная на особой организационной форме войсковых частей, где личный состав совмещает военную службу с ведением традиционной деятельности. Части территориальной милиции дислоцируются в районах мест жительства военнослужащих милиционных формирований, зачастую образуя военные поселения. В мирное время личный состав поселенной армии проходит военную службу путем кратковременных учебных сборов, не отрываясь от своих основных занятий. Для территориальной милиции характерна минимизация государственных расходов на содержание войск: основной личный состав находится на самообеспечении, казенные ресурсы направляются только на поддержку кадровых офицеров-инструкторов и создание необходимой материальной части[111]. Самое заметное отличие олонецких полков от поселенных войск в их «классическом» понимании, по словам А.В. Чернова, это то, что не солдаты были посажены на землю и стали земледельцами, а наоборот: крестьяне стали солдатами[112].

Для Восточной и Северной Европы в целом к середине XVII века формирование войсковых частей из податного населения не было чем-то новым.

---

[110] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 130-131.
[111] Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 289.
[112] Чернов А.В. Указ. соч. С. 139.

Речь Посполитая и Швеция стали привлекать к военной службе крестьян уже в последней четверти XVI века.

С 1578 года, во многом из-за проблем с финансированием армии, по инициативе короля Стефана Батория, на землях Короны Польской, а с 1595 года в Великом княжестве Литовском начинают формироваться подразделения отборной пехоты (wybraniecka piechota). В организованную и обученную по образцам польской и венгерской наемной пехоты, в выбранецкую пехоту набирали крестьян (по одному солдату с каждых 20 ланов земли) при гарантиях освобождения от уплаты налогов и крепостной зависимости. При этом солдат вооружался и снаряжался на собственные средства и был обязан проходить ежегодные трехмесячные учения. Такие подразделения были немногочисленны, и на начальном этапе во всей Речи Посполитой насчитывалось около 4000 выбранецких солдат[113]. Данная система комплектования с определенными изменениями действовала и во время русско-польской войны 1654-1667 гг.[114].

В Швеции в 1610-1620-х гг. проходил масштабный процесс модернизации вооруженных сил под руководством короля Густава II Адольфа. В частности, из-за постоянных войн, которое вело королевство (страна непрерывно находилась в состоянии войны с 1600 по 1660 гг.), оно регулярно сталкивалось с финансовыми кризисами. Удешевление армии стало одной из причин учреждения системы индельты (indelningsverket), особой формы содержания армии и флота, выросшей, в свою очередь, из более ранних способов мобилизации середины XVI века[115]. В рамках индельты было реорганизовано и комплектование пехоты. Оно осуществлялось на основе добровольной вербовки и в случае нужды дополнялось рекрутскими наборами, для чего население выделяло короне определенный процент военнообязанных крестьян[116]. В 1617 году Швеция была разделена на 8 военно-административных округов, в каждом из которых набиралось по одному

---

[113] Wimmer J. Dawne Wojsko Polskie XVII-XVIII w. Warszawa, 2006. S. 10 ; Wimmer. J. Wojsko Polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa, 1965. S. 19-20 ; Davies B.L. State and Society on the Black Sea Steppe, 1500-1700. L., NY., 2007. P. 33-35.
[114] Gawęda M. Połonka-Basia 1660. Warszawa, 2005. S. 59.
[115] Roberts M. Swedish imperial experience… P. 47; Parker G.Op. cit. P. 52-53; Glete J. War and the State in Early Modern Europe. Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500-1660. L., NY., 2002. P. 202-203.
[116] Андерссон И. История Швеции. М., 1951. С. 183-184.

территориальному полку (landsregiment) численностью 3600 человек. В 1625 году для удобства управления и боевого применения каждый территориальный полк был разбит на три более мелких полевых полка (fältregiment). При этом в боевых действиях они участвовали попеременно – в то время как один полевой полк находился дома, два других были в действующей армии[117].

Хотя пути решения проблемы финансирования армии у руководства Речи Посполитой, Швеции и России отличались, они шли в общем русле изменений, отражающих реалии «военной революции» Северо-Восточной Европы[118].

В Россию идея создания поселенных полков солдатского и драгунского строя проникла вместе с иностранными военными специалистами, нанимавшимися на царскую службу, в конце 1620-х гг.[119]. Усилившаяся интеграция европейских политических, экономических и культурных процессов вследствие Тридцатилетней (1618-1648 гг.) и Английской гражданской (1639-1660 гг.) войн способствовала вестернизации русского общества и сформировала крупный «рынок» военных профессионалов[120].

В 1635-1654 гг. на южных границах Московского государства шло строительство Белгородской засечной черты – оборонительной линии на путях вторжения крымских и ногайских татар, состоящей из цепи крепостей, различных деревоземляных инженерных сооружений и естественных преград – лесов, рек и болот[121]. В 1638-1650 гг. для усиления обороноспособности строящейся засечной черты в Воронежском, Добренском, Сокольском, Козловском, Белгородском, Карповском, Лебедянском и Севском уездах была создана система драгунских поселенных отрядов, часть из которых состояла из бывших помещичьих и вотчинных крестьян, переведенных в положение дворцовых. Среди них самым многочисленным формированием были поселенные драгуны Комарицкой волости

---

[117] Brzezinski R., Hook R. The Army of Gustavus Adophus. Vol. 1: Infantry. L., 2000. P. 9-10.

[118] Различные кризисы, связанные с развитием военного дела, так или иначе, затронули в XVII веке большинство европейских стран, в том числе богатейшие – Испанию и Францию (Roberts M. Swedish Imperial Experience… P. 47).

[119] Курбатов О.А. Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х – начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы. Белгород, 2016. С. 31.

[120] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 48.

[121] Белгородская черта проходила от реки Ворсклы – притока Днепра, где до 1654 года шла граница с Речью Посполитой, до реки Челновой – притока Цны (Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 3.).

Севского уезда (более 5500 человек), впоследствии участвовавшие в войне с Речью Посполитой[122]. Несшие сторожевую пограничную службу в крепостях Белгородской черты при собственных конях и запасах, комарицкие драгуны сохраняли за собой свои земельные участки, освобождались от уплаты основных государственных налогов и проходили регулярные военные тренировки[123]. Путем перевода комарицких крестьян в драгунскую службу правительство решало задачи по удешевлению материальных затрат на содержание ратных людей и формированию постоянной военной силы на опасном участке границы, что в последствие способствовало дальнейшему смещению зоны фронтира на юг. Ю.П. Соловьев настаивает на том, что комарицких крестьян именно переводили в драгуны. Он критикует А.А. Новосельского за введенный им термин «милитаризация крестьянства» и настаивает на перемене сословного статуса комаричан, утверждая, что государство требовало с них не тягло, а службу. Таким образом, комарицкие драгуны, в отличие от олонецких солдат, были юридически оформлены как служилые люди[124].

Как видно, к созданию олонецких солдатских и драгунских полков российское правительство подошло, уже имея опыт формирования подобных подразделений. Основной задачей новых полков была охрана русско-шведской границы. Между тем, олончане уже были знакомы с подобного рода службой. В 1630-1640-е гг. на них возлагались обязанности по обеспечению заставных гарнизонов проводниками, подводами, лодками, едой и дровами[125]. В целом, интендантские функции крестьян и их участие в досмотре «порубежных мест» были характерны для всего российского северо-запада[126].

В феврале 1649 года для руководства олонецкими полками было выделено 104 иноземца старшего, среднего и младшего командного состава под

---

[122] Курбатов О.А. Драгунский строй на Белгородской черте… С. 31-32, 35.
[123] Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М. 1961. С. 66 ; Чернов А. В. Указ. соч. С. 139.
[124] Соловьев Ю.П. Комарицкие драгуны. Об одной неудавшейся служилой корпорации // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 12-13. Саратов, 2019. С. 104-105.
[125] Жуков А.Ю. Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии…
[126] Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. К. 1. Д. 125, 128, 159 ; вопрос привлечения «старожильцев» к досмотру границы подробно исследован А.А. Селиным (Селин А.А. Русско-шведская граница (1617-1700 гг.)… С. 374-445).

командованием полковников Александра Гамильтона и Мартина (Мунго, как его называли солдаты[127]) Кармихеля[128]. По прибытию в Олонецкий уезд были организованы полковые центры: центр полка А. Гамильтона находился в новой крепости Олонце, а М. Кармихеля – в старом центре управления Заонежскими погостами Оште[129]. Любопытно, что полковник Кармихель разместился на бывшем дворе оштинских воевод[130].

Одним из дискуссионных моментов в историографии олонецких полков является вопрос о появлении в их рядах драгун. Так, А.Ю. Жуков, оперируя царской грамотой об изъятии из владений новгородской митрополии Олонецкого погоста в пользу государя от 30 апреля 1648 года, доказывал, что первым в Карелии был сформирован драгунский полк, а лишь в 1649 году – солдатский[131]. Д.В. Брусницына интерпретировала, что в указанном документе были высказаны только планы введения драгунской службы, которые в дальнейшем оказались пересмотрены. Так, в тексте черновика наказа воеводе Ф.Ф. Волконскому от 1 марта 1649 года все позиции, относящиеся к драгунам, были зачеркнуты. Упоминания обучения драгунскому строю, пишет исследовательница, появляются в источниках лишь в 1652 году[132].

Одновременно с Карелией, осенью 1649 года из крестьян Сомерской и Старопольской волостей Новгородского уезда, стратегически важного участка русско-шведской границы, особым воеводой, направлявшимся сюда из Новгорода, также был сформирован солдатский полк. Он находился под командованием подполковника-иноземца[133]. Следовательно, с окончанием Тридцатилетней войны Кремль укреплял всю линию границы со Швецией, армия которой освободилась от бремени боевых действий в Европе.

---

[127] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 80. Сст. 12-14.
[128] ДАИ. Т. 3. С. 170-173.
[129] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье. С. 119.
[130] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 80. Сст. 10-11.
[131] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 206 ; Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 111 ; Грамота царя Алексея Михайловича Новгородскому митрополиту Авфонию об отписке на государя Олонецкого погоста // Карелия в XVII в. … С. 71-72.
[132] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 84, 129.
[133] Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя»… С. 166-167.

Одной из отличительных черт олонецких полков периода 1649-1654 гг. являются их весьма большие размеры. К полку А. Гамильтона были приписаны солдаты заонежских Олонецкого, Шуйского, Шунгского, Кижского, Чёлмужского, Кузарандской волости Толвуйского погоста, Выгозерского и лопских Линдозерского, Семчезерского, Селецкого, Паданского, Ругозерского, Шуезерского и Панозерского погостов, а к полку Мартина Кармихеля – Важинский, Остречинский, Оштинский, Веницкий, Мегорский, Вытегорский, Андомский, Шальский, Пудожский и Водлозерский погосты[134]. Полки были сформированы с опорой на переписную документацию: в XVII веке Заонежские погосты переписывались двумя командами писцов, так что одна писала северные погосты заонежской Шуйской половины, а другая – южные погосты Оштинской половины[135]. Именно поэтому первый полк состоял из солдат погостов Шуйской половины и Лопских погостов, а второй – из солдат Оштинской половины Заонежских погостов.

В период русско-польской и русско-шведской войн было сформировано еще три полка[136], при этом произошло уменьшение их размеров для более эффективного боевого применения. Получается, что в России, как ранее в Швеции, военный опыт вынудил командование переформатировать полковую систему в корпус из более управляемых сравнительно небольших полков. В разное время должности командиров олонецких полков занимали, кроме Александра Гамильтона и Мартина Кармихеля, Ирик Андерсон, Томас Краферт, Томас Гейс, Вальтер Кармихель и Яган Трейден. Создание новых полков и расформирование старых сопровождалось перераспределением подотчетных погостов между полковниками[137].

---

[134] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 96, 119.
[135] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. 939 л. ; Там же. Кн. 980. Л. 204-213. (Итоговые подсчеты от двух команд переписчиков: 1. Ивана Писемского и подьячего Якова Еуфимьева и 2. «переписи Лариона Сумина»).
[136] Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя»… С. 185-187.
[137] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 24-25 ; Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К.3. Д. 8. Сст. 1 ; Там же. Д. 16. Сст. 21 ; Там же. Д. 82. Сст. 3 ; Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 18, 20, 26, 30, 36-37, 44, 46-47, 49, 60, 62-63, 66, 69, 75, 77, 81-84, 90, 93-94, 96 ; Жуков А.Ю. Олонецкие полки…С. 147-148 (20-21 июня 1662 г. Поручная запись младших командиров и солдат полка Христиана Блюментроста и Томаса Гейса за сержанта Максима Иванова, отправляемого в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат) ; Там же. С. 145-146 (Не позднее 13 марта 1662 г. челобитная солдата полка Томаса Гейса Ивана Игнатьева об освобождении его семьи из-под ареста, с распоряжением воеводы).

О. А. Курбатов пишет, что отличительной особенностью олонецких полков было то, что в каждом из них были и солдатские, и драгунские подразделения[138]. Действительно, если обратиться к содержанию ряда челобитных, солдатским «высылкам» на службу и сыскным документам, можно убедиться, что почти в каждом погосте мобилизация производилась сразу в солдаты и драгуны. Также сохранился фрагмент росписи рядовых роты Святозерской волости Олонецкого погоста: в ней приведены сначала имена драгун, а затем *«тои же роты салдаты»*[139]. Пример данного документа убедительно доказывает, что наряду с объединением в один полк солдатских и драгунских рот существовали смешанные солдатско-драгунские роты, где «разделение труда» производилось, скорее всего, по более мелким подразделениям – капральствам. Исключение составляли Лопские погосты, откуда брали людей только в солдаты[140]. Отсутствие лопских драгунских капральств объясняется сравнительно низким и неустойчивым уровнем хозяйственно-экономического развития Лопских погостов, в то время как драгунская служба требовала дополнительных затрат на содержание лошадей[141].

При анализе документов обнаружилось и то, что в некоторых погостах солдатские наборы происходили сразу в несколько полков, как например в Вытегорском, Андомском, Олонецком и Шуйском погостах. Хотя большая часть текстов указывает на подчиненность вытегорцев полковнику Трейдену, отписка майора полка Краферта Малафея Бахтиярова, отправившегося в августе 1660 года в Вытегорский погост для сыска беглых солдат[142], демонстрирует разделение полномочий призывной юрисдикции внутри погоста, скорее всего, по волостям. О том же свидетельствуют расспросные речи беглого солдата полка Ягана Трейдена Моисейки Степанова: на допросе в Олонецкой съезжей избе он рассказал, что со

---

[138] Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя»… С. 161, 187.
[139] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 114. Сст. 4.
[140] В материалах Олонецкой воеводской избы, являющихся весьма подробным источников по истории олонецких полков, отсутствуют какие-либо упоминания о драгунах Лопских погостов, зато есть материалы о солдатах (Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 67. Сст. 2, 11; Д. 143. Сст. 1 ; Там же. К. 2. Д. 59. Сст. 1 ; Д. 81. Сст. 1 ; Д. 83. Сст. 2 ; Д. 92. Л. 32-35 ; Там же. К. 3. Д. 8. Сст. 1-4, Д. 16. Сст. 23 ; Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 26-28,54, 57-58, 60-62, 64-80 84-86.
[141] Об особенностях развития Лопских погостов подробнее см.: Чернякова И.А. Указ. соч. С. 260, 270, 274.
[142] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 93.

службы сбежал со своими однополчанами, в том числе из Андомского погоста[143]. Призыв из разных волостей одного погоста в несколько полков на примере Олонецкого и Шуйского погостов выявляется путем сопоставлением документов 1659 и 1662 гг. Так, по содержанию списков беглых солдат и поручных записей 1662 года можно определить, что солдат из Шуйского погоста набирали в полки и к Томасу Краферту, и к Томасу Гейсу[144], а часть солдат Олонецкого погоста были записаны в полки к Ягану Трейдену и Томасу Гейсу[145].

Несмотря на свои большие размеры в 1649-1654 гг., нельзя сказать, что полки А. Гамильтона и М. Кармихеля изначально являлись полноценными тактическими единицами, поскольку до начала войны с Речью Посполитой никогда не принимали участия в боевых действиях в полном составе. Это были напоминающие скорее шведские территориальные полки **учебные** формирования, набор в которые осуществлялся по милиционно-переписному принципу. В России, из-за дефицита квалифицированных офицерских кадров, подобные соединения пытались адаптировать для боевого применения: они делились на несколько «шквадрон» по нескольку рот в каждой[146]. Данный подход к формированию олонецких полков, в частности, повлек за собой трудности в управлении и субординации.

Еще в первой четверти XVII века в Европе появилась необходимость в хорошо обученных и дисциплинированных постоянных армиях, что было, по мнению М. Робертса, следствием коренных изменений в тактике ведения боевых действий, предложенных нидерландской военной школой и реформами Густава II Адольфа[147]. Ключевым элементом данных преобразований было создание и распространение линейной тактики, позволившей на тот момент максимально близко подойти к решению проблемы сочетания огневой мощи, маневренности и

---

[143] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 16. Сст. 21.
[144] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 24-25.
[145] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 147-148 (20-21 июня 1662 г. Поручная запись младших командиров и солдат полка Христиана Блюментроста и Томаса Гейса за сержанта Максима Иванова, отправляемого в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат) ; Там же. С. 145-146 (Не позднее 13 марта 1662 г. челобитная солдата полка Томаса Гейса Ивана Игнатьева об освобождении его семьи из-под ареста, с распоряжением воеводы).
[146] Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя»… С. 176.
[147] Murray J. The English-Language Military Historiography of Gustavus Adolphus in the Thirty Years' War, 1900-Present // Western Illinois Historical Review. 2013. Vol. 5. P. 3.

обороны[148]. Линейная тактика – это способы и приемы ведения боя, при которых предусматривалось развертывание войск широким фронтом в линейные боевые порядки определенной глубины; при этом повышалась подвижность построения и усиливалась мощь огневого залпа посредством увеличения числа мушкетеров, находящихся в тесном взаимодействии с пикинерами, прикрывавшими стрелков от атак вражеской кавалерии[149].

Увеличение численности войсковых контингентов и новшества в тактике потребовали от командования пристального внимания к обучению и дисциплине, что выразилось в развитии уставов и военно-уголовного законодательства. Так, в Швеции в 1621-1632 гг. разрабатывался кодекс военного права, в котором важное место занимал Военный Артикул, посвященный в основном дисциплинарным вопросам[150]. Именно тогда в Европе появляются первые нормы, законодательно ограничивающие агрессию комбатантов в адрес мирного населения. В Военном Артикуле содержаться семь «гуманитарных» статей, среди которых есть запреты на поджоги населенных пунктов (без приказа командования), разрушение церквей, больниц и школ, причинение насилия женщинам, детям и духовенству[151].

В то же время в России формирование полков «нового строя» и начало применения линейной тактики не стало толчком к развитию теоретической подготовки военнослужащих. В 1647 году на Московском печатном дворе был отпечатан тиражом 1200 экземпляров военный трактат под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Данная книга является адаптированным к русским военным реалиям переводом труда немецкого военного теоретика Й.Я. фон Вальгаузена «Искусство пешей войны» (1615 год). «Учение и хитрость…» 1647 года состоит из предисловия и восьми частей, в которых разбираются вопросы строевой подготовки, обращения с оружием и

---

[148] Roberts M. Swedesh imperial experience… P.56.
[149] Военная энциклопедия. Т. 14. М., 1914. С. 633.
[150] Utkast till Krigs-Artiklarne, utfärdade den 15 Juli 1621 // Konung Gustaf II Adolfs skrifter. Stockholm, 1861. S. 243-253.
[151] Ögren K. Humanitarian law in the Articles of War decreed in 1621 by King Gustavus II Adolphus of Sweden // International Review of the Red Cross. 1996. V.36. P. 439-440.

взаимодействию отрядов[152]. Для дисциплинарных вопросов был выделен специальный раздел, посвященный караульной и сторожевой службе[153]. Ф.И. Калинычев, ссылаясь на факт передачи большей части печатного тиража «Учения и хитрости…» в Приказ Тайных дел и выдачи некой «печатной книги ратного ополчения» новоиспеченному полковнику М. Кровкину в 1662 году, считает, что военный трактат вручался полковникам вместе со знаменем при формировании нового полка. Это было своего рода регалией, подчеркивало официальный характер устава и повышало его значение[154]. О.В. Русаковский доказал, что «Учение и хитрость…» не применялось в русской армии. В том числе, основными покупателями трактата являлась высшая московская аристократия и бюрократия, только несколько копий было продано провинциальному дворянству и лишь пять экземпляров приобретены офицерами солдатских, драгунских и рейтарских полков. Кроме того, достоинства обучения «по инструкции» в XVII веке активно критиковались европейскими военными профессионалами, которые полагались лишь на собственный боевой опыт[155].

Первоначальный проект освоения крестьянами Заонежских и Лопских погостов солдатского строя в 1649 году предусматривал проведение ежедневных учений[156]. Однако резкая интенсификация боевой подготовки отвлекала солдат от традиционных занятий и промыслов, что с самого начала поставило под угрозу сохранение уровня экономики Олонецкого уезда. Речь идет о совмещении традиционной крестьянской деятельности с новыми обязанностями, заключающимися, прежде всего, в обучении солдатскому и драгунскому строю, и о реакции солдат-крестьян на сложившиеся реалии. Поэтому распространившееся в годы Тринадцатилетней войны дезертирство из олонецких полков имело предпосылки, сформированные в довоенный период, которые были связаны

---

[152] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей… 286 с.
[153] Там же. С. 245-286.
[154] Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 134-135.
[155] Rusakovskiy O. Op. cit. P. 9-10.
[156] 1650 г. апреля 13. – Память из Олонецкой приказной избы капитану полка Александра Гамильтона Фридриху Горну об обучении крестьян солдатскому строю один или два раза в неделю // Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 103.

именно с изменениями в хозяйственной и повседневной жизни крестьянства, начавшимися в 1649 году.

Солдаты выражали свое недовольство в челобитных, где просили изменить режим обучения на более щадящий. Весной 1650 года им удалось добиться определенных результатов. В марте солдаты Вытегорского погоста по результатам рассмотрения их челобитной были освобождены от обучения на время весенней пахоты[157]. В апреле солдаты Паданского погоста добились освобождения от посещения еженедельных смотров в страдную пору в Селецком погосте, находящегося от места их жительства более чем в 20 верстах. Отныне офицеры сами должны были приезжать в Паданский погост для смотров[158]. В это же самое время солдаты Линдозерского погоста добились разрешения не посещать смотры в Юштозерской выставке Семчезерского погоста, которая находилась в 70 верстах от основного места их обучения *«за великими болотами и реками»*. Обязанность еженедельных смотров у линдозерцев была возложена на их прапорщика, отвечающего за основной процесс обучения и постоянно живущего в Линдозерском погосте[159].

По итогу рассмотрения накопившихся от солдат жалоб, в апреле 1650 года вышел царский указ, уточняющий режим солдатского обучения. Учения были сокращены до одного-двух раз в неделю «*чтоб им от пашни и от промыслов не отбыть».* Если в семье жили один или два солдата, то они проходили обучение раз в три недели, а если – три или четыре солдата, то им нужно было являться на тренировки каждую неделю поочередно[160]. В 1653 году вышел царский указ, подтверждающий предыдущие решения и вносивший поправки в практику обучения солдат и драгун выставочных волостей: вместо явки бойца в погост часть офицеров была расселена по данным выставкам[161]. Ниже будет показано,

---

[157] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 116. Сст. 1.
[158] Там же. Д. 67. Сст. 26-27.
[159] Там же. Сст. 28-30.
[160] 1650 г. апреля 13. – Память из Олонецкой приказной избы капитану полка Александра Гамильтона Фридриху Горну об обучении крестьян солдатскому строю один или два раза в неделю // Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 103-104.
[161] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 128.

что, несмотря на довольно интенсивный характер обучения военному делу, число беглых солдат в довоенные годы оставалось низким.

Интересно, что учебный график олонецких солдат перекликается с подготовкой шведской армии. В 1650-е гг. для бойцов территориального полка Эстерботнии предусматривались еженедельные воскресные тренировки, проводившиеся по месту жительства их ротного командира. Для корабельных артиллеристов адмиралтейство ввело ежевечерние получасовые стрельбы, а в соответствии с Морским Артикулом два раза в неделю проводились полноценные учения[162].

Впервые боевая отработка полученных олонецкими солдатами навыков произошла в 1650 году во время подавления Псковского восстания в составе войск Ивана Никитича Хованского[163]. Но при этом олонецкие полки отправились в Псков под предводительством своего воеводы окольничего князя Ф.Ф. Волконского, который теперь назначался царем воеводой Пскова и был обязан подавить мятеж; за свою «псковскую службу» князь получил высший чин боярина[164]. Несомненно, в походе воевода смог оценить невеликую пока степень выучки только что сформированных олонецких полков. Так, в сметных списках Олонецкого уезда за 1650 год есть намеки на то, что во время данной экспедиции особое внимание внутри подразделений уделялось элементарной строевой подготовке: в расходной части бюджетов фигурирует закупка барабанов и кожи «для псковской службы»[165]. Пристальное внимание к музыкальной части похода может свидетельствовать о необходимости отработки различных перестроений под аккомпанемент барабана для повышения эффективности действий пехоты.

С 24 января 1651 года в Заонежских и Лопских погостах по царскому указу к регулярным тренировкам прибавились и меры по осуществлению частичной автономизации обеспечения полков оружием и боеприпасами, в соответствии с которыми солдаты должны самостоятельно ковать пики и изготавливать фитили

---

[162] Lappalainen J.T. Elämää suomen sotaväessä Kaarle X Kustaan aikana… S. 83.
[163] Градобойникова Е.В. Вооруженное противостояние мятежного Пскова и армии И.Н. Хованского в 1650 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 3. С. 28.
[164] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 150.
[165] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2. Л. 37-38.

для запальных полок мушкетов[166]. Однако солдаты массово отказывались от выполнения указа. В ответ на это Алексей Михайлович в своем новом указе напомнил солдатам, что задание по изготовлению фитилей и ковке пик является частью солдатской службы, в обмен на которую крестьяне были изначально освобождены от взимания «данных и оброчных денег», а кто не послушает указа, *«за то быть от государя в жестоком наказанье бес пощады»*[167].

Помимо регулярных учений проводились полковые смотры в Олонце, как например, большой смотр, назначенный на 22 января 1650 года и продлившийся целую неделю, когда в городе собрался личный состав обоих полков[168]. А через год 3000 солдат были даже отправлены на смотр в Москву[169]. Хотя смотры не были регулярными и отнимали у солдат сравнительно меньше времени, чем сам процесс обучения (к тому же, смотр в Олонце был 22 января, а московский – в декабре, то есть вне периода сельскохозяйственных работ), они являлись частью общего процесса военной подготовки, а значит, могли быть источником недовольства некоторых представителей рядового состава.

Режим обучения, который на первых порах не устраивал многих солдат, был также связан с требовательностью офицеров. Начальных людей, по крайне мере, низшего и среднего звена, очевидно, в последнюю очередь интересовала необходимость и потребность крестьян в поддержании должного уровня своих домохозяйств, так как «учительные люди» отчитывались перед полковником результатами военной подготовки подразделений. В итоге, у солдат к некоторым офицерам возникла неприязнь.

Весьма любопытно, что на фоне складывания отрицательного отношения к военной службе и росте числа уклонистов, часть солдат была недовольна не столько интенсивным обучением, сколько тем, что пашенным солдатам не было предусмотрено денежное жалованье. Поэтому некоторые сбегали в стрельцы или

---

[166] Архив СПбИИ РАН. Ф 98. К. 2. Д. 45. Сст. 2 ; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 289 (1653 г., ноября 21. – Челобитная полковника Александра Гамильтона из Заонежья о неповиновении русских солдат иностранным офицерам).
[167] Архив СПбИИ РАН. Ф 98. К. 2. Д. 45. Сст. 1-3.
[168] Там же. К. 1. Д. 40. Сст. 13-15.
[169] Там же. Д. 80. Сст. 12-20.

другие солдатские полки, где существовала оплата службы, и в 1653 году правительству пришлось посулить в перспективе ввести жалованье также пашенным солдатам, что и произошло с началом войны с Речью Посполитой и включением олонецких полков в состав действующей армии в 1654 году[170].

Изменения в системе управления Карелией в 1478-1649 гг. имели целью усиление государственного присутствия и контроля в регионе. Приграничное положение Заонежских и Лопских погостов, политические последствия Столбовского мира 1617 года, а также военное возвышение Швеции по окончании Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. привели к необходимости военно-административного укрепления северо-западных окраин Русского государства. В результате 1649 году на территории Заонежских и Лопских погостов был образован Олонецкий уезд и введена солдатская служба среди большей части уездных крестьян. Таким образом, обеспечивалось надежное руководство стратегически важной территорией и сформирована постоянная военная сила в виде солдатских и драгунских полков «нового строя».

Рассмотрение введения солдатской службы в Олонецком уезде с точки зрения социальных трансформаций позволяет оценить общую картину социально-экономических изменений в крестьянском обществе в период существования института пашенных солдат и определить источник возникновения феномена дезертирства в олонецких полках. Военная реформа, изначально стратифицировав крестьян Олонецкого уезда по экономическому признаку на пашенных солдат и «охудалых» крестьян, создала милитаризованную внутрисословную прослойку, единую в своей профессиональной идентичности.

Однако интенсивное обучение крестьян Заонежских и Лопских погостов солдатскому и драгунскому строю создало трудности для сохранения удовлетворительного уровня развития хозяйств. Интенсивное освоение линейной тактики, которая требовала от солдат повышенного внимания и жесткой

---

[170] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 612-612 об., 613, 614, 616, 617 об., 621 об., 623, 632, 636, 638 об., 639 ; Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 130-132 ; Брусницына Д.В. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649-1666)… С. 36.

дисциплины, отвлекало крестьян от их традиционных занятий и вызывало их недовольство, а требовательность иноземных начальных людей приводила к солдатско-офицерским конфликтам. В результате сложные повседневные и хозяйственные условия, в которых оказались заонежские крестьяне вследствие введения солдатской службы, оказались предпосылками к возникновению феномена массового дезертирства в 1654-1666 гг.

§ 2. Динамика численности олонецких пашенных солдат и драгун в условиях войн

Численность олонецких полков в 1649-1657 гг.

Сводные статистические данные о дезертирстве олонецких пашенных солдат в источниках отсутствуют. Возможность дать оценку динамике этого явления определяется, в основном, знанием об изменении общей численности полков с 1649 по 1666 гг. То есть, имея в распоряжении цифры беглых солдат за различные промежутки времени и зная численность рядового состава полков, можно вычислить удельный вес дезертиров. Однако на сегодняшний день вопрос о численности олонецких полков «нового строя» требует уточнения и дополнительного изучения. В то время как для довоенного периода (1649-1654 гг.) и 1657 года эти показатели были достаточно подробно исследованы и проанализированы Р.Б. Мюллер, а за ней Д.В. Брусницыной, вопрос об изменении численности формирований в 1660-е гг. учеными не затрагивался.

Д.В. Брусницыной удалось обнаружить, вероятно, самые ранние данные о количестве крестьян, записанных в созданные полки. Подсчеты датированы 24 июня 1649 года, и относились к жителям Олонецкого, Оштинского, Остречинского и Важинского погостов. К тому моменту приведенных к присяге и распределенных по полкам А. Гамильтона и М. Кармихеля солдат оказалось 3394 человека. Далее, опираясь на челобитную воеводы Ф.Ф. Волконского о пожаловании его за службу на посту олонецкого воеводы в 1649 году и ранении во время Псковского мятежа 1650 года, исследовательница установила, что на военную службу уже в 1649 году было записано более 10 000 человек. Также она

выявила, что в 1653 году, согласно отписке олонецкого воеводы Василия Александровича Чоглокова, под ружьем находилось 10442 человека. В марте 1654 года службу проходили уже 11320 человек, 8298 из которых готовились к отправке в Новгородский полк к воеводе Василию Петровичу Шереметеву[171]. Таким образом, Д.В. Брусницына установила, что общая численность олонецких полков в довоенный период достигла цифры в более чем 10000 солдат уже в 1649 году, и продолжала увеличиваться в течение последующих трех лет. Тем самым, она уточнила и скорректировала данные, до этого выявленные Р.Б. Мюллер[172].

Следующий пересчет личного состава олонецких полков «нового строя» состоялся в 1657 году. В Заонежские и Лопские погосты был отправлен солдатский высыльщик Иван Семенович Дивов. Его задачи сводились к составлению списков всех пашенных солдат, находящихся дома или на службе, погибших или умерших, пропавших без вести, больных и раненых, беглых. Также ему следовало произвести новый набор 1657 года, с учетом пониженного (с 20 до 15 лет) призывного возраста. Кроме того, Дивов должен был переписать и солдатских родственников, и «охудалых» крестьян, не годных к службе из-за своей крайней бедности. Наконец, Дивову предписывалось разделить всех солдат на две «перемены», одну из которых отправить в действующую армию, а другую оставить дома до смены[173].

Перепись Ивана Дивова 1657 года охватила пятнадцать Заонежских погостов (считая Кузарандскую волость Толвуйского погоста) и четыре Лопских погоста (за исключением Панозерского, Ругозерского и Шуезерского), а ее результаты составили восемь книг:

Книга 1: *«Салдаты написаны в салдатцкую службу в прошлых годех при боярине при князе Федоре Федоровиче Волконском да при окольничем при Василии Александровиче Чоглокове»*[174]*;*

---

[171] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 110-111.
[172] По Р.Б. Мюллер, в 1649 году в полки были записаны 7902 человека (Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 133).
[173] Брусницына Д.В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований. 2012. № 21 (101). С. 110.
[174] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 2-272.

Книга 2: «[Солдаты] *которые прибраны в нынешнем в 165 году»*[175];

Книга 3: *«Беглые драгуны за приписью дьяка Тимофея Бессонова, а беглые солдаты за рукою воеводы Александра Потемкина высланы в Ладогу и на Лаву в полк к воеводе Александру Потемкину и на Олонец, а которых погостов и деревень и хто имяны июня по 25 число на Лаве в полку у воеводы Александра Потемкина и на Олонце, и которые на Лаву по высылке не пошли, а иные с службы, с Лавы и ис погостов збежали, и которые побиты и померли и в полон взяты, и которые в погостех не сысканы»*[176];

Книга 4: *«Салдаты на государеве службе в городех княжества Литовского и в Юрьеве-Ливонском и в иных городех»*[177];

Книга 5: *«Салдаты з государевы службы збежали и из домов своих безвестно збежали»*[178];

Книга 6: *«Салдаты побиты на государеве службе в городех и померли на службе и дома»*[179];

Книга 7: *«Отцы и братья и дядья в салдатскую службу не писаны за старостью и за увечьем, и которые братья ж их и дети и захребетники в салдатскую службу не поспели, и которые салдатские братья и дети и бобыли на смотре не были»*[180];

Книга 8: *«Охудалым крестьяном старым и их братьи и детем и недорослым»*[181].

Д.В. Брусницыной был проведен глубокий анализ солдатской переписи 1657 года, в результате которого и с помощью иных источников исследовательница раскрыла межличностные отношения внутри крестьянского сообщества и составила «коллективный портрет» жителей Олонецкого уезда середины XVII века. Но самое важное то, что историк уточнила численность личного состава олонецких полков на 1657 год. Ее подсчеты показали, что

[175] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 273-398.
[176] Там же. Л. 399-491.
[177] Там же. Л. 492-602 об.
[178] Там же. Л. 603-659 об.
[179] Там же. Л. 660-810.
[180] Там же. Л. 811-1052.
[181] Там же. Л. 1053-1130 об.

Иваном Дивовым в общей сложности было переписано 19003 крестьянина, из которых солдаты составили книги с первой по пятую. Таким образом, старых солдат[182] (книга 1) было 5558 человек; новоприборных солдат (книга 2) – 1992 человека; служивших в крепостях Ладоги, Лавуи и Олонца и беглых из этих гарнизонов (книга 3) – 1174 человека; находившихся в русских и литовских городах (книга 4) – 1816 человек; сбежавших со службы и из своих домов (книга 5) – 587 человек[183].

Однако упущение исследовательницей при анализе переписных книг некоторых категорий солдат заставили нас провести собственные подсчеты данных переписных книг. Результаты показали, что цифры, представленные Д.В. Брусницыной на основе книг 3 и 5, не везде точны и требуют корректировки. Так, в книге 3 значатся не 1174 имен, как утверждает исследовательница, а 1296, а в книге 5 – не 587 имен, а 781. Нами выявлены упущенные Д.В. Брусницыной сведения. Иван Дивов при фиксации имен разделял людей на определенные категории: в книге 3, пишет Д.В. Брусницына, «указаны не только солдаты, служившие на Лаве и на Олонце, но также 140 беглых солдата, 33 умерших, 22 больных, 46 отказавшихся служить, 14 не вернувшихся со службы, 22 ненайденных»[184]. При ближайшем рассмотрении источника выясняется, что историком не были учтены 1 пленный и 26 записанных «одного человека в двое» (намеренный повтор одного и того же имени); затем в гарнизонах Лавуи и Олонца было не 897, а 954 человека; беглых солдат – не 140, а 106; 93 отказника вместо 46; 27 больных солдат вместо 22; 55 человек умерших и принявших постриг вместо 33; 20, а не 22 ненайденных солдата. По итогу разница в наших расчетах и расчетах Д.В. Брусницыной составила 122 человека. Таким образом, в книге 3 содержится 1296 имен.

Аналогичная ситуация сложилась и вокруг книги 5: *«Салдаты з государевы службы збежали и из домов своих безвестно збежали»*. Вместо ранее выявленных 587 человек беглых, наши подсчеты показали, что в ней записано 781

[182] Т.е. ветеранов, записанных на службу ранее 1657 года.
[183] Брусницына Д.В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. … С. 108-115.
[184] Там же. С. 112, 116.

имя. Однако отсутствие у Д.В. Брусницыной уточнений относительно количества солдат, сбежавших со службы и сбежавших из дома, не позволяет провести сравнительный анализ полученных результатов. Поэтому в ходе дальнейшего исследования мы будем опираться на данные, полученные по итогам собственных подсчетов.

Обобщая результаты исследования переписных книг Ивана Дивова Д.В. Брусницыной с учетом наших корректировок, можно говорить о том, что в 1657 году списочный состав (то есть всех солдат, за исключением умерших и принявших монашеский постриг) олонецких полков достигал **11388** человек.

Сокращение численности солдат и драгун в 1657-1663 гг.

Д.В. Брусницына справедливо утверждает, что «ввиду того, что никакой другой переписи пашенных солдат не сохранилось, определить точную численность пашенных солдат после 1657 г. не представляется возможным»[185]. Действительно, последующие за переписью Дивова переписные книги Сергея Малово 1658 года были утрачены и не дошли до наших дней, также как и росписи Петра и Елисея Зиновьевых 1663 года. Тем не менее, на основании сохранившихся актовых материалов и данных бюджетных смет, существует возможность вывести приблизительную, оценочную численность олонецких полков «нового строя» после 1657 года.

Наиболее полную картину по количеству солдат мы получим, если обратимся к документам 1662 года. Данный выбор объясняется, во-первых, тем, что 1662 год в истории олонецких полков обеспечен источниками на высоком уровне, а во-вторых, тем, что в 1662 году, как свидетельствуют иные источники, произошел мощный всплеск дезертирства. Кроме того, определение общей численности олонецких солдат и драгун в 1662 году даст возможность провести сравнительный статистический анализ для выявления динамики изменения численности полков в течение войны.

[185] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 115.

Ввиду отсутствия сводных данных о количестве олонецких солдат и драгун в 1662 году, общая цифра выводится на основании подсчетов о количестве солдат, находившихся в основных пунктах службы (Олонец, Великий Новгород, Псков, Юрьев-Ливонский, Полоцк, Лавуя, а также острожки по русско-шведской границе), дома и в бегах.

Основной источник, с помощью которого можно установить количество солдат, несших гарнизонную службу – это расходные части сметных списков Олонецкого уезда за 1656/57-1660/61 гг. В них содержатся сведения о выдаче жалованья военнослужащим крепостей, финансово подотчетных олонецкой воеводской администрации. Как справедливо отметил А.Ю. Жуков, «их количество устанавливается с точностью до одного человека»[186]. Главным препятствием в работе с бюджетами является отсутствие данных по выдаче жалованья на 1661/62 год, возможно по причине финансового переподчинения воюющих полков воеводской администрации Новгорода или Пскова. Ввиду данного обстоятельства мы определили среднее количество солдат, несших тогда полевую и гарнизонную службу. Полученный результат был спроецирован на 1662 год.

1. В 1656/57 году «олонецкая дача» жалованья производилась 605 драгунам и 402 солдатам полка А. Гамильтона, 431 драгуну и 131 солдату полка Т. Краферта, 920 солдатам полка В. Кармихеля, участвовавших в осаде Корелы и охране Кондушской заставы, 1223 *«олонецким салдатам, которые были на государеве службе под Корелою»*, 67 солдатам, несшим караулы в Олонце[187]. Итого: 3779 человек.

2. В 1657/58 году жалованье было выдано 798 солдатам Лавуйского гарнизона, 1000 солдатам, отправленным в Псков в полк И.А. Хованского, 3123 *«салдатам, которые были в городе Олонце и по рубежу в острожках на караулех»*[188]. Итого: 4921 человек.

---

[186] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 217.
[187] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 201-203.
[188] Там же. Л. 252 об.-253 об.

3. В 1658/59 году государево жалованье получили 5322 солдата гарнизона Олонца и пограничных застав, 831 солдат на Лавуе, 500 драгун и 1000 солдат, посланных в Псков[189] и 329 солдат гарнизона Юрьева-Ливонского[190]. Итого: 7982 человека.

4. В 1659/60 году деньги получили 613 солдат гарнизонов Лавуи и Юрьева-Ливонского[191].

5. В 1660/61 году – 599 солдатам в Лавуе, 3575 солдатам и драгунам, бывших в Юрьеве-Ливонском, 274 – в Полоцке[192]. Всего: 4448 человек.

Данные бюджетных смет показывают, что численность упомянутых в них солдат колебалась от 3500 до почти 8000 человек, и лишь в 1659/60 году была меньше тысячи. Это объясняется изменением военно-оперативных условий, при которых командирам требуется то или иное количество бойцов. В 1656-1659 гг. увеличение гарнизонов Олонца, Лавуи, Пскова и Юрьева-Ливонского очевидно связано с русско-шведской войной 1656-1658 гг. Источники показывают значительные трудности в наборе полков из-за массового бегства из них солдат и драгун[193], поэтому гарнизоны укомплектовываются с запозданием лишь к 1659 году. Весьма малое число солдат Лавуи и Юрьева-Ливонского, получивших жалованье за 1659/60 год может объясняться участием большей части личного состава олонецких полков в походе князя Ивана Андреевича Хованского, когда бойцы не были в финансовом плане подотчетны Олонцу. Стабилизация военной обстановки обуславливает восстановление численности гарнизонов в 1660/61 году.

Таким образом, на гарнизонной службе в Олонце, Лавуе, пограничных острожках, Пскове и Юрьеве-Ливонском в среднем могло ежегодно состоять около **4500** человек.

---

[189] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 300 об.-302.
[190] Численность олончан в гарнизоне Юрьева-Ливонского содержит не сметный список, а донесение его воеводы М.И. Щетинина, не позднее 12 февраля 1659 г. – см.: Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 218.
[191] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 358-359.
[192] Там же. Л. 431 об.-433.
[193] Там же. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 127-128.

При выявлении остальных цифр обратимся уже к материалам 1662 года. При подготовке кампании основные силы Новгородского разрядного полка сосредотачивались в своем главном сборном пункте – Великом Новгороде[194]. Данные о численности олонецких солдат, собранных не только в Новгороде, но и Пскове, содержатся в отписке воеводы Новгородского полка князя Б.А. Репнина, сохранившейся в виде черновика и беловика. Черновик отписки был опубликован А.Ю. Жуковым и датирован 16 июня. Его рассмотрение позволяет проследить за ходом подготовки к летней кампании, так как в нем содержаться не полные, а лишь предварительные данные о численности ратных людей Новгородского разряда по итогам постоянно поступавшей к воеводе информации[195]. Окончательные цифры численности ратных людей, в том числе солдат олонецких полков, приведены в беловике отписки от 20 июня: *«в естях ныне олонецких заонежских солдат на твоей службе в Великом Новегороде и в Пскове июня по 16 число **1410** человек»*[196].

В том же документе указано и число беглых солдат. Б. А. Репнин сообщает, что *«олонецких заонежских беглых салдат и ослушников, которые на твою службу в Великий Новгород не пошли **1101** ч.»*[197].

Таким образом, путем сложения представленных выше результатов получается, что на 16 июня 1662 года[198] численность олонецких солдат, находящихся на службе и в бегах составила 7011 человек. При этом необходимо учитывать, что хотя все олонецкие солдаты и драгуны были разделены на две «перемены», – одна часть проходила службу, в то время как другая ждала своей очереди дома, – фактически данное правило не соблюдалось, и на службу забирали всех подряд. Тем не менее, небольшая часть солдат на совершенно законных основаниях находилась в погостах, но данных об их количестве источники не сохранили. По информации Р. Б. Мюллер, в 1658 году в домах

---

[194] АМГ. Т. 3. С. 491.
[195] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 105-108 (Не ранее 16 июня 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о численности ратных людей и потерях от военных действий и из-за побегов со службы).
[196] АМГ. Т. 3. С. 492-494.
[197] Там же.
[198] В этот день Б.А. Репнин провел окончательный подсчет сил Новгородского разрядного полка.

оставались **1000** солдат и драгун; все остальные были в походе или находились в бегах[199]. Руководствуясь данными цифрами, можно предположить, что к 1662 году ситуация не претерпела радикальных изменений и в погостах оставалось приблизительно столько же солдат. Получается, что списочный состав всех олонецких полков в 1662 года колебался приблизительно в районе **8000** человек.

Что касается изменения численности солдат в последующие годы, доподлинно известно, что в 1663 году Петром и Елисеем Зиновьевыми был проведен новый солдатский разбор и зафиксировано сокращение числа солдат и драгун почти вдвое по сравнению с реконструированной нами цифрой 1662 года до **4500** человек[200].

Таким образом, исследованные нами источники иллюстрируют постепенное падение количества пашенных солдат и драгун в 1657-1663 гг. – с более чем 11000 до 4500 человек, то есть за шесть лет численность рядового состава полков сократилась в 2,5 раза.

§ 3. Статистика дезертирства по материалам 1657 и 1662 гг.: сравнительный анализ

Начало и распространение солдатского бегства в 1649-1657 гг.

В связи с тем, что большая часть источников, посвященная беглым олонецким солдатам, не отличается систематичностью, а ряд из них вообще носит фрагментарный характер, вычисление ежегодных абсолютных и относительных показателей дезертирства в олонецких полках – задача едва ли осуществимая. Тем не менее, источниковая база позволяет дать оценку тенденции изменения масштабов дезертирства путем выявления количества беглых солдат в разные промежутки времени и сопоставления этих показателей с общей численностью олонецких полков. Тем самым, мы можем вывести процент беглых солдат от

---

[199] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 133.

[200] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 185 (После 10 января 1664 года. Отписка воеводы Олонецкого уезда окольничего Василия Александровича Чоглокова и дьяка Дружины Протопопова воеводе Новгородского полка боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому о высылке первой трети драгун и солдат после их разбора в 1663 г.) ; Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 137 ; Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 166-167.

общего числа записанных на службу крестьян на определенных этапах существования полков как показатель динамики дезертирства.

Проблема беглых солдат была характерна для всего периода существования олонецких полков «нового строя». Ведя речь о беглых солдатах в период 1649-1653 гг. мы не можем говорить о них как о дезертирах в обычном понимании, так как они сбежали не с поля боя и не из войсковых частей, и даже не с дороги на службу, а ушли из дома. В историографии таких крестьян принято именовать сошлыми, а по отношению к военной службе к ним допустимо применение современного термина уклонист, как к лицам, тем или иным способом пытающимся уклониться от прохождения военной службы. Такие крестьяне избегали мобилизации путем миграции в иные российские уезды[201].

Впрочем, как минимум в двух довоенных источниках сообщается о беглых солдатах. Так, сверка списочного состава полков воеводой В.А. Чоглоковым в октябре 1653 года показала, что из 10924 солдат, записанных на службу, умерли или сбежали 482 человека. Аналогичные подсчеты, проведенные воеводой в марте 1654 года, свидетельствовали о незначительном увеличении смертности и бегств: из 11005 «прибранных» в службу солдат, умерли или сбежали уже 514 человек[202].

Рассматривая дезертирство из олонецких полков «нового строя» как явление, не только в статике, но и в динамике, имеет смысл ввести периодизацию, отражающую специфику его распространения. Данная периодизация включает в себя время участия полков в русско-польской и русско-шведской войнах (1654-1666 гг.) и разбивается на два этапа:

1. 1654-1656 гг. Данный этап характеризуется возникновением и «первичным» распространением дезертирства на фоне участия олонецких полков в кампаниях 1654-1655 гг. русско-польской войны и в начавшейся в 1656 году русско-шведской войне, в сочетании с увеличивавшейся нехваткой продовольственного снабжения и нарушения порядка мобилизации;

---

[201] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 612-612 об., 613, 614, 616, 617 об., 621 об., 623, 632, 636, 638 об., 639.
[202] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 111.

2. 1657-1666 гг. Максимальное увеличение масштабов дезертирства из-за столкновения со шведской армией в 1656-1658 гг., в связи с глубоким финансово-экономическим кризисом, тяжелым военно-стратегическим положением, гибелью большого числа солдат и драгун во время похода князя Ивана Андреевича Хованского 1659-1660 гг., истощением мобилизационного ресурса Олонецкого уезда и возросшим напряжением в отношениях с командованием.

Первые побеги олонецких солдат из действующей армии источники фиксируют не позднее октября 1654 года. Согласно челобитной подьячего Олонецкой съезжей избы Степашки Ижорина, в ходе проведения разыскных мероприятий по поиску сошлых крестьян и беглых солдат, им только в Олонецком погосте было поймано 96 дезертиров из армии В.П. Шереметева[203] (очевидно, это не полные данные, реальное число дезертиров было гораздо выше).

Не успев отвоевать и года, солдаты стали покидать войска. Кроме первоначального недовольства крестьянского сообщества отправкой большого числа здоровых мужчин на «дальние службы», дезертирство олонецких солдат имело под собой самые, что ни на есть типичные причины. Дело в том, что по вине командования Новгородского полка в подразделениях дворянской конницы и частях «нового строя» ощущался дефицит денежного и хлебного жалованья. Еще в июне Иван Милюков, отвечавший за продовольственное снабжение, предупреждал В.П. Шереметева и его товарища Ждана Васильевича Кондырева о несвоевременном решении воевод двинуть армию под Витебск. Милюков «кричал», *«чтоб под Витебск не ити. Я де ото всей рати бью челом, у нас де запасы не готовы»*[204]. К осени ситуация со снабжением значительно ухудшилась, о чем свидетельствует челобитная солдат полка Александра Гамильтона от 13 сентября: *«Теперь, государь, будучи на твоей государеве службе, нам, холопем твоим, есть-пить нечего и одеться нечим, голодны и холодны, а стоим, государь, теперь мы, холопи твои, под городом Витебском сверху по Двине и к городу мы*

[203] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Сст. 1.
[204] Цит. по: Новосельский А.А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. … С. 134.

на приступе были, и из города литовские люди к острошку нашему выходят почасту днем и ночью беспрестанно»[205].

Тенденция к увеличению случаев бегств со службы в первые годы войны была обусловлена не только проблемами продовольственного и вещевого снабжения, но и рядом других факторов. Во-первых, это военные обстоятельства, среди которых важнейшим является фактор человеческих потерь, смертности. Уверенное продвижение царских войск по территории Речи Посполитой сопровождалось многочисленными столкновениями с вражеской армией, а также осадами городов и крепостей, что влекло за собой большие потери среди рядового состава. Согласно переписным книгам Ивана Дивова, в 1654-1657 гг. в боях под Витебском, Полоцком, Дисной, Ковной, Вильной, Ригой, Юрьевом-Ливонским и Корелой погибло, а также умерло дома порядка 2500 солдат и драгун[206].

В этой связи следует сказать и о возможном влиянии на побеги эпидемии чумы 1654-1657 гг., свирепствовавшей в Москве в 1654 году, а в 1656-1657 гг. затронувшей некоторые занятые русскими войсками города Великого княжества Литовского[207]. Показателен пример Вильны: русские ратные люди, пережидающие моровое поветрие вне городских стен, – в поветах и полевых лагерях, – испытывали большие трудности с продовольствием. Так как карантинные меры предусматривали создание застав вокруг зараженных районов, крестьяне из «чистых» поветов не могли провести через данные заставы зерно для продажи в Вильне, в связи с чем, солдаты находили выход либо в набегах на близлежащие села, либо в дезертирстве[208]. Эпидемия чумы отразилась на моральном состоянии олонецких полков: в декабре 1657 года русско-шведская граница в районе Лавуи оказалась практически беззащитна из-за дезертирства

---

[205] Цит. по: Новосельский А.А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. … С. 134.
[206] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 401 об.–487 об., 660-810.
[207] Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. Материалы и очерки. М., 1960. С. 54-62.
[208] Герасимова И.В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб., 2015. С. 110-125.

большей части дислоцировавшихся там солдат, боявшихся смертельной болезни[209].

Во-вторых, на распространение дезертирства из олонецких полков «нового строя» в некоторой степени воздействовал и политический фактор. Военные успехи русской армии 1654-1655 гг., и даже планы похода на Варшаву, были остановлены шведским вторжением в Речь Посполитую. В результате, неверно оценив расстановку сил в Восточной Европе, внутриправительственная группировка сторонников сближения с Польшей во главе с боярином А.Л. Ординым-Нащокиным убедила царя Алексея Михайловича приостановить военные действия в Речи Посполитой, заключить перемирие с королем Яном Казимиром и объявить войну шведскому королю Карлу X Густаву. Заручившись поддержкой Дании и нейтралитетом Бранденбурга, 17 мая 1656 года Россия объявила Швеции войну. Тем самым российским правительством преследовалась цель, не допуская полного крушения Речи Посполитой, блокировать продвижение на континент и усиление Швеции[210]. Таким образом, война на западе принимала затяжной характер: победоносные Государевы походы 1654-1655 гг. уступили место крайне опасному столкновению с одной из сильнейших армий Европы. Такое положение дел требовало максимального напряжения финансовых, военных и людских ресурсов Русского государства.

К 1656-1657 гг. усложнилась социально-экономическая обстановка и в среде пашенных солдат. Именно тогда ясно обозначились контуры глубочайших структурных социально-экономических проблем, поразивших военнообязанное население Олонецкого уезда и нашедших свое выражение в его массовом дезертирстве с военной службы в во второй половине 1650-х – первой половине 1660-х гг. Вскоре после того, как олонецкие полки «нового строя» практически в

---

[209] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 89-90.

[210] Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655-1661 гг.)… С. 86-166 ; Малов А.В. Русско-польская война 1654-1667 гг. М., 2006. С. 20-21.

полном составе стали отправлять на театры боевых действий, начался процесс обнищания крестьянских хозяйств[211].

Показатели дезертирства за 1657 год

Наиболее полную численность беглых солдат за 1657 год можно вывести из данных, содержащихся в переписных книгах Ивана Дивова и отписках воеводы В.А. Чоглокова. Относительно солдатской переписи нужно иметь в виду, что, во-первых, отсутствующие на службе солдаты, записанные в 5 и, частично, 3 книгах, являются беглыми и сошлыми солдатами. Книга 5 переписи Дивова носит название *«Салдаты з государевы* ***службы*** *збежали и из* ***домов*** *своих безвестно збежали»,* то есть в тексте присутствует очевидное противопоставление побегов со службы уходам из мест постоянного жительства. В этом случае, для получения объективных показателей за 1657 год, в отношении рассматриваемых лиц целесообразно ввести две категории по признаку отсутствия человека в армии: дезертиры и уклонисты, где дезертиры – сбежавшие из действующей армии (или на пути к прохождению службы), а уклонисты – лица, различными способами избегающие мобилизации. Во-вторых, отнесение конкретного человека к одной из указанных категорий осуществляется по контексту источника, сообразно определенной формулировке рядом с именем солдата, представляющей собой глагол действия или словосочетание с данным глаголом вкупе с указанием места или времени исчезновения из поля зрения властей. В переписных книгах дезертир определяется пометками *«збежал», «сбёг», «сшол из-под Корелы»* (то есть сбежал в ходе осады Корелы), *«сшол из-под Юрьева»* (дезертировал в ходе осады Юрьева-Ливонского), *«сшол из службы»* и т.п. Признаки определения уклонистов это – *«сшол»* (то есть ушел, стал «сошлым», мигрировавшим), *«збежал з женою и з детми», «бегает от службы», «до высылки бежали безвестно», «бежали по лесом»* и т.п. Заострим внимание на пометках в переписных книгах о беглых солдатах 1649/50-1652/1653 гг.: данные лица подпадают под категорию

[211] 1658 г. после марта 7. – Мирская челобитная крестьян разных погостов о несении солдатской службы в две очереди и о других льготах // Карелия в XVII веке… С. 128.

уклонистов, а не дезертиров, поскольку «сошли» от службы в довоенное время, то есть не из полков, а из своих домов. Результаты подсчетов количества дезертиров и уклонистов по погостам Олонецкого уезда представлены в таблице.

Количество дезертиров и уклонистов по данным 3 и 5 переписных книг И.С. Дивова 1657 года[212]

Погосты	**Дезертиры** *(беглые, збежал, збежал безвестно, сбег, сшол из Корелы/Юрьева безвестно, збежал с города с Олонца, сшол из службы)*	**Уклонисты** *(Сшол, сшол от немецких людей/ разоренья, сшол / збежал во 158/159/160/161 году, збежал с женою и з детми, збежал в стрельцы, на службу не пошли, бежали по лесом, розбежались с женами и детми, сшол в мир кормитца, бегает от службы, до высылки бежали безвестно)*
Олонецкий	27	96
Шуйский	28	54
Шунгский	25	15
Выгозерский	–	11
Кузарандская волость Толвуйского погоста	3	7
Кижский	69	40
Важинский	3	24
Остречинский	6	8
Веницкий	5	10

[212] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 399-491, 603-659 об.

Оштинский	9	35
Мегорский	14	7
Вытегорский	9	26
Андомский	10	19
Пудожский	89	10
Шальский	10	35
Водлозерский	–	24
Линдозерский	–	1
Семчезерский	–	7
Селецкий	–	35
Паданский	–	8
Всего	**307**	472
+ 20 отдельно выписанных человек «несысканных» без указания погоста		
ИТОГО	799	

Как показывают подсчеты, непосредственно дезертиров на момент переписи оказалось относительно немного – 307 беглых из 11388 человек списочного состава. То есть доля беглых солдат составила менее 3%. При этом среди солдат Выгозерского, Водлозерского, Линдозерского, Семчезерского, Селецкого и Паданского погостов дезертиров нет вовсе. Значительно большее число составляют уклонисты: по большинству погостов их показатели превышают дезертирские в 1,3-11 раз, и в общей сложности представляют собой

472 человека. Исключением являются только Шунгский (25 дезертиров и 15 уклонистов), Кижский (69 дезертиров и 40 уклонистов), Мегорский (14 дезертиров и 7 уклонистов) и Пудожский (89 дезертиров и 10 уклонистов) погосты. К этому следует присовокупить еще 20 солдат, которые *«в погостех не сысканы»*[213].

Численное превалирование уклонистов над дезертирами свидетельствует о том, что крестьяне, не желавшие служить, в большинстве своем предпочитали не совершать побеги из армии, а попросту туда не попадать. Массовый уход в другие территориально-административные субъекты был лишь одной из форм пассивного сопротивления крестьянского мира солдатской службе. В то же самое время крестьяне целыми волостями и погостами могли укрываться в лесах от высыльщиков, о чем и сообщает Иван Дивов относительно жителей Водлозерского погоста: *«И того погоста драгуны и салдаты государева указу не послушали, на службу не пошли, и из погоста всяких чинов жилецкие люди розбежались з женами и з детми»*[214]. Аналогично повели себя солдаты Купецкой волости Шальского погоста: *«На службу не пошли, а по нетам от высылки вся волость розбежалась по лесом»*[215]. Часть солдат скрывалась и в других уездах, поскольку туда не распространялись полномочия ни олонецких воевод, ни высыльщиков, ни сыщиков. Так, 27 декабря 1657 года олонецкий воевода В.А. Чоглоков жаловался царю, что *«тех беглых драгунов и салдат вскоре будет сыскать не мочно, потому что бегают в Белозерской и в Каргопольской уезды и Соловецкого монастыря в вотчину на морские промыслы»*[216].

Не будет ошибкой полагать, что в середине XVII века уклонение от службы было свойственно жителям и других стран, где существовала воинская повинность. Например, во время русско-шведской войны 1656-1658 гг. граничащая с Карелией Восточная Финляндия и, в частности, провинция Саво стали прибежищем для финских уклонистов и дезертиров, не желавших служить в

---

[213] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 490 об.-491.
[214] Там же. Л. 489-489 об.
[215] Там же. Л. 486.
[216] Там же. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 128.

армии шведского короля Карла X Густава. Ю.Т. Лаппалайнен предполагает, что это было связано с географическими особенностями региона: Саво соседствовала с обезлюдевшим и разоренным Кексгольмским леном (Корельским уездом), и вообще находилась на периферии, что затрудняло правительственный контроль над миграционными потоками[217].

Что касается крестьян Олонецкого уезда, то их решительность в отношении отказа служить временами приводила к открытым вооруженным столкновениям с высыльщиками. В 1658 году общественное недовольство выплеснулось нападениями крестьян Лопских погостов (в том числе Ругозерского, Шуезерского и Панозерского, куда не смог добраться Иван Дивов в 1657 году) на группу высыльщика полка Вальтера Кармихеля поручика Богдана Головина. Согласно материалам следственного дела[218], рассматривавшего и агрессию местных жителей, и многочисленные злоупотребления высыльщиков, крестьяне убили сопровождавших Головина стрельцов и пушкаря в ответ на избиение солдат, насилие над женщинами, посулы и поминки (т.е. взятки), материально-экономические притеснения. А.С. Рыжков, подробно исследовавший данный сюжет, на основе косвенных данных предположил, что, несмотря на всю противоречивость ситуации, поручик Богдан Головин понес наказание в виде конфискации имущества или «ссылки в Астрахань на вечное житье»[219]. Очевидно, власть на фоне затянувшихся войн с Речью Посполитой и Швецией старалась сохранить лояльность крестьян, обремененных солдатской службой.

Более серьезное наказание получили шведские военные, занимавшиеся розыском дезертиров – лейтенант Пекка Ниилонпойка и его подчиненные. Летом 1657 года в Пиексямяки они в ходе разыскных мероприятий вступили в драку с местными жителями, которые ответили на агрессию с оружием в руках. За этот инцидент Пекка Ниилонпойка вместе со своим капралом были приговорены к смертной казни[220].

---

[217] Lappalainen J.T. Elämää suomen sotaväessä Kaarle X Kustaan aikana… S. 38-39.
[218] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 70. Сст. 1.-125.
[219] Подробнее см.: Рыжков А.С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат…
[220] Lappalainen J.T. Elämää suomen sotaväessä Kaarle X Kustaan aikana… S. 147.

Разорение крестьянских хозяйств Олонецкого уезда, вследствие существования обязательной солдатской службы, шло рука об руку с обнищанием монастырских крестьян, до поры в армию не призывавшихся. Так, в Толвуйском погосте, большая часть которого до 1671 года являлась вотчиной Вяжицкого монастыря, в 1650-1660-х гг. прошли многочисленные крестьянские волнения, связанные с недоимками крестьянами хлеба и денег в монастырскую казну и неоднократными попытками правежа со стороны церковных и гражданских властей. Таким образом, общественное противостояние, приобретавшее пассивные и активные формы, в середине XVII века, так или иначе, было характерно для всего Олонецкого уезда[221].

К концу 1657 года ситуация с бегством солдат резко ухудшилась и приобрела явные черты массовости. 27 декабря 1657 года в отписке царю Алексею Михайловичу олонецкий воевода В.А. Чоглоков отчитывался, что по сообщениям из Пскова воеводы Новгородского полка И.А. Хованского и из Лавуи воеводы А.С. Потемкина из данных гарнизонов с сентября 1657 года сбежало в общей сложности 2000 олонецких солдат: «*писал изо Пскова к нам… столник и воевода князь Иван Хованский… збежали де изо Пскова Олонецкого уезду драгуны и салдаты Александрова полку Гамолтова тысеча человек… Да с Лавуи писал… воевода Александр Потемкин, что Олонецкого ж уезду драгуны и салдаты, которые были на твоей государевой службу с ним, с полку все розбежались же тысеча ж человек*»[222]. Таким образом, только по этим двум случаям доля беглых солдат за сентябрь-декабрь составила 18% от 11388 человек списочного состава.

А в общей сложности, в 1657 году сбежало, исходя из данных переписных книг И.С. Дивова и отписки воеводы В.А. Чоглокова царю, по меньшей мере, **2307** солдат и драгун из 11388 человек списочного состава олонецких полков. Таким образом, доля дезертиров за рассмотренный год составила уже **20%.**

Данные о беглых солдатах за 1662 год

[221] Старостина Т.В. Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. (до конца 60-х гг.) // Вопросы истории. Сборник статей. Вып. 1. Петрозаводск, 1961. С. 141-145.
[222] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 127.

Стремительный рост числа беглых солдат в 1657 году отражают тревожную тенденцию ухудшения морального состояния олонецких полков. После окончания русско-шведской войны, особенно в начале 1660-х гг. на фоне глубочайшего финансового кризиса число полковых беглецов и нетчиков продолжало оставаться на высоком уровне.

В отличие от источниковедческой ситуации 1657 года, от которого сохранилась подробная статистика почти по всему солдатскому населению Карелии, в том числе по дезертирам, в виде переписных книг Ивана Дивова и отписки олонецкого воеводы В.А. Чоглокова, источники начала 1660-х гг. не содержат сводных данных по дезертирам. Принимая во внимание данное обстоятельство и оперируя более широким кругом источников, для оценки динамики масштабов дезертирства в начале 1660-х гг. в качестве объекта сравнения предлагается взять 1662 год как документально наиболее обеспеченный.

Источниками при подсчете количества беглых олонецких солдат за 1662 год является, в основном, архивная и опубликованная делопроизводственная документация Новгородского разрядного полка. Как и в случае с 1657 годом, их данные позволяют вывести не только годовой процент дезертирства, но и исследовать внутригодовые изменения динамики солдатского бегства. Для этого следует разделить 1662 год на два этапа:

1. 1 января – 16 июня (оценка распространения дезертирства по результатам февральского и июньского смотров сил Новгородского разрядного полка);
2. 16 июня – 26 октября (численность дезертиров в период активной борьбы с бегством).

Обобщенные данные за первый период представлены в отписках воеводы Новгородского разрядного полка Б.А. Репнина государю от 11 февраля и 20 июня. В первом документе приводится информация из отписок сыщиков Дмитрея Болнянинова и Степана Белеутова о результатах мобилизации солдат ряда погостов Олонецкого уезда. Согласно этим данным, к началу февраля было

зафиксировано 368 солдат, дезертировавших на этапе отправки в Великий Новгород[223]. В июне 1662 года высылка олонецких солдат также происходила с ощутимой пробуксовкой. Как видно из отписки Репнина от 20 июня, наряду с побегами из полков, основные трудности у высыльщиков и сыщиков, как и в начале года, возникали при отправке солдат из погостов в Новгород. Это выражалось не только в отказе солдат подчиняться требованиям должностных лиц, но и перерастало в вооруженные столкновения: *«И те де салдаты, им сыщиком учинились непослушны… сыщика Федора Мяхкого лаяли, а стрелцов трех человек били, и за ним, Федором, и за стрельцами с топором и ослопми гонялись».* Те солдаты, которые не сбежали на этапе высылки, группами по нескольку десятков человек дезертировали уже из Новгорода: *«И те салдаты не хотят быть на твоей службе, забыв страх Божий и твое крестное целованье, с твоей службы из Великого Новагорода бегут безпрестанно, на день человек по 10 и по 20 и болше»*. В результате данные Б.А. Репнина показывают, что к 16 июня из Новгорода, Пскова и с новгородско-псковской дороги из полка Ягана Трейдена сбежало 405 человек, а во время высылки с олонецко-новгородской дороги сбежало 96 человек.

Воеводой также было указано, что 600 человек *«сыщикам учинились непослушны»* и на службу не пошли. Такая формулировка склоняет нас отнести данных лиц к категории уклонистов, а не дезертиров, поэтому в формируемую статистику они не входят.

Без учета 600 уклонистов, по отписке Репнина «в нетах» оказался 501 солдат[224]. По нашему мнению, данная цифра не является окончательной, и царю были отосланы не полные сведения. Дело в том, что Б.А. Репнин, ссылаясь на сообщения, полученные от олонецкого воеводы Т.В. Мышецкого, указал среди солдат, дезертировавших на этапе отправки, только 96 человек. При этом, еще 28 мая 1662 года от стрельца Сеньки Соколовского (подчиненного сыщика Феклиста

---

[223] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 127. Л. 16-18; Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 102-103 (Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя»).
[224] АМГ. Т. 3. С 493.

Ласунского) в Кижском погосте сбежало 508 солдат[225]. Скорректировав количественные данные, получается, что с 1 января по 16 июня 1662 года сбежало 1377 солдат из 8000 человек списочного состава. Таким образом, удельный вес дезертиров по результатам первого полугодия 1662 года составил 17%.

Дальнейшую летне-осенюю динамику дезертирства отражают *«росписи беглым салдатам»*, отписки сыщика Феклиста Ласунского, воеводы Опочки Семена Бешенцова, воеводы Олонца Т.В. Мышецкого и воеводы Новгородского разрядного полка Б.А. Репнина (последний при этом с 1 сентября находился в Пскове, где лично занимался расследованием солдатских побегов). Так, с 12 августа по 11 сентября из полков Христиана Любенова и Христиана Фомблюментроста[226] (Блюментроста), Томаса Гейса, Ягана Трейдена, а также во время высылки на службу из Заонежских погостов совершили побеги 485 солдат[227].

Осенние побеги с 11 сентября по 16 октября зафиксированы в опубликованных А.Ю. Жуковым архивных документах по олонецким солдатам, в частности, в таблице с подсчетами дезертиров за указанный период на основе «росписей беглым салдатам». Наиболее злостные дезертиры, осенью, судя по опубликованным данным, жили в Вытегорском погосте (76 беглых), вотчине Вяжицского монастыря Толвуйского погоста (66 беглых) и Остречинском погосте (54 беглых). Всего, по материалам А.Ю. Жукова, с 11 сентября по 26 октября сбежало 373 солдата[228]. По итогу летних и осенних месяцев видно снижение масштабов дезертирства: с 16 июня по 26 октября в общей сложности сбежало 858 солдат, что составляет 11% от общего числа полков в 8000 человек. Данная тенденция, по всей вероятности – это результат усиленной борьбы с дезертирством, развернувшимся после 1 сентября 1662 года, по прибытию

---

[225] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 65-66.
[226] Эти полки комплектовались не только солдатами Олонецкого уезда, но и других пятин Великого Новгорода.
[227] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 24-30, 100, 105, 127-128, 155-160.
[228] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 136-142 (25 «Росписей» беглых солдат за сентябрь-октябрь 1662 г.) ; Там же. С. 156 (11 сентября 1662 г. Из «Именной росписи салдат» присылки воеводы Великого Новгорода И.Б. Репнина своему отцу воеводе Новгородского полка Б.А. Репнину в Псков) ; Там же. С. 156-167 (14 октября 1662 г. Из отписки воеводы Великого Ногорода И.Б. Репнина своему отцу воеводе Новгородского полка Б.А. Репнина в Псков – о присылке из Олонца двадцати девяти олонецких солдат).

воеводы Б.А. Репнина в Псков, где из полков, там дислоцировавшихся, совершалось большинство побегов.

Если же смотреть на ситуацию с дезертирством в 1662 году в целом, то за данный период совершили побеги, по меньшей мере, **2235** солдат, что составляет **28%** от 8000 человек списочного состава олонецких полков. Вероятно, это не полное число дезертиров. Отсутствие сохранившихся солдатских переписей после 1657 года и сводных данных о беглых солдатах за 1662 год усложняет исследование данного вопроса, однако полученные приблизительные цифры являются отражением динамики солдатского бегства из олонецких полков.

Результаты сравнения показателей дезертирства за 1657 и 1662 гг. представлены в таблице.

	1657 год	1662 год
Списочный состав полков	*11388 чел.*	*8000 чел.*
Количество дезертиров	*2307 чел.*	*2235 чел.*
Доля беглых солдат	*20 %*	*28 %*

Возникшее практически с самого момента создания олонецких полков «нового строя», изначально дезертирство пашенных солдат было реакцией на определенные условия воинской повинности, распространившейся на крестьян Олонецкого уезда в 1649 году. В 1649-1654 гг. из-за того, что полки не вели никаких боевых действий, кроме подавления Псковского восстания 1650 года, корректней будет называть солдат и драгун, сбежавших из своих домов, уклонистами. Их число росло в начале 1650-х гг. С позиции трансформационных процессов это было ответом на изменение социального статуса с «сироты государева» на «государева холопа». Начавшаяся в 1654 году Тринадцатилетняя война дала старт распространению дезертирства среди олонецких солдат: сохранившиеся источники свидетельствуют, что в 1654-1657 гг. количество беглых солдат увеличилось с чуть менее сотни до 2307 человек, что на тот момент составляло 20 %, то есть пятую часть от всего списочного состава полков.

Большое число дезертиров в 1657 году связано, безусловно, с событиями русско-шведской войны 1656-1658 гг., особенно с боевыми действиями на территории Карелии, о чем более подробно рассказано во второй главе. Отсутствие сохранившихся сведений об изменениях масштабов дезертирства между 1657 и 1662 гг. не позволяет составить исчерпывающую статистику по данному периоду. Однако многочисленные источники за 1662 год дают основание считать, что бегство из олонецких полков сохраняло массовость, сравнимую с ситуацией 1657 года. И, хотя, в 1662 году, по нашим данным, сбежало 2235 солдат, их удельный вес, с учетом сокращения общей численности формирований до 8000 человек, возрос до 28 %. Таким образом, в 1662 году дезертировало более четверти списочного состава олонецких полков. Кроме того, демонстрируемые в тексте внутригодовые показатели свидетельствуют о том, что частота побегов колебалась в зависимости от внешних факторов. В 1657 году доля дезертиров с января по сентябрь составила 3%, а с сентября по декабрь уже выросла до 18%. В 1662 году удельный вес беглых солдат с января по июнь достигал 17%, однако с июня по октрябрь снизился до 11 %, что было связано с активной борьбой против дезертиров.

Резюмируя, мы делаем вывод, что нежелание солдат мириться с неэффективным порядком мобилизации, когда вместо регламентированной службы в две очереди в войсках оказывается почти весь наличный состав, неспособность или неготовность властей решить острые вопросы, в сочетании с нарастающими снабженческими проблемами являются залогом для дальнейшего падения морального состояния и дисциплины, роста масштабов дезертирства, что ставит под угрозу боеспособность не только самих олонецких полков, но и всех войск, действующих на одном с ними театре.

Создание Олонецкого уезда и полков пашенных солдат в 1649 году является результатом многолетней работы правительства по изменению системы управления и самоуправления Карелии. Реформы административно-территориального характера, последовательно проводившиеся с 1478 года в

отношении северо-западного приграничья, усиливали государственный контроль над периферией, в том числе в рамках модернизации вооруженных сил. В итоге в 1647-1649 гг. в Заонежских и Лопских погостах была проведена военно-административная реформа, в ходе которой большая часть черносошных крестьян была переведена в солдатскую службу, а Заонежские и Лопские погосты объединены в Олонецкий уезд под руководством воеводы, назначаемого Москвой.

Формирование олонецких солдатских, а затем и драгунских полков осуществлялось с опорой на опыт создания полков поселенных драгун Белгородской засечной черты. Кроме того, сами крестьяне Заонежских и Лопских погостов были знакомы с особенностями пограничной службы, так как до 1649 года привлекались к обеспечению стрелецких гарнизонов по русско-шведской границе и досмотру «порубежных мест».

Хотя с первого взгляда может показаться, что крестьянство Карелии было заинтересовано в военной безопасности региона, часть жителей, в особенности Лопских погостов, воспротивилась введению солдатской службы. Создание института пашенных солдат послужило толчком к последовавшей социальной трансформации карельского крестьянства, выразившейся в социально-экономической и профессиональной дифференциации населения. В результате введения военной службы крестьяне, записанные в солдаты, не выходя за пределы своей сословной группы, по социально-профессиональному признаку de facto стали относиться к разряду служилых людей. Хотя едва ли допустимо говорить о формировании новой служилой корпорации, статус олонецких солдат был близок к положению комарицких драгун, которые, по мнению Ю.П. Соловьева, в 1646 году были переведены из крестьян в драгуны и стали полноценными служилыми людьми[229]. Олонецкие пашенные солдаты, неся военную службу, в значительной массе своих черт оставались крестьянами и продолжали пахать землю. Кроме того, часть пашенных солдат уклонялась от службы, желая оставаться крестьянами. Поэтому основными итогами трансформационных процессов

[229] Соловьев Ю.П. Комарицкие драгуны… С. 104-105.

крестьянства Карелии вследствие его привлечения к военной службе стало не только выделение особой внутрисословной группы солдат и драгун, усугубление экономического расслоения между крестьянами, но и постепенная радикализация протестных настроений в среде солдат, что во время Тринадцатилетней войны 1654-1667 гг. вылилось в их массовое дезертирство.

Несмотря на общеевропейскую практику отказа от больших полков в целях улучшения оперативно-тактического командования, олонецкие полки в 1649-1654 гг. были довольно крупные – в полках Александра Гамильтона и Мартина Кармихеля насчитывалось по нескольку тысяч солдат. Это было обусловлено дефицитом обученных солдатскому и драгунскому строю офицеров. Таким образом, олонецкие полки первого формирования представляли собой своеобразный учебный корпус, не принимавший участия в боевых действиях в полном составе. С началом войны в 1654 году был запущен процесс разукрупнения полков, привлечения к службе новых командиров, подготовки русских офицерских кадров, что должно было повысить эффективность управления полками в условиях войны.

Набор в олонецкие полки «нового строя» осуществлялся с опорой на переписную документацию и волостную раскладку. Это значит, что за каждым конкретным полком был закреплен ряд заранее определенных волостей и погостов. Сами же полки, в связи с появлением новых или упразднением старых, за всю свою историю пережили пять переформирований, в ходе которых корректировались территория набора и численность личного состава. Волость, из которой производился набор в полк, как правило, формировала одну роту. Подобная практика комплектования рот могла способствовать распространению дезертирства, так как хорошо знающим друг друга землякам было проще объединиться для совершения побега.

Исследование динамики численности олонецких солдат и драгун показало, что общее количество записанных на службу крестьян в 1649-1657 гг. составляло около 10000-11000 человек. Несмотря на снижение призывного возраста и потребности в пополнении в связи с активизацией боевых действий во время

русско-шведской войны, к 1662 году наблюдается падение численности солдат и драгун приблизительно до 8000 человек. В 1663 году это число было официально сокращено до 4500 человек.

Исходя из данных численности полков, удалось выявить динамику распространения дезертирства. Установлено, что в 1657 и 1662 гг. количество беглых солдат было примерно одинаковым. В то же время внутригодовая статистика свидетельствует о стремительном росте числа побегов в 1657 году в связи с событиями русско-шведской войны, его упорный рост в первой половине кризисного 1662 г. и некоторое сокращение масштабов дезертирства во второй половине 1662 года, из-за усиленной борьбы с данными феноменом.

В то время как в 1649-1654 гг. в олонецких полках «нового строя» доминировало уклонение от прохождения службы, в годы войн с Речью Посполитой и Швецией среди солдат и драгун довольно быстро распространилось дезертирство, ставшее следствием ряда факторов экономического, социального и военного свойств.

Глава II. Факторы дезертирства

Причины солдатского бегства в раннее Новое время могли быть разнообразными, связанными с положением войск в зоне боевых действий, экономическим благосостоянием и социальным статусом солдат, их отношением с начальством, жесткостью мобилизационной системы, суровостью наказаний за дезертирство, психологическими мотивами и т.п. Что касается олонецких пашенных солдат, то имеющиеся источники позволяют выявить и исследовать факторы дезертирства экономического, социального и военного характера. В совокупности данных причин бегства со службы олонецких солдат первостепенной, определяющей массовость дезертирства, на наш взгляд, является денежно-продовольственная обеспеченность. Слабость этого звена в общей цепочке факторов, обеспечивающих благополучие армии, проявилась в ходе «военной революции» в Северной и Восточной Европе: нехватка хороших сельскохозяйственных угодий приводила к более низкой продуктивности, чем в Западной Европе, так что страдала обеспеченность войск. Это позволило исследователям сделать вывод о том, что системы снабжения не поспевали за прогрессом в военном деле[230]. Кроме этого, низкая плотность населения в зоне северо- и восточноевропейского театра военных действий не давала в полной мере осуществлять принцип «bellum se ipsum alet» (война кормит войну), так как опустошение бедных и малонаселенных территорий было чревато не только преждевременной растратой дефицитных ресурсов, но и срывом всей кампании[231]. Не случайно уровень распространения дезертирства коррелировал с уровнем экономического развития государства[232]. Оценить важность экономического фактора дезертирства олонецких пашенных солдат можно, рассмотрев механизмы функционирования системы денежно-продовольственного снабжения вооруженных сил Русского государства, а также состояния его финансовой системы.

---

[230] Parrott D. The Military Revolution in Early Europe…
[231] Пенской В.В. Военное дело Московского государства от Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М., 2018. С. 19-20.
[232] Berkovich I. Motivation in War… P. 59.

§ 1. Экономический фактор

Олонецкие полки «нового строя» в системе продовольственного снабжения русской армии

Рост армий европейских государств в XVI – первой половине XVII вв. привел к тому, что способы снабжения в виде насильственных конфискаций на оккупированных территориях не могли удовлетворять потребности вооруженных сил[233]. Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.) показала невозможность длительного использования местных источников снабжения. Таким образом, эволюция военного дела привела к потребности в стабильных коммуникациях снабжения, что во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. выразилось в оформлении магазинной системы[234]. В ее основе лежала сеть специальных продовольственных складов, расположенных на определенных маршрутах движения войск. Ресурсы магазинов направлялись на пропитание дислоцировавшихся в их районе отрядов[235]. Организация регулярного продовольственного снабжения являлась попыткой сохранения дисциплины в армии, так как оно отсекало обстоятельства, вынуждающие солдата к грабежу и дезертирству, было твердой гарантией предотвращения разложения армии[236].

В Московском государстве политическая, экономическая и военная интеграция конца XV века и численный рост армии в XVI веке обозначили тенденцию к централизации системы снабжения вооруженных сил. Потребность в стабильных продовольственных коммуникациях[237] дала старт длительному процессу реорганизации всей системы снабжения, которая в полной мере оформилась к середине XVII века.

Анализ сохранившихся источников приводит нас к заключению, что совокупность способов продовольственного снабжения русской армии середины XVII века с известной долей условности можно разделить на две ключевые части:

---

[233] Corvisier A. Armies and societies in Europe, 1494-1789. Bloomington, 1979. P. 45.
[234] Kreveld M. v. Supplying War: Logistics from Wallenstein to Patton. Cambridge university press, 1997. P. 7-8, 17-18.
[235] Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т.1. М., Л., 1928. С. 209-212
[236]Berkovich I. Motivation in War… P. 56.
[237] ДАИ.Т. 1. С. 125–126, 128–131; Жуков А.Ю. Самоуправление в политике России… С. 357.

логистику **стратегическую** и логистику **оперативную**[238]. Стратегическую логистику мы определяем как комплекс мероприятий, направленных на заготовку и долговременное хранение важнейшего пищевого сырья и продуктов питания на специально отведенных для этого складах. Оперативная логистика, в свою очередь – это повседневная эксплуатация источников снабжения, распределение и потребление продовольствия.

Стратегическая логистика. В XVII веке предварительные мероприятия по обеспечению ратных людей продовольствием заключались в организации сбора натурального налога – «служилых хлебных запасов». Данная форма прямого обложения распространялась на поместья, дворцовые волости, посадских людей, церковные и монастырские земли. Объем налога регулировался царскими указами. Помимо ржи, овса, сухарей, масла и толокна в «служилые хлебные запасы» включались, например, шубы (в зимнее время)[239]. В то же время, как пишет в своем сочинении бывший подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин, мясо, соль и вино посылались в войска с царского двора[240], то есть за их поставку отвечали приказ Большого Дворца и его подразделения.

Сбор хлебных запасов был возложен сразу на несколько учреждений. Особенности русской приказной системы придали процессу заготовки прецедентный и относительно децентрализованный характер. Заготавливать продовольствие могли сразу несколько приказов: среди них одни имели временный характер (Приказ денежного и хлебного сбора, учреждавшийся до начала военного похода[241], или Приказ хлебных и мясных запасов, существовавший во время Смоленской войны 1631-1634 гг.[242]), другие – пересекались полномочиями (Хлебный приказ и Приказ Большого Дворца[243]), а

---

[238] В данном контексте термин «логистика» употребляется нами в качестве обозначения совокупности организационных и производственных процессов по эффективному снабжению армии необходимыми ресурсами.
[239] Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 408-409.
[240] Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 161.
[241] Неволин К.А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полное собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1859. С. 160-161.
[242] Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI-XVII вв.: словарь-справочник. М., СПб.: 2015. С. 165.
[243] Неволин К.А. Указ. соч. С. 150.

третьи были ограничены в юрисдикции одной местностью (Хлебный стол Разрядного приказа[244]).

Единственным постоянным и наиболее ранним из подобных ведомств был Житный приказ, занимавшийся организацией и наполнением *житных дворов* – специальных продовольственных баз длительного хранения[245]. Учреждение Житного приказа относится, вероятно, к периоду правления Ивана III. Изначально данное ведомство, скорее всего, имело сугубо гражданское назначение. Главная задача Житного приказа состояла в обеспечении продовольственной безопасности населения страны: создании в городах складов для хранения запасов хлеба и иных продуктов. Зерно в амбарах хранилось в течение трех лет; раз в год они пополнялись. Для предотвращения порчи продукта товар реализовывали: каждый год продавалась треть запасенного в житницах хлеба, и освободившееся место заполнялось свежесмолотым (в неурожайные годы продажи возрастали до двух третей, а восполнялось только на одну треть)[246]. Причиной порчи мог стать не только чрезмерно длительный срок хранения, но и его неправильные условия, что в военное время могло привести к определенным трудностям [247].

Главными опорными пунктами стратегической логистики на местах являлись города – центры управления[248]. Одним из них был Олонец. Действительно, события русско-шведской войны 1656-1658 гг. показали его значимость в организации снабжения армии, в частности, олонецких полков «нового строя». Например, вскоре после первых столкновений со шведскими войсками, в Олонце стали возводить дополнительные склады с продовольствием, о чем в расходных частях олонецких бюджетов за 1656/57 год свидетельствуют денежные выплаты плотникам – в городе активно развернулось «амбарное

---

[244] В сфере его деятельности находились Брянск, Севск, Рыльск, Путивль, Недрыгайлов, Каменное, Сумино, Лебедин (Богоявленский С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков. М., 2006. С. 375-376).
[245] Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 373-376.
[246] ДРВ. Ч. 20. М., 1791. С. 306.
[247] АМГ. Т. 2. С. 388, 531 ; АМГ. Т. 3. С. 53-54 ; АМГ. Т.2. С. 388, 531 ; АМГ. Т.3. С. 53-54.
[248] Епифанов П.П. Указ. соч. С. 258 ; Скобелкин О.В. Хлебные запасы в городах южного фронтира в 1676/77 году // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 488.

дело»[249]. Главный региональный опорный пункт во время летней кампании 1656 года также расположился в Олонце – именно там сосредоточилась вся транспортная инфраструктура по подготовке нападения на Корелу (Кексгольм) – суда для переброски по Ладожскому озеру личного состава, оружия и продовольствия[250]. Кроме того, полномочия олонецкого воеводы во время войны значительно расширялись, в том числе, распространялись на интендантскую сферу[251]. В результате Олонец был не только базой для мобилизации и развертывания войск, но и играл важную коммуникационную роль.

Оперативная логистика. В то время как ресурсы житных дворов, за которые отвечал Житный приказ, заготавливались в тылу и шли на нужды ратных людей по мере необходимости, текущим снабжением военнослужащих занимался Разрядный приказ.

К середине XVII века снабжение армии в походе осуществлялось сразу из нескольких источников. Это поддерживаемые на требуемом уровне продовольственные ресурсы ямских станций на основных дорогах европейской части России, обозы-коши дворянской конницы, а также сбор провизии на местности.

Постоянно действующими перевалочными пунктами на маршрутах движения войск были *ямы*. Известные с 1270-х гг. и в период правления Ивана III обретшие административное значение вследствие введения ямской гоньбы, они изначально являлись специальными станциями для перемены лошадей в пути[252]. В середине XVI века ямы начинают использовать и в сугубо военных целях[253]. В XVII веке в эффективном функционировании, как ямов, так и ямской гоньбы, была, в первую очередь, заинтересована армия в лице московских приказов с военными функциями (Разрядный, Пушкарский, Стрелецкий, Оружейный и др.), на что указывает постоянное внимание к взиманию особого сбора с населения – «малых ямских денег» и «больших ямских денег», а также уложение о ямской

[249] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 205.
[250] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление Карелии в XVII веке… С. 214-215.
[251] Там же. С. 215.
[252] Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 43-38.
[253] ДАИ. Т.1. С. 128-131.

гоньбе и ямских слободах, предписывающего ямам обеспечивать транспортом определенные группы служилых людей[254]. Так что к середине XVII века ямы являлись постоянно действующими, регулярно пополняющимися перевалочными пунктами, которые обеспечивали необходимым провиантом части проходящей мимо действующей армии[255].

Между тем, такая система снабжения не была применима к войскам дворянской конницы. Служилые люди «по отечеству» (как и олонецкие пашенные солдаты в 1649-1654 гг.), обеспечивались продуктами своих хозяйств[256]. Но невозможность кормиться из обозов-кошей во время дальних походов привела к усилению в поместной коннице роли самоснабжения на территории боевых действий[257].

Другие категории ратных людей также были вынуждены заниматься самостоятельной добычей пищи и фуража, в случае удаленности от основных коммуникаций. Правительство уже с середины XVI века предпринимало попытки пресечь бесконтрольные грабежи[258]. В середине XVII века борьба с «сильным иманием» велась на основе законодательных норм Соборного Уложения[259], выражавшимися в запрете жечь деревни, нападать на крестьян и т.д. В 1655 году в Смоленском уезде даже действовали специальные приставы, защищавшие население от грабежей ратных людей[260]. Необходимость таких запретов обуславливалась потребностью в сохранении нормального хозяйственно-бытового уровня сел и деревень как основных оперативных источников снабжения.

---

[254] Дмитриева З.В., Козлов С.А. Указ. соч. С. 122.
[255] Ресурсами ямов пользовались и беглые солдаты, которых под надзором сыщиков направляли обратно в полки (Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 20. Сст. 52-52 об.).
[256] Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 154, 161; Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. … С. 58.
[257] Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. … С. 85; Несин М. А. Из истории логистики русских войск XV – начала XVI в. (Отзыв на работу В.В. Пенского «…И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 153. http://www.milhist.info/2016/04/27/nesin_7 (26.02.2022).
[258] ДАИ. Т.1. С. 131.
[259] О службе всяких ратных людей Московского государства // Соборное Уложение 1649 года. М., 1987. С. 24-25.
[260] АМГ. Т. 2. С. 406, 420, 423.

Особенностью первых лет военного противостояния с Речью Посполитой был переход захваченных земель Великого княжества Литовского, где действовали олонецкие полки «нового строя», в подданство русского царя. Так как приведение к присяге должно было обеспечиваться относительной лояльностью подданных к новой власти, то сохранение хозяйственного потенциала занимаемых территорий и запрет бесконтрольного грабежа местных жителей были не только военно-экономическим, но и политическим решением[261]. Именно политические мотивы подвигли царя издать указ 3 сентября 1655 года о запрете ратным людям государева полка «имать полон» и жечь деревни. Это было связано со взятием Вильны[262] и, как следствие, распространением на занятые земли норм Соборного Уложения.

В таких случаях, снабжение армии на перешедших «под высокую руку» русского царя земель и городов Великого княжества Литовского, где стояли олонецкие полки, как, например, в Дисне, Полоцке, Ковно, Друе, Новогрудке, Гродно, Витебске[263], происходило по правилам, установленным в Русском государстве. Это значит, что снабжение осуществлялось из двух источников – взимания «служилых хлебных запасов»[264] и покупки товаров у местного населения. Во избежание роста цен, товарообмен регулировался установлением царем или воеводой так называемой «указной» цены, то есть, в соответствие с Соборным Уложением, более низкой фиксированной стоимостью какого-либо продукта[265]. Кроме того, по данным Г.К. Котошихина, правительство посылало из Москвы в каждый полк по 50-70 «харчевников» (аналога маркитантов) – хлебников, пирожников, мясников и квасоваров, которые реализовывали свою продукцию по заниженным ценам[266].

Закупка запасов у населения была ненадежным способом снабжения, поскольку объем продаж зависел от хозяйственно-экономического состояния

[261] АМГ. Т.2. С. 434, 456.
[262] Там же. С. 432.
[263] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 492-602 об.
[264] АМГ. Т. 2. С. 424, 439-440.
[265] Соборное Уложение 1649 г. … С. 26.
[266] Котошихин Г. К. Указ. соч. С. 162.

конкретного района в условиях войны. Например, готовясь к первой зимовке в Вильне, воевода Михаил Семенович Шаховской столкнулся с трудностями такого рода, что из-за разорения местности на 20-30 верст вокруг города, уездные люди и мещане из всего спектра товаров могли торговать только овсом, вином, медом и пивом, и то в небольших объемах[267].

Сбор продовольствия в дальних поветах был чреват уничтожением фуражиров вражеской кавалерией[268]. Так, 5 сентября 1655 года 150 олонецких драгун и начальных людей полка Мартина Кармихеля были отправлены в деревню Подберезье Витебского уезда для *«хлебного печенья»*, но были атакованы двумя хоругвями «литовских людей», в результате чего в бою погибло 14 драгун[269]. С другой стороны, подобные операции могли закончиться дезертирством рядовых драгун; во многом, именно необходимость в неусыпном контроле над личным составом, по крайней мере, в западноевропейских армиях, стала отказом от фуражировки в пользу формирования магазинной системы[270].

По всей видимости, близкому к фуражировке способу снабжения войск можно отнести эксплуатацию продовольственных запасов, оставшихся от противника на освобожденной от него территории. При этом мирное население могло освобождаться от обязанности снабжать войска продовольствием. Например, в 1656 году во время похода в Кексгольмский лен (Корельский уезд) воевода Петр Михайлович Пушкин распорядился обеспечить осаждающие Корелу олонецкие полки продовольствием, которое осталось после отступления из данного района шведских войск[271]. При этом воевода, следуя инструкции наладить отношения с новыми царскими подданными на занятой территории, не производил с населения никаких сборов. Однако по этому поводу в историографии нет единого мнения. С.С. Гадзяцкий и А.Ю. Жуков утверждают, что олонецкая осадная армия получала добровольную помощь, в том числе

---

[267] АМГ. Т.2. С. 456-457.
[268] Фуражировка – самостоятельный сбор войсками продовольствия (Вуич И.В. Малая война. СПб., 1850. С. 221-222); АМГ. Т.2. С. 456-457.
[269] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 164. Л. 38-39.
[270] Berkovich I. Motivation in War… P. 56.
[271] Гадзяцкий С.С. Указ. соч. С. 253.

продовольствием и фуражом, от карельского населения, однако Ю.Т. Лаппалайнен допускает, что это могло быть в результате насильственных изъятий. По-видимому, грабежи действительно имели место, но в ограниченном масштабе, устроенные без санкции Пушкина воеводой Енаклычем Челищевым[272].

В любом случае, сотрудничество с русскими войсками могло усложнить жизнь части карельских подрядчиков, являвшихся подданными шведской короны. Примечателен случай, произошедший в районе Корппоо[273] в октябре 1656 года. Возвращавшимся на континент шведским ревизором Монсом Арвидссоном Брандшольдом было встречено сортавальское судно, направлявшееся в Швецию, на котором был обнаружен Антти Кухнов (представитель семейства крупных карельских торговцев Кухновых[274]) известный Брандшольду тем, что занимался доставкой припасов для олонецких полков, осаждавших Корелу летом 1656 года. В результате Брандшольд арестовал весь корабль, который, как выяснилось позже, часть товаров вез контрабандой, а людей переправил в Нюкельберг и заключил в подвал поместья Густава Горна[275].

Кроме вышеописанных источников снабжения, существовала практика прямой доставки продовольствия в зону боевых действий из внутренних российских уездов. Это осуществлялось как на частной, так и на государственной основе. Крестьяне дальних уездов, не имевшие возможности транспортировки «служилых хлебных запасов», перепоручали это частным лицам, которые на основе договора о казенном подряде осуществляли торговую деятельность непосредственно в местах расположения полевой армии или гарнизонов[276]. Во всех остальных случаях, продовольствие доставлялось крестьянами на подводах[277]. Это элемент старинной *посохи, посошной службы* – натуральных отработок населением военной повинности, распространенной и в Олонецком

---

[272] Гадзяцкий С.С. Указ. соч. С. 252-253, 257-258; Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 212-215; Lappalainen J.T. Finland och Karl X Gustafs ryska krig. Försvaret av den östra rikshalvan 1656-1658… S. 42.
[273] Расположен на Архипелаге Турку (Аболанд).
[274] Гадзяцкий С.С. Указ. соч. С. 258.
[275] Lappalainen J.T. Elämää suomen sotaväessä Kaarle X Kustaan Aikana… S. 144.
[276] Редкин П.Г. О казенных подрядах и поставках в России, до первого их преобразования. М., 1841. С. 161-187 ; Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 410 ; АМГ. Т.2 № 620. С. 389.
[277] АМГ. Т.2. С. 421-422.

уезде, в частности, среди монастырских крестьян. Так, 3 августа 1662 года для сбора посошных людей *«с лошадми, и с телегами, и с хлебными запасы в полковую государеву службу полк боярина и воеводы князя Бориса Александровича Репнина»* в Толвуйский погост (вотчину Вяжицкого монастыря) приезжал стрелецкий сотник Федор Аврамов сын Быков[278]. Посоха применялась даже в начале Северной войны (1700-1721 гг.). Например, перепись Олонецкого уезда 1707 г., среди прочих, отметила такие случаи запустения из-за нее крестьянских хозяйств: *«Крошнозерская волость. Деревня Спиридонов наволок … в пусте крестьянина Якова Петрова, а он в прошлом 700-м году, будучи под Ругодивом* [т.е. под Нарвой] *в* ***подводех****, умре»*[279]. Или же: *«Тулмозерская волость. Деревня Леписто … в пусте крестьянина Марка Окулова, а он в прошлом 704-м, будучи в Питербурхе в* ***работниках****, умре»*[280].

Преимущества логистической системы и разнообразие источников снабжения обесценивались при несвоевременном поступлении провианта в войска. Здесь в тяжелейшей ситуации оказалась сотня олонецких солдат полка Томаса Гейса, дислоцировавшихся в Велиже. В сентябре-октябре 1655 года из-за прерванных коммуникаций гарнизон столкнулся с продовольственным дефицитом и дороговизной. Солдаты жаловались в коллективной челобитной: *«Есть и пить нечего, иные многие переоцинжали* [т.е. заболели цингой], *а иные многие голодною смертию помирают, что было твоего государева жалованья, и то издержали»*[281]. В сложившейся ситуации, чтобы солдатам «сытыми быть», царь в указной грамоте воеводе Велижа К.Д. Дедевшину велел напрямую силами гарнизона организовать сбор хлебных запасов с уездных земель[282]. То есть, перебой в продовольственных поставках привел к принятию решения об изменении практики заготовки продовольствия – была официально санкционирована самостоятельная заготовка хлебных запасов на местности

[278] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 136.
[279] Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. Л. 398 об.
[280] Там же. Л. 381 об.
[281] Там же. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 164. Л. 281.
[282] Там же. Л. 280, 409.

силами маленького гарнизона[283]. К этому стоит прибавить и отсутствие в крепости фитилей и нехватку мушкетов[284]. Таким образом, кризис в снабжении солдат полка Томаса Гейса вполне мог в дальнейшем привести к полному падению боеспособности гарнизона.

При исследовании российской системы снабжения середины XVII века важно обратить внимание на вопрос транспортировки. Несмотря на развитие в XVII веке дорожной сети в западных уездах[285], качество большинства трактов было низкое, что затрудняло перемещение по ним не только войск, но и менее многочисленных поездов путешественников. Так архидиакон Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария в его поездке к царю Алексею Михайловичу в 1654-1656 гг., оставил такие впечатления от российских дорог: *«в июле и августе, дожди не переставали лить на нас, вследствие чего все дороги были покрыты водой: на них образовались ручьи, реки и непролазная грязь»*[286].

В связи с невозможностью круглогодичного использования сухопутных коммуникаций и обилием малых и больших рек к западу, северу и востоку от Москвы, в течение XVII века сохранялось стратегическое значение водных артерий, по которым осуществлялась переброска войск, продовольствия и боеприпасов[287]. Так, транспортная эксплуатация Западной Двины, где в 1654-1655 гг. закрепились русские войска, позволяла быстро усиливать и снабжать действующую армию в Прибалтике, Курляндии и в районе Вильны[288]. По этой

---

[283] Гарнизон в 100 солдат соответствовал небольшой численности населения самого Велижа: на 24 июля 1655 года в городе было отмечено 268 посадских (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 164. Л. 406).
[284] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 164. Л. 171-171 об., 278.
[285] Лихорадова И.Н., Мурыгин Н.Д. Дорожное сообщение в Московском государстве периода XVI-XVII вв. [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы и достижения в общественных науках. 2016. Режим доступа: https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-i-dostizheniya-v-obshchestvennykh-naukakh-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh/sektsiya-1-otechestvennaya-istoriya-spetsialnost-07-00-02/dorozhnoe-soobshchenie-v-moskovskom-gosudarstve-perioda-xvi-xvii-vv/ ; Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Историческая география путей сообщения северо-запада России: московский этап (XVI-XVII вв.) // Псковский региональный журнал. 2017. С. 61-65.
[286] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века... С. 205.
[287] О значимости рек и русской речной экспансии см., например: Ковригина В.А., Марасинова Л.М. Торговля, пути и средства передвижения // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979. С. 128-130 ; Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сборник. М., 2001. С. 147-148, 228-229 ; Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общества в XI-XX веках. М., 2008. С. 120.
[288] Курбатов О.А. Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г.: Проблемы и перспективы исследования // Проблемы социальной и политической истории России: Сборник научных статей. М., 2009. С. 83.

причине перед началом русско-шведской войны для обеспечения Рижского похода (где в составе осадной армии приняли участие олонецкие солдатские полки Томаса Гейса, Ирика Андерссона и драгунский полк Мартина Кармихеля[289]), с февраля по июнь 1656 года в Смоленском уезде на реке Каспля было развернуто строительство флотилии речных судов для переброски войск, артиллерии, боеприпасов и продовольствия вниз по Западной Двине[290]. К «судовому делу» были привлечены крестьяне дворцовых сел, плотники монастырских волостей Смоленского уезда, а также московские плотники и кузнецы[291]. В марте, в самый разгар подготовительных работ в Поречской волости Смоленского уезда была создана главная продовольственная база для снабжения грядущего похода, и именно туда по «полой воде» из Витебска, Полоцка, Дисны и Велижа были направлены выделенные суда для перевозки хлебных запасов[292].

Новгородский полк князя А.Н. Трубецкого, основной задачей которого в 1656 году был захват Юрьева-Ливонского (Дерпта), также использовал водные пути. В связи с тем, что значительная часть новгородско-псковского тракта, по которой шли войска, была в непроезжем для обоза состоянии, воевода принял решение везти все «полковые запасы» водным путем через озеро Ильмень и вверх по реке Шелони, и только у села Сольцы вновь выйти на сухопутную дорогу[293].

В Карелии с ее развитой озерной сетью походы «плавной ратью» были одним из самых используемых способов быстрой доставки войск и припасов, что показали наступательные операции лета 1656 года. В мае 1656 года в Олонецкий уезд по грамоте из московской Мастеровой палаты с двумя сотнями новгородских стрельцов прибыл воевода Енаклыч Челищев, с заданием построить на реке

---

[289] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 162. Л. 37.

[290] Походы «плавной ратью» практиковались русской армией еще со второй половины XV века; во время Казанской кампании Ивана IV 1552 года активно использовались транспортные возможности Волги: для бесперебойного обеспечения осады Казани в Свияжск, находящийся от нее в непосредственной близости, по воде было заранее отправлено продовольствие и артиллерия (Курбатов А.А., Курбатов О.А. Инженерно-артиллерийское обеспечение Смоленского и Рижского государевых походов 1654-1656 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 32 ; ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 73 ; Пенской В.В. Военное дело Московского государства от Василия Темного до Михаила Романова… С. 25).

[291] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 109. Л. 4 ; АМГ. Т.2. С. 484-485.

[292] Там же. Л. 20-24, 26-27, 31-32, 34-36, 41.

[293] Лобин А.Н., Смирнов Н.В. Борьба за Юрьев-Ливонский в годы Русско-шведской войны 1565-1658 гг. М., 2021. С. 47.

Олонке дополнительные суда с привлечением уездных плотников для рейдов в Корельский уезд и нападения на Корелу, что и было предпринято в июне того же года силами трех олонецких полков[294]. В сметных списках Олонецкого уезда сохранились сведения о денежных компенсациях, в размере от 9 до 35 рублей, местным жителям за покупку у них лодок, парусины, пеньки и других материалов[295].

Проведенный обзор системы продовольственного снабжения, механизмы которой действовали и в олонецких полках «нового строя», показывает, что удовлетворение потребностей солдат в пище осуществлялось за счет логистики, в которой стратегическая и оперативная составляющая взаимно дополняли одна другую. Данная практика в отношении олонецких полков сложилась в 1655-1656 гг.[296]. Солдаты снабжались, во-первых, *сборными* запасами, то есть заготовленными по месту дислокации полков и распределенными на месте; во-вторых, *казенными,* то есть заготовленными заранее ресурсами житных дворов или присланными напрямую из Москвы. Такой вывод подтверждают данные по снабжению гарнизона Велижа. 29 октября 1656 года велижский воевода Киприян Дедевшин выдал солдатам собранную ранее с уездных земель рожь из расчета на одного человека в месяц – по полтора четверика; позже он произвел раздачу уже из казенных запасов –по четверику ржи и четверику сухарей на человека в месяц: *«И всего государь вышло на тот месяц ржи казенной шесть четвертей с осминою да зборные государь ржи вышло пять четвертей с четвериком»*[297].

Несмотря на многообразие источников снабжения, на первый взгляд могущих предотвратить кризисные ситуации, система продовольственного снабжения в 1650-х гг. еще не могла быть рассчитана на многолетнюю войну. Сохранение архаичных элементов организации снабжения создавало иллюзию возможности обеспечения определенной страховки в тех случаях, когда система давала сбои по объективным и субъективным причинам. Уменьшение доли

---

[294] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. ... С. 212-216.
[295] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 205-204 об., 205, 254-255 об.
[296] Там же. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 164. Л. 1-1 об., 16-17.
[297] Там же. Стб. 109. Л. 69-70.

дворянской конницы, самообеспечивающей себя продукцией поместий, и увеличение удельного веса «кормовых» войск на денежном жаловании, в теории должно было предусматривать создание единой интендантской службы, основанной на уже сложившейся к тому времени европейской магазинной системе. Но такой институт возникнет в России только в первой четверти XVIII века; именно тогда система обретет окончательное оформление и четкую вертикаль управления: будет учрежден Главный комиссариат, занимавшийся вопросами обеспечения продовольствием и фуражом, создана система целевых государственных продовольственных поставок для военнослужащих, определен порцион и рацион при сохранении деятельности маркитантов[298].

Таким образом, эффективность системы продовольственного снабжения русской армии середины XVII века зависела от слаженной работы дьяков Разрядного приказа, хозяйственно-экономического уровня районов развертывания войск, урожайности и сохранности зерновых культур в условиях войны, стабильности коммуникаций и оперативности принятия воеводских решений по продовольственным вопросам. Поэтому в 1654 году, на наш взгляд, именно по причине упоминавшихся в первой главе разногласий между Иваном Милюковым, отвечавшим за продовольственное снабжения Новгородского полка, и воеводы В.П. Шереметева о готовности хлебных запасов, и, наконец, необычно дождливой осенней погоды, солдаты олонецких полков «нового строя» во время осады Витебска столкнулись с критическим дефицитом продовольствия и вещевого обеспечения, сопровождавшимся регулярными вылазками гарнизона осажденного города. Совокупность данных факторов и отсутствие положительного решения командования о материальной поддержке солдат привели к первым в Тринадцатилетней войне побегам из олонецких полков «нового строя».

Дестабилизация олонецких полков «нового строя» в условиях финансового кризиса начала 1660-х гг.

[298] Конышев И.С., Адаменко А.М., Кошелев В.П. Основы организации питания в русской армии по Воинскому уставу Петра Великого // Вопросы питания. 2014. Т. 83. № 5. С. 95-98.

Модернизация вооруженных сил и войны 1650-х гг. постоянно умножали расходную часть российской казны. Потребности зачастую превышали имевшиеся возможности, поэтому военные финансы были одной из самых чувствительных проблем царствования Алексея Михайловича[299]. Уже в 1654 году правительство столкнулось с ростом финансовых затруднений, когда из-за медлительности сбора различных налогов на военные нужды вовремя не удалось отправить в войска необходимую сумму[300]. Между тем, наличие фискального и финансового потенциала, как в рамках мобилизации внутренних ресурсов, так и в вопросах комплектования и снабжения армии определяли способность проведения Русским государством длительных военных кампаний. Но в долгосрочной перспективе постоянное финансовое напряжение привело государство к экономическому кризису.

В связи с почти полным отсутствием серебряных рудников, основным источником поступления в казну монетного сырья была внешняя торговля, потенциала которой не доставало для удовлетворения военных нужд. Поэтому в 1654 году правительство решилось на проведение денежной реформы, авторами которой были Ф.М. Ртищев и А.Л. Ордин-Нащокин[301]. Ее суть – введение меди в качестве монетного сырья, что по расчетам властей, должно было преодолеть хроническую нехватку денег в казне, стабилизировать финансы и упорядочить денежную систему[302]. На деле это привело к тяжелейшим последствиям для экономики.

Первый звонок надвигавшейся катастрофы прозвенел в 1656 году, когда выделенных средств не хватило на оплату армии[303]. Был установлен принудительный курс – медные деньги стали иметь нарицательную цену серебряных, а жалованье ратным людям выплачиваться медной монетой[304]. Ненадолго финансы стабилизировались: снизилась налоговая нагрузка на

---

[299] Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти т. Т.3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С 200.
[300] Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л., 1936. С. 8-9.
[301] Дмитриева З.В., Козлов С.А. Указ. соч. С. 167-168.
[302] Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. С. 199-200.
[303] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. Т. 11-12. История России с древнейших времен. М., 1991. С. 186.
[304] Дмитриева З.В., Козлов С.А. Указ. соч. С. 167-168.

население, существенно увеличились доходы казны. Но сбор налогов серебром, а уплата жалованья медью, запрет использования медных денег в Сибири и во внешней торговле, расцвет фальшивомонетничества (в 1659/60 году «воровские деньги» проникли, в том числе, в Олонецкий уезд[305]), и, наконец, неумеренный выпуск меди, которым занимались пять монетных дворов, вызвало недоверие населения к реформе и повлекло за собой обесценивание медных денег[306].

Хотя серебро по-прежнему активно использовалось во внешней торговле, а во внутренней торговле все большую роль играли медные деньги, в конце 1658 года прозвучал второй сигнал грядущего коллапса: появляется лаж, то есть рыночная надбавка за платежи в медных деньгах[307]. Одновременно с увеличением лажа происходил значительный рост цен на хлеб, а к началу 1660-х стал обнаруживаться все больший недостаток в основных продуктах питания[308].

В 1661 году финансовая ситуация в России значительно ухудшилась. На это повлияло и заключение Кардисского мира, после которого Швеция ужесточила монополию на экспорт меди, и русское денежное дело стало испытывать дефицит сырья[309]. В своем дневнике Патрик Гордон, как раз тогда поступивший на русскую службу, заострял внимание на экономических проблемах России. Во время пребывания в Пскове в августе 1661 года, он записал в дневнике: *«Здесь я убедился в низкой цене медных денег и, видя всеобщую дороговизну и необычайную угрюмость людей, почти обезумел от досады»*[310]. К слову, чуть раньше с Гордоном произошел курьезный случай. Миновав русско-шведскую границу, он продал своего коня, но, толком не разобравшись в денежной системе, страшно продешевил: *«… я продал моего рысака за 9 рублей медной монетой,*

---

[305] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 85.
[306] Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра… С. 203-204 ; Расков Д.Е. Денежная реформа Алексея Михайловича и проблема доверия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 5. 2008. Вып. 3. С. 73, 78.
[307] Расков Д.Е. Указ. соч. С. 74.
[308] Базилевич К.В. Указ. соч. С. 33 ; Милюков П.Н. Государственное хозяйство в России первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 58.
[309] Мельникова А.С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI-XVII веков. М., 2005. С. 314.
[310] Гордон П. Дневник. М., 2003. С. 102.

вообразив, будто каждый рубль равен двум рейхсталерам; в Варшаве он стоил мне 30 рейхсталеров, да и то по хорошему знакомству…»[311].

Финансовый кризис в 1661 году прежде всего больно ударил по русским войскам на Украине и в Великом княжестве Литовском. Население, и без того не доверявшее медным деньгам и часто отказывавшееся их принимать, перестало подвозить продовольствие в расположение войск[312]. Несмотря на то, что командование старалось исправно выплачивать жалованье, его не хватало из-за удвоения цен, и, поскольку нормы Соборного Уложения по части указной цены нарушались, *«скудость почала быть болшая»*[313].

Чтобы хоть как-то сдержать вызванный мощной инфляцией продовольственный дефицит, правительство в качестве одной из сдерживающих мер вводило запреты на вывоз за рубеж хлебных запасов. В декабре 1661 года в Олонецком уезде стрельцам на заставе в Кондушах в воеводской наказной памяти было приказано усилить контроль над товарным трафиком в шведскую сторону: *«а которые всяких чинов жилецкие люди учнут за рубеж с государевы стороны, без проезжих памятей, с съестными товары ездить тайно, и им тех людей с теми товары, имая, присылать на Олонец тотчас»*[314].

Так как олонецкие полки «нового строя» подчинялись общевойсковым механизмам снабжения, финансовый кризис оказался для них очень тяжелым ударом. Поэтому для раскрытия специфики экономического фактора дезертирства остановимся подробнее на проблемах выплаты денежного и хлебного жалованья и их решении в условиях кризиса.

Жалованье олонецких солдат составляло 60 алтын в месяц[315]. Перед походом дополнительно выплачивалась сумма «на подъем» в размере 1 рубля[316]

---

[311] Гордон П. Дневник. М., 2003. С. 102.
[312] Базилевич К.В. Указ. соч. С. 41.
[313] Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 122-123.
[314] Воеводская наказная память олонецким стрельцам, об осмотре на пограничной Кондушской заставе торговых людей, чтобы они не провозили тайно в Швецию съестных припасов, медных денег и никаких заповедных товаров, также из-за границы меди, вина, табаку и проч. (в декабре 1661 года) // Олонецкий сборник. Вып. 3... С. 85-86.
[315] АМГ. Т. 3. С. 472.
[316] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 328 ; в исследовательской литературе встречается упоминание даже о 4 рублях жалованья, единоразово выданных драгунам А. Гамильтона в 1657 году перед их отправкой в Псков (Лобин А.Н., Смирнов Н.В. Указ. соч. С. 80).

(33 алтына и 2 денги[317]). В Олонце выдача жалованья осуществлялась в съезжей избе, то есть в канцелярии воеводы[318]. В иных случаях – в местах сбора войск вне города. Например, в 1659 году полка Ягана Трейдена капитану Автамону Кудрявого было поручено заняться раздачей денег драгунам, отправлявшимся по реке Свирь транзитом через Новгород в полки к воеводе И.А. Хованскому, на Александровской пристани, которая располагалась у Свято-Троицкого монастыря Александра Свирского, что к юго-востоку от Олонца[319].

Кроме указанных платежей, существовал «поденный корм», иными словами, ежедневные выплаты, сумма которых в месяц и составляла месячное жалованье. До конца не ясно, действительно ли раздача «поденного корма» осуществлялась каждый день, были ли это реальные деньги или расчетные единицы[320], но в любом случае есть основания полагать, что количество единовременно выдаваемых солдатам денег устанавливалось ситуативно. На эти размышления наводит содержание некоторых документов о беглых солдатах. Так, 22 сентября 1659 года[321] из Великого Новгорода после процедуры раздачи жалованья дезертировали шестеро солдат Андомского погоста, которые унесли с собой выданные суммы – по 8 алтын на человека, и трое – Вытегорского погоста, забравшие на каждого по 2 рубля, 8 алтын и 4 деньги (то есть 74 алтына и 8 денег)[322]. Когда сыщикам удалось разыскать бежавших, на последних были «доправлены» указанные суммы, то есть они вернули государству выданные им деньги[323]. Как видно, в первом случае – полунедельная оплата, а во втором – за месяц и одну неделю, то есть указанные в документах суммы не соответствуют ни размерам поденного, ни месячного жалованья. Это приводит нас к выводу, что выдача денег солдатам регулировалась не только специально отведенным для

---

[317] О существовавших в России XVII века номиналах см., например: Мельникова А.С. Булат и злато. М., 1990. С. 10.
[318] Архив СПбИИ РАН. Ф.98. К. 3. Д. 16. Сст. 46.
[319] Там же. Д. 8. Сст. 1, 46.
[320] Институт поденного жалованья существовал уже Средневековье, а в отношении служилых иноземцев известия о ежедневных раздачах относятся уже ко второй половине XVI века (Скобелкин О.В. Поденное жалованье служилых немцев во 2-й половине XVI – первой половине XVII века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 31).
[321] Датировка (год в документе отсутствует) определена по содержанию архивной описи.
[322] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 20. Сст. 23.
[323] Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 92.

таких дел временем, но и зависело от определенных обстоятельств, таких как, например, раздача жалованья перед маршем, довыдача по приходу в новое место дислокации, величина подлежашей раздаче суммы в полковой казне и т.п.

Обеспечение олонецких солдат продовольствием осуществлялось «в зачет» выдаваемых денег, то есть вычета из месячного жалованья суммы, необходимой для компенсации расходов на пропитание. Таким образом, солдатское жалованье делилось на две неравные части: бóльшую – непосредственно монеты, и мéньшую – деньги на «корм». Например, в отношении заонежан в гарнизонах Великого Новгорода и Пскова часть месячного жалованья действительно удерживалась в казне, и в счет этих средств солдат снабжался продовольствием[324]. Сумма удержания соответствовала объемам выданной продукции: по состоянию на апрель 1662 года продуктовый вычет в Новгороде составил «*из месячного корма за четверть*[325] *сухарей по пять алтын, за ячмень по десять алтын, за овес по шти алтын по четыре денги»*[326]. Таким образом, в казне удерживался 21 алтын и 4 деньги с человека. В других источниках, в зависимости от выдаваемого продовольствия, сумма вычета варьируется от 6 до 22 алтын[327]. Нормы выдачи определяли, вероятно, уездные воеводы: в Новгороде были одни порядки, в Пскове – другие[328]. Так или иначе, сумма вычета за продовольствие не превышала трети от месячного жалованья. Основной причиной ее колебания были экономические возможности городов – мест дислокации олонецких полков.

Что касается продуктов, которыми питались солдаты, то в русских документах XVII века встречается термин «хлебные запасы», подразумевающий под собой определенную совокупность того, что шло в пищу. Также описание

---

[324] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 135 (Ранее 7 октября 1662 г. Из отписки подполковника Х. Трейдена воеводе Новгородского полка Б.А. Репнину в Псков о казни и наказании сбежавших одиннадцати солдат, бегстве других и трудностях с выплатой солдатского жалованья).

[325] Должно быть «за четверик», так как четверть слишком большая величина; четверик составлял 1/8 часть четверти и равнялся 26,2 л (о мерах объема сыпучих тел и переводе их в десятичную систему см.: Куратов А.А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991. С. 16). К тому же, в других приведенных ниже источниках о хлебном жадовании солдатам речь идет именно о четвериках, а не о четвертях (см. ниже).

[326] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 118 (После 17 апреля 1662 г. Из отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о прибавке жалованья олонецким солдатам)

[327] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 253 об., 300 об.

[328] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 121 (После 9 июня 1662 г. Челобитная солдат Остречинского погоста Олонецкого уезда из полка Томаса Гейса о выплате жалованья) ; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 127. Л. 197.

продуктов, употребляемых в русской армии, есть в записях Петра Петрея о его пребывании в России в начале столетия и в сочинении бывшего подьячего Посольского приказа Г.К. Котошихина 1666 года. При обобщении информации из разных источников складывается следующая картина: по существовавшей системе снабжения солдат могли обеспечивать ржаным хлебом и сухарями, пшеничной, овсяной, ячменной и гречневой крупами, толокном, коровьим маслом, творогом, горохом, чечевицей и солью, мясо приобреталось индивидуально у полковых «харчевников»[329].

Но если обратиться к документам по олонецким полкам, особенно периода финансового кризиса начала 1660-х гг., то налицо будет обеднение рациона. Из всего упомянутого выше относительного разнообразия продуктов солдаты, в общей сложности, обеспечивались лишь ячменем, овсом, толокном, ржаными сухарями и солью[330]. Не до конца ясно, было ли это проявлением той самой «хлебной скудости», о которой говорят источники, но вполне допустимо, что ограниченность рациона могла стать частью дестабилизации олонецких полков.

Продовольственное снабжение олонецких полков, как и всей армии, отличалось еще и отсутствием регламентации порциона. При этом, как отмечает В.В. Шевцов, хлеб исчислялся в мерах объема сыпучих тел (четверть, осьмина, полуосьмина, четверик, получетверик), поскольку вес зерна менялся в зависимости от влажности, и замена объемных определений весовыми было неправомерно[331]. Например, в феврале 1658 года в полку Александра Гамильтона, 700 солдат которого находились в Пскове и Гдове, было выдано *«хлеба на корм ржаного по полосмине человеку на месяц»* (52,5 л)[332]. Те же значения сохранялись до осени 1663 года и в Полоцке, где солдатам выдавалось «хлебного жалованья»

---

[329] АМГ. Т.3. С. 45, 425-426 ; Петрей П. История о Великом княжестве Московском. М., 1867. С. 381-382; Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 162.
[330] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 253-253 об., 300-300 об. ; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 70 ; Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 118 (После 17 апреля 1662 г. Из отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о прибавке жалованья олонецким солдатам).
[331] Шевцов В.В. Историческая метрология в России. Томск, 2007. С. 151-152.
[332] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 322.

по полосьмине на человека в месяц[333]. Нормы выдачи в Новгороде были иные: до апреля 1662 года солдатский месячный корм состоял из четверика сухарей, четверика ячменя, четверика овса, что в переводе в десятичную систему в общей сложности равняется 78,7 л[334].

Продовольствием в счет денежного жалованья обеспечивались не только олонецкие солдаты в Великом Новгороде или Пскове, но и отряды на марше. 19 августа 1662 года солдатам Олонецкого и Тверского уездов, отправлявшимся из Новгорода в Псков, было «*в зачот дано по полчетверику человеку сухарей да четырмя человек полчетверика толокна»,* то есть на одного солдата по 13 л сухарей и по 3 л с небольшим толокна[335]. Не всегда хлебные запасы в поход давались в счет денежного жалованья. В ноябре 1660 года перед маршем на Черею солдатам и стрельцам Новгородского разрядного полка в Полоцке было выдано по четверику сухарей и четверику ржи на человека (на каждого по 52,5 л) *«безденежно»,* то есть без вычета из жалованья суммы за продовольствие[336].

В то же время, на солдат Олонца, Лавуи и пограничных острожков, согласно олонецким бюджетным сметам, была распространена практика выплаты полного объема денежного жалованья, а заботы о пропитании возлагались на самих военных (вообще деньги вместо хлеба получала значительная часть провинциальных гарнизонов)[337]. Таким образом, солдаты пользовались и услугами местных рынков, и предусмотренным еще в 1649 году способом – ресурсами собственных хозяйств. Так что солдаты, дислоцировавшиеся в Карелии, находились в лучшем материальном положении, чем их товарищи в Великом Новгороде или Пскове, так как последним приходилось нести службу в более тяжелой экономической обстановке. Отсутствие же казенного снабжения в

---

[333] Отписки воеводы Никиты Вельяминова: о числе ратных людей в Полоцке, о хлебных запасах, о исправлении укреплений, о разных военных делах и вестях и пр. 1663 г. // Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 183.
[334] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 118 (После 17 апреля 1662 г. Из отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о прибавке жалованья олонецким солдатам).
[335] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 70.
[336] Отписки воеводы Степана Вельяминова, из Полоцка, о разных военных делах и вестях, о числе мещан в г. Полоцке, о хлебных запасах и пр.; тут же отпуски государевых к нему грамот. 1660 г. // Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 127, 129.
[337] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 253-253 об., 300-300 об., 358 ; Базилевич К.В. Указ. соч. С. 49.

Лавуе, Олонце и на границе компенсировалось для солдата близостью к дому и его ресурсам.

Тем не менее, в начале 1660-х гг. пашенные солдаты столкнулись с тем, что посадские люди Олонца стали массово скупать солдатские участки за долги, из-за чего солдаты становились безпашенными, не могли обеспечивать свою службу и дезертировали[338].

Финансовый кризис на себе ощутили и служилые иноземцы Новгородского разрядного полка, которых особенно возмущала информация о том, что им платят жалованье медью, а иноземцам в Москве – серебром. В челобитной от 24 мая 1662 года они также жаловались на рост цен, в связи с тем, что их средств не хватало для покупки еды и фуража. Воевода Новгородского полка Б.А. Репнин, опасаясь, чтобы они *«от скудости и от голоду какого дурна не учинили»,* распорядился выдать офицерам дополнительную «хлебную» поддержку в ущерб русским начальным людям[339]. В реальности служилые иноземцы в Москве тоже получали жалованье медной монетой и находились в едва ли лучшем положении, чем их новгородские соратники[340].

Финансовый кризис привел Новгородский разрядный полк на грань голодной смерти и развала. К концу октября 1661 года после поражения в битве на Кушликовых Горах 12-тысячная новгородская пехота из-за дезертирства сократилась более чем вдвое[341]. Большая часть сражавшихся там олонецких солдат и драгун бежала, так как на 60 алтын в месяц бойцы не могли прокормиться. А те подразделения, которые только еще направлялись на службу, по той же «голодной» причине разбрелись по домам[342]. В данном случае триггером для массового дезертирства из олонецких полков на фоне экономического кризиса послужил разгром войск князя И.А. Хованского.

---

[338] Жуков А.Ю. Крестьянский уклад и военная служба в жизни горожан: город Олонец в середине XVII-XVIII вв. … С. 31-35.
[339] АМГ. Т. 3. С. 490-491.
[340] Гордон П. Дневник. 1659-1667. М., 2003. С. 106, 115.
[341] Там же. С. 114, 278 ; Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. М., 2017. С. 119.
[342] АМГ. Т.3. С. 472.

Действительно, рядовым солдатам было тяжело. В конце 1661 – первой половине 1662 гг. колебания цен на продовольствие оказались особенно резкими. По данным Московской померной избы стоимость четверти (210 л) ржаной муки в Москве с 27 ноября 1661 года по 13 февраль 1662 года выросла с 8 рублей 5 алтын и 2 денег до 14 рублей; четверть овса, наоборот, снизилась с 5 рублей до 3 рублей 6 алтын и 4 денег[343]. На фоне столичных показателей движение цен в Новгороде отличалось разительно: с 17 апреля 1662 года по 24 мая 1662 года четверть ржи выросла с 6 до 52 рублей, четверть овса – с 1,5 до 13 рублей, а пуд соли – с 5 до 6 рублей[344].

Дезертирство олонецких пашенных солдат в начале 1660-х гг. подтолкнуло Кремль к попыткам решения назревших проблем. В рамках мероприятий по выходу из кризиса и борьбе с солдатским бегством, правительство провело ряд операций[345].

Во-первых, было увеличено солдатское жалованье. В соответствии с царским указом от 13 декабря 1661 года введена прибавка к поденному корму в размере 1 алтына в день, что повысило и месячное жалованье с 60 до 90 алтын[346]. Вслед за денежным было увеличено и хлебное жалованье. В апреле 1662 года воевода Б.А. Репнин распорядился добавить к выдаваемым четверику сухарей, четверику ячменя и четверику овса четверик ячменя на человека, *«потому что многие салдаты ныне с твоей великого государя службы бегут от голоду, и чтоб и достальные салдаты с твоей великого государя службы не розбежались»*[347].

Во-вторых, упомянутый царский указ освобождал от наказания беглых солдат при условии возвращения последних на службу. В том же указе отменялся правеж солдатских поручителей за дезертиров[348].

---

[343] Оглоблин Н. Московская померная изба. М., 1889. С. 23-24.
[344] АМГ. Т.3. С. 491 ; Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 118 (После 17 апреля 1662 г. Из отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о прибавке жалованья олонецким солдатам).
[345] См. об этом: Бочкарев А.С. «Хлебная скудость» как фактор дестабилизации в олонецких полках «нового строя» в 1660-е годы // Известия СмолГУ. 2022. № 1 (57). С. 143.
[346] АМГ. Т. 3. С. 472.
[347] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 118 (После 17 апреля 1662 г. Из отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о прибавке жалованья олонецким солдатам).
[348] АМГ. Т. 3. С. 472-473.

В-третьих, с начала 1662 года воеводой Б.А. Репниным осуществлялось дополнительное материальное стимулирование олонецких солдат, отправлявшихся в поход. С февраля по июнь[349] были произведены единовременные выплаты в размере 5 рублей (165 алтын и 10 денег) на человека[350], что на тот момент соответствовало более чем полуторамесячному жалованью. В источниках эти выплаты названы «великим месячным кормом» и «подможными деньгами». Вместе с этим солдаты получили и дополнительное вещевое обеспечение. Судя по тексту отписки Репнина, датированной не позднее 11 февраля 1662 года, покупка кафтанов изначально должна была возлагаться на самих солдат в рамках упомянутой 5-рублевой выплаты: *«жалованье месячное корм и на платье по пяти рублев дал»*[351]. Но в дальнейшем поставки «государева платья» перевели на казенные рельсы: присланные из Москвы в Новгород 2000 шуб Репнин распорядился раздать олонецким солдатам[352]. «Шубы», о которых говорят источники, могут соответствовать, по А.В. Малову, зимнему обмундированию[353]. Так что есть основание предполагать, что вещевое снабжение олонецких солдат в теплое время года («шубы» выдали, скорее всего, вместе с июньской раздачей жалованья) осуществлялось с учетом будущей зимней службы. Однако принятие данной меры поддержки не помогло: солдаты дезертировали из Новгорода, Пскова и с псковско-новгородской дороги вскоре после раздачи корма, «подможных денег» и «шуб»[354]. В начале августа сыщику Феклисту Ласунскому было поручено произвести взимание штрафов в Шунгском погосте с дезертиров и их родственников: *«на беглых салдатех и на отцах их и на матерях и на женах правити государевы жалованные деньги и шубы, что оне, взяв государево жалованье, из Великого Новагорода збежали, по пяти рублев с*

---

[349] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 210-210 об.
[350] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 103 (Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя») ; Там же. С. 106 (Не ранее 16 июня 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о численности ратных людей и о потерях от военных действий и из-за побегов со службы).
[351] Там же. С. 103 (Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя»).
[352] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 127. Л. 131.
[353] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М., 2006. С. 362.
[354] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 32-32 об., 101-101 об.

человека да по шубы»[355]. «Доправленные» деньги и «шубы» 6 августа вместе с «охудалым» крестьянином Дмитрейком Павловым сыном Мурзы были отправлены через Олонец в Новгород[356].

Наконец, в-четвертых, по царской указной грамоте от 12 февраля 1662 года, чтобы снизить финансовое давление на стремительно нищающих солдат, Б.А. Репнин должен был перевести из Новгорода в Псков часть сил разрядного полка[357]. Однако воевода на несколько месяцев затянул исполнение указа, чем спровоцировал обострение социально-экономической напряженности. Лишь 11 мая он выслал в Псков полк Ягана Трейдена, *«для того, что в Великом Новегороде хлеба и харчю и купить не добыть, из … казны хлебных запасов намале»*[358]. В результате на пути произошел побег, наделавший впоследствии много шума[359], а по приходу в Псков выяснилось, что продовольствие там такое же дорогое, как в Новгороде, *«и тем месячным кормом … прокормитца стало не мошно никоторыми делы»*[360].

В целом, указ от 13 декабря 1661 года предоставил олонецким полкам финансовые и дисциплинарные преференции в обмен на честную службу (подобные документы, ориентированные на различные категории служилыхлюдей, были разосланы и по другим уездам, подотчетным Новгородскому разрядному полку[361]). Но рассчитывая на лояльность солдат, государство не отказывалось от возмездия отступникам, ведь по тексту указа, дальнейшее бегство должно было повлечь за собой суровое наказание: *«и будет учнут впредь с службы бегать или которые ныне на нашу службу не пойдут и учнут избегать, и тем быть в смертной казни без пощады»*[362].

---

[355] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 127-128.
[356] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 73. Сст. 1.
[357] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 119 (11 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка боярина князя Б.А. Репнина псковскому воеводе окольничему князю Федору Федоровичу Долгорукому об отправке в Псков полка Ягана Трейдена).
[358] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 113.
[359] Бочкарев А.С. Конфликты олонецких солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. №8. С. 93-100.
[360] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 121 (После 9 июня 1662 г. Челобитная солдат Остречинского погоста Олонецкого уезда из полка Томаса Гейса о выплате жалованья).
[361] АМГ. Т. 3. С. 477.
[362] Там же. С. 472-473.

Таким образом, меры по улучшению денежно-продовольственного обеспечения олонецких полков «нового строя» по царскому указу от 13 декабря 1661 года стали первым реальным результатом правительственного анализа ситуации распространения массового дезертирства. Но и в дальнейшем в некоторых источниках прослеживается непонимание официальными властями всего спектра причин дезертирства. Олонецких солдат обвиняли в бегстве «своею дуростью», «своею корыстью», или «своим воровством»[363].

По мнению М. ван Россума, деньги, их своевременная выдача или прибавка всегда были сдерживающим фактором роста уровня дезертирства[364]. Однако, невзирая на то, что претворение в жизнь положений указа, безусловно, имело свои положительные стороны, своевременность принятия и исполнения данных решений следует поставить под сомнение. Вопреки угрозе смертной казни за побег или уклонение, масштабы «нетства» сохранялись на высоком уровне, с преобладанием финансово-экономических мотивов. Приведенные в первой главе статистические данные показывают, что с января по октябрь 1662 года из олонецких полков дезертировало, по меньшей мере, 28 % солдат, а судя по расспросным речам пойманных беглецов, покидать полки их продолжала вынуждать «хлебная скудость»[365].

Экономический фактор являлся в целом одним из самых распространенных причин побегов в армиях раннего Нового времени. На фоне финансового кризиса в России начала 1660-х гг. он стал определяющим не только для олонецких пашенных солдат, но и других категорий ратных людей. В немалой степени этому способствовали особенности функционирования механизмов продовольственного обеспечения. Пересечения стратегической и оперативной логистики в области сбора и распределения «хлебных запасов», одновременная «интендантская» работа различных ведомств, разнообразие источников и каналов поставок – все

---

[363] АМГ. Т. 3. С. 493; Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 107 (Не ранее 16 июня 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о численности ратных людей и о потерях от военных действий и из-за побегов со службы) ; Дело сыскное, по челобитью шляхты и мещан города Витебска, о воеводе кн. Якове Волконском. Декабрь 1664 – январь 1665 г. // Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 242.
[364] Rossum M. v. Op. cit. P. 513.
[365] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 16. Сст. 47.

это усложняло работу системы продовольственного снабжения, еще не приспособленной к ведению затяжных войн. В результате тяжелейший дефицит денежно-продовольственного содержания в начале 1660-х гг., от которого особенно пострадали олонецкие полки «нового строя», не только практически развалил весь Новгородский разрядный полк[366], но и послужил детонатором социального протеста, предпосылки которого были заложены реформой медных денег.

§ 2. Социальный фактор

Побеги, имевшие под собой причины социального характера, прослеживаются в источниках на протяжении всего периода существования олонецких полков «нового строя. В данном разделе рассматриваются организационно-административные попытки урегулирования проблем военной службы в Олонецком уезде, допускавшиеся при этом ошибки, злоупотребления и их социальные последствия, состоявшие в росте недовольства, что в конечном итоге вылилось в мятеж. Обращается внимание на конфликты между солдатами и начальными людьми, что предельно усиливало социальную напряженность.

Нарушения порядка службы олонецких солдат и драгун

С началом войны с Речью Посполитой для олонецких полков «нового строя» был определен собственный порядок службы, суть которого заключалась в делении каждого полка на две части, одна из которой вливалась в ряды действующей армии, а другая ожидала своей смены дома. Таким образом, в марте 1654 года весь личный состав полков был поделен на две перемены в соотношении чуть больше чем один к трем и присоединен к Новгородскому полку. По выявленным Д.В. Брусницыной данным, из 11320 солдат и драгун в армию воеводы Б.П. Шереметева планировалось отправить 8298 человек, а 3022 человека оставить в Олонецком уезде[367]. В дальнейшем, половину из выбранных

[366] О разложении Новгородского разрядного полка осенью 1661 г. подробнее см.: Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. … С. 116-123.
[367] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 111.

8298 солдат и драгун отпустили по домам, так что в походных полках А. Гамильтона и М. Кармихеля осталось порядка 4000 бойцов[368].

Установленный правительством порядок службы уже с первых лет войны стал нарушаться с подачи олонецкой воеводской администрации. В 1655 году, во время смены первой полковой очереди на вторую, олонецкий воевода В.А. Чоглоков за «посулы» (то есть за взятки) оставил многих солдат второй очереди дома, повторно выслав на службу часть солдат первой очереди[369]. Более того, нарушение очередности высылки мог санкционировать сам царь. Алексей Михайлович 12 сентября 1656 года распорядился, чтобы воеводой Новгородского полка С.А. Урусовым солдаты полков Томаса Гейса, Ирика Андерсона и Мартина Кармихеля вместо отпуска их в Олонецкий уезд были оставлены на зимовку в местах тогдашней дислокации – в Полоцке и Витебске[370].

Нарушение порядка службы, с годами превратившееся почти в поголовную мобилизацию, вызвало недовольство солдат, в частности Шунгского, Великогубского конца Кижского, Шуйского, Выгозерского погостов и Кузарандской волости Толвуйского погоста. В марте 1658 года они составили коллективную челобитную с жалобами на беспрерывную службу с 1654 года, из-за чего произошло запустение и разорение их хозяйств, а семьи были ввергнуты в нищету[371]. Солдаты обращали внимание на то, что, если смены очередей и происходят, то вернувшихся в уезд практически сразу отправляют на караулы в Олонец, от чего особенно страдают солдаты дальних погостов. В то же время, по словам челобитчиков, окологородные солдаты (то есть проживающие в волостях рядом с Олонцом) на караулы не ходят (хотя с организационной точки зрения было бы целесообразно привлекать к караульной службе именно их)[372]. Солдаты заключают, что бегство их сослуживцев, достигшее за 1654-1658 гг. высоких показателей (более пятой части от всего списочного состава), было вызвано не

[368] Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя»… С. 176.
[369] Там же. С. 186.
[370] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 162. Л. 37.
[371] 1658 г. после марта 7. – Мирская челобитная крестьян разных погостов о несении солдатской службы в две очереди // Карелия в XVII веке… С. 128.
[372] Там же. С. 129.

только коррупционными махинациями воеводы Чоглокова, но и злоупотреблениями высыльщика И.С. Дивова, который неоднократно «*старых и малых и увечных и болных и раненых»* вносил в списки годных к службе[373].

Рост недовольства среди солдат к 1658 году привел к серьезному разбирательству. То, что Чоглоков с Елагиным *«отпускают салдатов ... по домом, а от того емлют себе у них посулы и поминки большие»,* уже было известно государю[374], однако лишь после проведенного следствия по делу о всеобщем «воровстве» для ухода от воинской повинности В.А. Чоглокова сняли с воеводской должности[375].

Здесь стоит подчеркнуть серьезность преступлений указанных должностных лиц. Дело в том, что при бегстве любого олонецкого солдата в действие вступал институт круговой поруки, который, в сущности, должен был предотвращать дезертирство, так как поручившийся за солдата человек в случае бегства первого должен был занять его место в строю. Но бывало так, что за солдат первой очереди поручались солдаты второй, и наоборот. При этом поручители могли быть уже высланы на службу вместо своих сбежавших родственников. В результате в урочное время высылки второй очереди оказывалось, что солдаты либо сбежали, либо были высланы на службу по поруке[376]. Таким образом, нарушение порядка службы влекло за собой недостаточную наполняемость подразделений, что могло привести к срыву той или иной военной операции.

Официально порядок службы пашенных солдат во время Тринадцатилетней войны несколько раз менялся. Р.Б. Мюллер в «Комментариях» к сборнику документов «Карелия в XVII веке» пишет, что в марте 1656 года вышел царский указ, подтверждавший первоначальную практику мобилизации в две очереди (сам документ нам обнаружить не удалось)[377]. Это в некотором роде противоречит

---

[373] 1658 г. после марта 7. – Мирская челобитная крестьян разных погостов о несении солдатской службы в две очереди // Карелия в XVII веке… С. 131.
[374] ДАИ. Т. 4. С. 390.
[375] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 164.
[376] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 177.
[377] Комментарии // Карелия в XVII веке... С. 396.

имеющимся у нас источникам. Так, согласно данным сметных списков Олонецкого уезда за 1657/58 год в их расходной части по раздаче денежного жалованья солдатам зафиксировано упоминание о трех переменах, в разное время дислоцировавшихся в Лавуе. В бюджетах, в частности, указано, что численность первой лавуйской перемены была 600 человек, второй – 300 человек, и третьей – 145 человек[378]. Существование трехочередной службы подтверждают и более поздние источники, например челобитная олонецких солдат от 19 июня 1662 года, где они ссылаются на царский указ 1655/56 года, по которому им велено «*служить ... почередно, переменяясь на три перемены»*[379]. Соблюдался такой «график», по словам челобитчиков, в течение полутора лет[380].

Р.Б. Мюллер также утверждала, что распределение солдат на две очереди подразумевало наличие в одной перемене 4000 человек[381]. Но исходя из данных, полученных позже Д.В. Брусницыной, о более чем 11-тысячной численности олонецких полков в 1654-1657 гг.[382], мы приходим к заключению, что цифра 4000 человек, указанная Р.Б. Мюллер, соответствуют распределению олонецких солдат не на две, а на три перемены.

Но вернемся к рассмотренной солдатской челобитной марта 1658 года. Помимо всего прочего, в ней содержится информация, могущая прояснить ситуацию с порядком призыва: *«во 165-м* [1656/57] *году… Иван Дивов… сказал нам… быть на твоей государеве службе впредь с переменою пополам»*[383]. Это значит, что И.С. Дивов перед отъездом в Олонецкий уезд был снабжен царским указом, который вновь вводил в действие изначальный порядок службы пашенных солдат в две перемены.

Взяв за основу примерное время составления указов (март 1656 года и первая половина 1657 года), можно определить срок действия трехпеременного

---

[378] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 252 об.-253.
[379] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 112 (19 июня 1662 г. Челобитная на имя царя сержантов и солдат олонецких полков о возврате к практике призыва по очереди на три срока в год).
[380] Там же.
[381] Комментарии // Карелия в XVII веке… С. 396.
[382] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 110-111.
[383] 1658 г. после марта 7. – Мирская челобитная крестьян разных погостов о несении солдатской службы в две очереди // Карелия в XVII веке… С. 128.

порядка службы. Он укладывается в полуторагодовой отрезок с марта 1656 года и до возобновления двухпеременной службы после 1 сентября нового 1657 года.

С учетом вышесказанного, порядок службы пашенных солдат и драгун в 1650-х гг., по нашему мнению, официально был изменен два раза и выглядел следующим образом: с марта 1654 по март 1656 гг. личный состав олонецких полков был разделен на две перемены и сообразно этой раскладке должен был нести службу; с марта 1656 по сентябрь 1657 гг. в связи с активной фазой боевых действий русско-шведской войны призыв пашенных солдат и драгун осуществлялся на три срока в год (то есть первая смена успела отслужить два раза); во второй половине 1657 года вместе с затуханием столкновений со шведами правительство вернулось к изначальному порядку службы в две перемены.

В дальнейшем солдат вновь стали высылать на службу *«всех головами»*. А.Ю. Жуков связал это с военными потребностями. Объясняя исправное следование указу марта 1656 года о службе в три перемены, историк подчеркнул, что во время русско-шведской войны 1656-1658 гг. правительство особенно нуждалось в политической и военной лояльности пашенных солдат[384]. Таким образом, подписание Валиесарского перемирия 20 декабря 1658 года и ослабление внимания Москвы к карельскому участку русско-шведской границы открыло возможность злоупотреблений для нового олонецкого воеводы – князя Терентия Васильевича Мышецкого, назначенного на место Чоглокова.

Нарушение двухпеременного порядка службы совпало с началом финансового кризиса. 19 июня 1662 года солдаты и сержанты олонецких полков подали на имя царя челобитную, в которой, как и в марте 1658 года, жаловались на беспеременное нахождение в полках, когда «*многие высланы из домишек своих одиновы и семьянисты без розбору ... и ныне досталных всех старых и новоприборных высылают головами ж дочиста до одного человека»* [385]. Солдаты просили царя подтвердить двухпеременную службу, чтобы быть в войсках «*по*

[384] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 113.
[385] Там же. С. 112-113 (19 июня 1662 г. Челобитная на имя царя сержантов и солдат Олонецких полков о возврате к практике призыва по очереди, на три срока в год).

розбору по очереди [то есть не вместе]*, сыне с отцом, брате с братом и сосед с соседом»*[386]. Через месяц, 18 июля 1662 года по результатам рассмотрения челобитной вновь вышел царский указ о порядке несения службы в две очереди[387].

Стоит сказать, что проблема нарушения порядка службы олонецких солдат и драгун считалась современниками событий одной из основных причин существования феномена дезертирства. Не только в челобитных, но и в актовой документации 1650-1660-х гг. отмечается, что неукоснительное следование установленному порядку призыва могло бы побороть массовое бегство солдат и сохранить приемлемый уровень их хозяйств. Так что издание 18 июля 1662 года подтверждающего указа о двухпеременной службе было одной из таких попыток.

Интересно, что на этот раз царский указ соблюдался более тщательно, о чем говорят документы солдатских высыльщиков Феклиста Ласунского и Семена Мякинина, работавших в Шунгском, Веницком, Важинском погостах и Кузарандской волости Толвуйского погоста[388].

Реализация указа о поочередной службе, тем не менее, несколько затянулась, и, как показывают источники, все равно не смогла предотвратить рост масштабов дезертирства в начале 1660-х гг. Более того, указ от 18 июля 1662 года послужил триггером побегов. Так 8 сентября 1662 года 16 олонецких солдат из полка Ягана Трейдена, находившиеся в Опочке, узнав о данном указе, не стали дожидаться его официального объявления командованием и совершили побег. Из материалов следственного дела частично известно содержание расспросных речей пойманных дезертиров. Например, сержант Ефтюшка Семенов на допросе показал на ротного дьячка Петрушку Микитина, якобы он сказал им, что солдатам, которые «*были на государевой службе в полку у боярина и воеводы*

---

[386] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 110-111 (22 июня 1662 г. Отписка воеводы Б.А. Репнина) ; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 96-97 ; Там же. Стб. 127. Л. 295-297.
[387] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 136.
[388] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 127-128, 155, 160-162, 164-165, 169-170.

князя Ивана Ондреевича Хованского с товарищи, и тем де прислана государева грамота, а велено государева служба служить с переменой»[389].

В мае 1663 году вместе с сокращением общей численности олонецких солдат до 4500 человек были снова введены три перемены по 1500 человек в каждой. Выполняться это должно при условии, что в случае военной необходимости под ружье встанут разом все 4500 солдат[390]. Однако воплотить в жизнь принятый мобилизационный план не удалось из-за большого числа погибших и беглых солдат, обнищания крестьянских хозяйств в связи с тотальным призывом прошлых лет[391]. По сообщению В.А. Чоглокова (29 сентября 1663 года вновь назначенного на пост воеводы после ухода Т.В. Мышецкого[392]), 10 января 1664 года в полки к воеводе И.А. Хованскому (сменившего престарелого Б.А. Репнина[393]) удалось выслать лишь 1225 солдат и драгун первой трети, так как из остальных многие заболели, умерли или постриглись в монахи, а остальные «*с женами и детми розбежались безвестно»*[394].

К концу 1665 года, незадолго до отмены солдатской службы, дезертирство в оставшихся олонецких подразделениях достигло практически стопроцентных показателей. Хованский 26 ноября доносил Алексею Михайловичу о бегстве олончан в полном составе: *«А пехота, государь, салдаты олонецкия и новгородцкия и новоторжския, все збежали с твоей великого государя службы»*[395].

---

[389] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 132-133 (8 сентября – 7 октября 1662 г. «Дело» о поимке и наказании сбежавших из-под Опочки солдат полка Ягана Трейдена и о солдатском жалованьи (8-12 сентября 1662 г. Следственное дело о побеге и поимке солдат с Опочки)).

[390] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 137; Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 167.

[391] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 168.

[392] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 167.

[393] В 1662-1663 гг. завершилась военно-окружная реформа, главной целью которой была централизация функций военного и административного управления в руках одного воеводы. В указанный период И.А. Хованский начал совмещать данные функции (Великанов В.С. Росписи русской армии по разрядным полкам в 1650-1680 гг.: попытка создания военно-окружной системы // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 17).

[394] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 185-186 (После 10 января 1664 г. Отписка воеводы Олонецкого уезда окольничего Василия Александровича Чоглокова и дьяка Дружины Протопопова воеводе Новгородского полка боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому о высылке первой трети драгун и солдат после их разбора в 1663 г.).

[395] Там же. С. 187 (26 ноября 1665 г. Из отписки воеводы Новгородского полка князя Ивана Андреевича Хованского царю о ненадежности гарнизона Пскова и бегстве солдат перед возможным наступлением противника).

Мятеж в Пскове 1 июня 1662 года: кульминация конфликтов солдат и командования

В предыдущем параграфе, при рассмотрении степени воздействия финансового кризиса на уровень дезертирства в олонецких полках, речь шла о реализации антикризисных мер и средствах поддержании дисциплины. Было указано, что хлебная «скудость» и «дороговь» заставили перевести часть сил Новгородского разрядного полка из Великого Новгорода в Псков, а именно полк Ягана Трейдена. Но темпы углубления финансового кризиса нивелировали паллиативные попытки его сдерживания, что приводило к падению дисциплины и росту масштабов дезертирства.

Во время передислокации полка Ягана Трейдена из Великого Новгорода в Псков между 11 и 22 мая из района села и монастыря Опоки (между Сольцами и Порховом[396]), расположенного примерно в ста верстах от Новгорода, был совершен побег пятидесяти солдат, возглавляемых сержантами Мирошкой Осиповым и Климкой Федоровым[397]. Из дневника Патрика Гордона известно, что в русской армии для пресечения дезертирства на марше большая часть офицеров могла следовать позади солдат и на флангах[398]. В случае с полком Ягана Трейдена это либо не применялось, либо не дало результатов. По показаниям рейтарского ротмистра Федора Мартьянова, встретившего полк не доезжая шестидесяти верст до Пскова, Трейден сообщил ему, что побег был вооруженный, солдаты сбежали *«с ружьем и з барабаном».* Полковник, оперативно среагировав, выслал в погоню за дезертирами начальных людей под руководством майора[399]. Когда офицеры настигли полковых беглецов, между ними произошла перестрелка, в ходе которой преследователям удалось схватить зачинщиков побега: *«И те беглые салдаты*

---

[396] Эрик Пальмквист подробно описал дорогу от Пскова до Новгорода (Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М., 2012. С. 147).

[397] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 117, 149 ; Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 123-124 (Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонецких солдат, с предложением репрессий против беглецов).

[398] Гордон П. Дневник, 1659-1667… С. 142.

[399] Скорее всего, речь идет о майоре Матвее Викинтиеве, числившемся в этом полку в олонецких бюджетах за 1661/62 год (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 492 об.).

учинили с ними бой: стреляли по ним из мушкетов. И дву человек салдат маеор с товарищи на бою взял, а те [другие] *ушли»*[400].

По прибытии в Псков, полковник Яган Трейден написал об инциденте воеводе Б.А. Репнину, который, после соответствующего указа от государя, распорядился одного сержанта казнить, а другого прислать в Новгород[401]. Первого сержанта, Мирошку Осипова, было решено *«повесить июня в 1 день после полудни при всем полку»*[402]. Экзекуция должна была проходить на поле за городом[403]. Однако явно показательную казнь, призванную устрашить потенциальных дезертиров, сорвали посадские люди Пскова. Под предводительством протопопа Кондрата Кузмина толпа горожан напала на полковника и начальных людей и попыталась их убить. В то же время, посадские отбили у палача Мирошку Осипова и укрыли последнего в своих домах[404]. Полковнику Ягану Трейдену удалось спастись практически в последний момент: *«И он де* [Трейден], *подскочив на лошадь, одва от них с поля уехал»*[405]. Примечательно, что солдаты, выстроенные на месте проведения казни, не оказывали противодействия посадским людям, и вскоре примкнули к восставшим: *«многие солдаты ево, полковника с началными людми, бранили, и стало де в салдатех непослушанье болшое»*[406].

Более поздние сохранившиеся документы расследования мятежа говорят о том, что он был подавлен. В грамоте воеводе Б.А. Репнину от 20 июня царь Алексей Михайлович сообщает, что псковскому воеводе Федору Федоровичу Долгорукому поручено провести расследование мятежа, а организаторов отослать

---

[400] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 117, 149 ; Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 123-124 (Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонецких солдат, с предложением репрессий против беглецов).
[401] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 125 (9 июня 1662 г. Из черновика первой отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата).
[402] Там же. С. 126 (16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата).
[403] АМГ. Т. 3. С. 496.
[404] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 125 (9 июня 1662 г. Из черновика первой отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата).
[405] Там же... С. 126 (16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата).
[406] Там же… С. 125 (9 июня 1662 г. Из черновика первой отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата).

в Москву в приказ Новгородской четверти[407]. Есть большая вероятность того, что Кондрат Кузмин и другие «гилевщики»[408] были казнены в соответствии с нормами Соборного Уложения 1649 года, предусматривавшими смертную казнь за насилие или мятеж в отношении государевых людей[409].

Что касается олонецких сержантов, то в упомянутой грамоте их было велено «взять» у горожан и держать в тюрьме до нового указа: *«а солдата, которого указано было повесить* [Мирошку], *и которого велено прислать к вам в Великий Новгород* [Климку], *велено у них* [бунтовщиков] *взять»*[410]. Таким образом, в ходе мятежа из-под стражи были освобождены оба беглых сержанта. Дальнейшая судьба Мирошки Осипова нам остается неизвестной. Однако имеющиеся источники позволяют до конца проследить судьбу Климки Федорова. После подавления мятежа полковник Яган Трейден долгое время не смел выслать его, несмотря на приказ Репнина, в Новгород для последующей передачи в Олонец, опасаясь повторения беспорядков, *«чтоб его тож гили не отбили»*[411]. Поэтому Климку Федорова, уроженца Вытегорского погоста[412], доставили в Олонец лишь 24 августа, спустя три месяца после ареста, а через три дня, 27 августа, повесили *«за его воровство да побег, чтоб на его смотря, з государевой службы бегать иным неповадно было»*[413].

Таким образом, хотя базовой причиной майского побега пятидесяти солдат полка Ягана Трейдена являются финансовые проблемы, а триггером – марш в Псков (по мнению И.Берковича, подразделения на марше были особенно подвержены дезертирству[414]), непосредственным поводом для мятежа 1 июня

---

[407] АМГ. Т. 3. С. 496.
[408] То есть мятежники.
[409] Соборное Уложение 1649 г. … С. 21.
[410] АМГ. Т. 3. С. 496.
[411] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 126 (16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата).
[412] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 211.
[413] Там же. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 149-149 об.
[414] Berkovich I. Motivation in War… P. 59.

1662 года стало неприязненное отношение к иноземным начальным людям не только солдат, но и гражданского населения[415].

Взаимоотношения крестьян, солдат и офицеров олонецких полков «нового строя» были подробно изучены Д.В. Брусницыной, Е.Д. Сусловой и А.С. Рыжковым[416]. Здесь стоит сказать, что причины конфликтности между православными солдатами и (в большинстве случаев) неправославными начальными людьми лежат как в области ментального восприятия русскими иноземцев, так и среди накопившихся за годы службы «обидах» друг от друга.

Уже в 1649 году подчиненные полковников А. Гамильтона и М. Кармихеля по пути из Москвы в Олонец злоупотребляли своим служебным положением, занимались избиениями, вымогательствами и грабежами местных жителей, однако так и не были наказаны. В 1649-1654 гг. в Олонецком уезде между офицерами и солдатами возникали в основном бытовые и финансовые споры, связанные с расквартированием начальных людей в домах крестьян[417]. Вместе с тем, учитывая особенности режима обучения, конфликты возникали и на почве субординации, когда солдаты отказывались выполнять приказы, ходить на учения и т.д. Весной 1651 года, по информации полковника А. Гамильтона, часть солдат даже бунтовала против офицеров. Видимо, полковник имел в виду не столько вооруженный мятеж, сколько массовый саботаж процесса обучения, кроме того, он не назвал имен предполагаемых бунтовщиков. Царская угроза наказания за непослушание учительным людям должного эффекта не возымела[418]. Наоборот, само существование иностранного офицерского корпуса усиливало криминализацию поведения солдат по отношению к командирам. В начале 1650-

---

[415] Подробнее об этом: Бочкарев А.С. Конфликты олонецких солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. №8. С. 93-100.

[416] Брусницына Д.В. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649-1666)… С. 10-34; Суслова Е.Д. Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избы») [Электронный ресурс]// Научный электронный журнал CARELICA. Петрозаводск, 2015. №2 (14). С.109-121. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA_/2_2015_(14)/Articles/Entries/2015/12/2_Reforma_gumanitarnogo_obrazovania_vPetrogradskom_universitete_vpervye_gody_sovetskoj_vlasti.html ; Рыжков А.С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе...

[417] Брусницына Д.В. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649-1666)… С. 10-17.

[418] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 45. Сст. 1-6.

х гг. источники фиксируют мошенничества, ограбления, избиения и вооруженные нападения солдат на начальных людей[419].

В 1652 году на религиозной почве произошла эскалация солдатско-офицерского конфликта, что стало откликом на проводимую патриархом Никоном политику разделения православных и неправославных. Данные столкновения были вызваны повторением правительственного указа 1627 года о запрете православным находиться в услужении у неправославных, с той разницей, что в 1652 году указ запрещал службу православных денщиков у неправославных офицеров. В том же году неправославные иноземцы были выселены за пределы Москвы и образовали Немецкую слободу[420]. Тогда же в Олонецком уезде крестьяне насильно выдворяли расквартированных в их домах офицеров[421]. Таким образом, указ 1652 года в Олонце был интерпретирован как полное прекращение контактов с иноземцами[422]. Данный акт мог быть одной из попыток государства приведения иноземных офицеров к православию, предпринимаемых в 1652-1654 гг.[423]. Кроме того, существует более ранний документ, датированный 15 декабря 1650 года, свидетельствующий о запрете уже тогда иметь более чем одного денщика полковникам А. Гамильтону и М. Кармихелю, в котором последний сетует воеводе В.А. Чоглокову об организационных трудностях, с которыми он столкнулся из-за ограничения в количестве помощников; он также сообщает о полковнике Гамильтоне, у которого на тот момент денщиков не было совсем[424]. Полковники при данных обстоятельствах в своих челобитных поднимали перед царем вопрос поддержания дисциплины. А. Гамильтон считал корнем проблемы указ 1652 года, и просил царя разобраться в сложившейся

---

[419] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 80. Сст. 1 ; Д. 147. Сст. 15, 21 ; К. 2. Д. 5. Сст. 1-3, 12.
[420] Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI-XVII вв. М., 2007. С. 199-200 ; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века… С. 66.
[421] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 137 Б. Сст. 1 (Датировано по форме царской титулатуры и по смыслу).
[422] Опарина Т.А. Указ. соч. С. 199-200.
[423] Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в России во второй половине XVII в.: дисс… канд. ист. наук: 5.6.1. Мытищи, 2022. С. 117.
[424] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 80. Сст. 12-13.

ситуации; а М. Кармихель сообщал о неповиновении и беспорядках в подчиненных ему погостах[425].

Нельзя не согласиться с мнением А.С. Рыжкова, что конфликтность между солдатским населением Заонежских и Лопских погостов и иноземными офицерами проистекала из того обстоятельства, что последние оставались чуждым и пришлым элементом для крестьянского мира. Этому способствовали противоречия в вопросах административного подчинения солдат-крестьян, незнание большинством иноземцев русского языка, их иная конфессиональная принадлежность[426].

Характерные девиации были присущи не только олонецким пашенным солдатам, но и в целом пограничным поселенным полкам «нового строя», находящимся под руководством служилых иноземцев. Весьма конфликтными взаимоотношениями с иностранным офицерством отличались драгуны Комарицкой волости. В отличие от заонежан, драгуны комарицких полков состояли из представителей населения южнорусского фронтира, который в значительной мере населяли различные преступные элементы, поэтому криминализация в их среде была весьма высокая, особенно, если учитывать, что в такой отдаленной области правительственный контроль был затруднен[427].

Но вернемся к мятежу в Пскове 1 июня 1662 года. Пришедшие на место казни Мирошки Осипова горожане, пишет А.В. Малов, главным виновником беспорядков считали полковника Трейдена, который «ударил соборного протопопа тростью», когда последний вместе с горожанами явился на место проведения казни. Кроме того, массовое сознание русских людей отказывалось признавать право принятия решения о смертной казни соотечественника за иноземцем, даже при наличии царской грамоты[428].

---

[425] Брусницына Д. В. «Начальные люди» олонецких полков пашенных солдат (1649-1666) [Электронный ресуср] // Научный электронный журнал CARELICA. 2013. № 1. С. 178. Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA_/1_2013_(10)/Articles_1/Entries/2013/12/17_Nacalnye_ludi_Oloneckih_polkov_pasennyh_soldat_(16491666).html.

[426] Рыжков А.С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе…

[427] Соловьев Ю.П. Указ. соч. С. 103, 108-109.

[428] Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя… С. 122-123.

Подводя итог анализу причин дезертирства, связанных с особенностями взаимодействия власти и олонецких солдат, нужно сказать, что в их основе лежат коррупционные злоупотребления и конфликтность отношений между солдатской массой и представителями уездной администрации, а также полковым командованием. Недовольство солдат поголовной мобилизацией в 1650-е гг., побег из полка Ягана Трейдена, спровоцировавший мятеж в Пскове в 1662 году обнажают не только «традиционные» для Русского государства XVII века административные, социальные и конфессиональные проблемы вроде коррумпированности государственных институтов или настороженное, а подчас и негативное восприятие иноземцев, но и более важные в контексте модернизации вооруженных сил вопросы, например, несоответствие возможностей мобилизационной системы потребностям в пополнении солдатских и драгунских полков. Очевидная невозможность решения назревших проблем в существовавших условиях и определяла наличие социального фактора дезертирства, важность которого подчеркивалась мнением современников.

§ 3. Военный фактор

Помимо социально-экономических трудностей, на настроения и моральное состояние солдат влияли военные действия, их ход и результаты. Слухи в условиях неблагоприятного развития военного противостояния были способны рождать не только панику, но и бегство солдат. И. Беркович высказывал мнение, что полки, отправлявшиеся в поход, были посвеместно подвержены дезертирству из них[429]. Также, по оценкам М. ван дер Линдена, страх перед боем являлся одним из самых распространенных поводов к побегу в большинстве армий раннего Нового времени[430]. Кроме того, состояние мобилизационного ресурса, резерва людских сил, также во многом влияло на поведение солдат и было способно вызвать их деморализацию.

[429] Berkovich I. Motivation in War… P. 59.
[430] Linden M. v.d. Op. cit. P. 34.

Потеря обороноспособности Олонецкого уезда в период русско-шведской войны 1656-1658 гг.

Помимо сбоев денежно-продовольственного обеспечения и нарушения хода мобилизации, важным фактором дезертирства олонецких солдат являлся риск столкновения с превосходящими силами противника в условиях малочисленности подразделений и неудовлетворительной обороны заладожского участка «свейского рубежа» во время русско-шведской войны 1656-1658 гг.

В первые месяцы конфликта русским войскам сопутствовал успех. Силами, сосредоточенными в Карелии и Ижорской земле (Ингерманландии), удалось добиться значительных успехов. В июне-августе 1656 года были захвачены Соломенский острог (Салми), Импилахти, Сердоболь (Сортавала), Ниеншанц и Волок Сванский (Тайпале). Кроме того, были осаждены Корела (в основном олонецкими солдатами под руководством нового олонецкого воеводы стольника Петра Михайловича Пушкина[431]) и Орешек[432].

Первоначальные успехи русских войск на данном направлении обуславливались длительной подготовкой к наступлению (как и в случае с Рижским походом, в Карелии интендантская подготовка проводилась с марта по май). Но в большей степени это связано со слабостью финляндского приграничья, которое было не готово к войне. Просчеты шведского командования привели к тому, что основная часть войск была сосредоточена в более опасной на тот момент Прибалтике. В Финляндии же под ружьем стояло не более 2000 человек[433]. Кроме того, сформированные там полки в ходе вторжения в Речь Посполитую с 1655 года понесли тяжелые потери, в связи с чем в них проводились дополнительные наборы, новобранцы уходили на континент и ослабляли и без того незащищенные пограничные с Россией области[434].

---

[431] О полномочиях олонецких воевод в 1656-1658 гг. см.: Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. … С. 162.
[432] Коваленко Г.М. Карелия в русско-шведской войне 1656-1658 гг. ... С. 68.
[433] Lappalainen J.T. Finland och Karl X Gustafs ryska krig. Försvaret av den östra rikshalvan 1656-1658… S. 15, 22, 24, 29-30.
[434] Lappalainen J.T. Kaarle X Kustaan Venäjän-sota v. 1656-1658 Suomen suunnalla… S. 78.

В течение лета-осени 1656 года под командованием фельдмаршала Густава Адольфа Левенгаупта шведам за счет мобилизации по индельте (шведской формы организации и содержания армии), удалось усилить оборону Финляндии, а также перебросить подкрепления для осажденного гарнизона Корелы (Кексгольма), в результате чего крепость удалось деблокировать и вынудить войска П.М. Пушкина и С.П. Елагина отступить в Олонец[435].

Перехват инициативы шведами представлял опасность для Заонежских и Лопских погостов. Несмотря на то, что еще в ноябре 1656 года воеводой Пушкиным предпринимались меры по усилению обороны уязвимых участков, уже в первых числах декабря среди солдат начались серьезные проблемы с дисциплиной. После того, как отряд, посланный в Корельский уезд, привел «корельского выходца», оказалось, что ранее последний был захвачен шведами и подвергнут пытке, под которой дал сведения о численности олонецкого гарнизона (всего в городе и острожках насчитывалось не более 500 солдат). Эта весть довольно быстро распространилась по Олонцу и вызвала массовое бегство не только солдат, но и посадских людей[436].

Малочисленность олонецких солдат, в том числе, за счет дезертирства, обеспечила беспрепятственное вторжение шведов в Олонецкий уезд в конце 1656 – начале 1657 гг., в ходе которого было разорено пять приграничных погостов, и возникла угроза взятия Олонца[437]. При этом беглые солдаты и драгуны понимали опасность осады Олонца, у которого при наличии лишь одной внешней стены отсутствовал даже земляной вал. Поэтому они применили свои военно-инженерные навыки[438] в Толвуйском и Шунгском погостах, где вместе с монастырскими крестьянами построили два острожка, куда стекались остальные

---

[435] Lappalainen J.T. Finland och Karl X Gustafs ryska krig. Försvaret av den östra rikshalvan 1656-1658… S. 98.
[436] Гадзяцкий С.С. Указ. соч. С. 260-261.
[437] Данный эпизод отражен в воспоминаниях крестьян 1670-х гг. (Челобитная крестьян Веницкого погоста и выставочных волостей, о том, чтобы за недоимки не брать из них тысячи человек в Новгородские стрельцы и проч. (1676 года) // Олонецкий сборник. Вып. 3… С. 94).
[438] Во время русско-польской войны 1654-1667 гг. олонецкие драгуны неоднократно привлекались к крепостному строительству (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 164. Л. 369 ; 1656 г. не позднее января 25. – Отписка Витебского воеводы Долгорукого в Разрядный приказ о постройке русскими войсками с участием мещан и крестьян нового острога в Витебске // Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в трех томах. Т. 2. Минск, 1960. С. 139).

олонецкие дезертиры[439]. По существу, они самостоятельно решили повторить успешный опыт казаков воеводы Богдана Чулкова, которые в 1613-1614 гг. в период польско-шведской интервенции в Россию возвели в Толвуе и Шуньге два острожка, выдержали в них осады интервентов и разбили захватчиков в поле при соседней с Толвуей деревне Падмозеро[440].

Мы полагаем, что за массовым дезертирством солдат из Олонца и успешностью шведского набега стоит неверная оценка Москвой рисков вторжения в Олонецкий уезд. Еще в августе 1656 года воевода С.П. Елагин предупреждал Кремль о подготовке шведского наступления и стягивания в район границы, на участке Олонецкого уезда протяженностью 600 верст, восьми полков общей численностью 6400 человек[441]. При этом воевода подчеркивал невозможность обороны уезда имеющимися силами, так как большая часть солдат и драгун находилась в армии князя А.Н. Трубецкого в Ливонии[442]. (Напомним, что ранее с проблемой оттягивания сил на литовский театр военных действий столкнулась Финляндия). Царь, однако, к Елагину не прислушался, ответив на донесение лишь словами: *«Жить с великим береженьем»*[443].

Между прочим, в 1658 году, в упомянутой в предыдущем параграфе челобитной об изменении порядка службы, солдаты тоже обращали внимание на беззащитность Шуйского, Кижского, Шунгского, Выгозерского погостов и Кузаранской волости из-за отправки олонецких войск в Великое княжество Литовское, и противопоставляли свое опасное территориальное положение спокойной обстановке погостов восточного берега Онежского озера: *«а иные Заонежские погосты стоят от немецкого рубежа за озером Онегом, и приходу немецким людем летнюю порою быть не можно никоими делы»*[444].

---

[439] Гадзяцкий С.С. Указ. соч. С. 261.
[440] История Карелии… С. 118-119.
[441] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 162. Л. 10-11.
[442] В походе 1656 года Новгородский полк осаждал Юрьев-Ливонский (Дерпт) (Курбатов О.А. Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г… ; РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 162. Л. 11).
[443] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 162. Л. 10 об.
[444] 1658 г. после марта 7. – Мирская челобитная крестьян разных погостов о несении солдатской службы в две очереди // Карелия в XVII веке… С. 129.

Война 1656-1658 гг. была источником мобилизационных трудностей и в финляндских полках шведской армии. Несмотря на относительно стабильное функционирование индельты, в финляндском обществе обострились напряжение и конфронтация с властями, связанная с ведшимися Швецией военными действиями, в связи с чем финны особенно неохотно шли на службу. Это сопровождалось ростом числа уклонистов и дезертиртиров, к которым с высокой долей сочувствия относились не только в Финляндии, но и в собственно Швеции, что вызывало более жесткую борьбу с ними[445]. В совокупности с ростом масштабов дезертирства среди олонецких солдат по документам 1657 года, это свидетельствует об усталости населения по обе стороны границы от войн, проводимых Россией и Швецией.

К декабрю 1657 года вновь возникла опасность прорыва шведов к Олонцу, гарнизон которого так же, как и год назад, оставался малочислен. Еще в ноябре В.А. Чоглоков, вновь занявший пост воеводы вместо П.М. Пушкина, отчитываясь перед Москвой о «шведских вестях», сетовал на «малолюдство» задействованных в охране Олонца и карельского участка русско-шведской границы солдат, количество которых в общей сложности не превышало 400 человек[446]. В той же отписке Чоглоков продублировал информацию о численности шведских войск в Корельском уезде, полученную от плененного «языка», шведа Индрика Олавссона (его захватили солдаты подполковника Ягана Трейдена)[447]. По словам «языка», в Корельском уезде было сосредоточено 5000 человек. В связи с этим Чоглоков выражал опасение, что по *«первому зимнему пути»* следует ждать шведского наступления[448]. Весть о внушительных силах шведов, вероятно, быстро распространилась среди солдат, которые, помня опыт зимы прошлого 1656 года, становились все более ненадежными для командования. К тому же воевода

[445] Lappalainen J.T. Kaarle X Kustaan Venäjän-sota v. 1656-1658 Suomen suunnalla… S. 75-76; Lappalainen J.T. Elämää suomen sotaväessä Kaarle X Kustaan aikana… S. 38-39.
[446] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 113.
[447] Гадзяцкий С.С. Указ. соч. С. 271.
[448] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 112.

произвел раздачу жалованья[449], что в конечном итоге весьма сильно повлияло на вновь начавшееся дезертирство.

Осознавая неустойчивость подразделений, Чоглоков все же попытался предпринять меры по компенсации потерь из-за побегов. Он неоднократно просил у лавуйского воеводы Александра Семеновича Потемкина рейтар, однако последний их так и не прислал[450]. Это связано с тем, что Олонец и Лавуя действовали независимо друг от друга, в результате воеводам не удавалось совместно координировать свои действия и осуществлять своевременную переброску войск на опасные участки границы[451].

В конце 1657 года Потемкин доносил царю о беззащитности «свейского рубежа» вследствие бегства почти всех олонецких пашенных солдат из Лавуи: *«драгунов и салдатов в полку у меня, холопа твоего, декабря по 20 число всего восмнатцать человек»*[452]. Из содержания смежных документов известно, что речь идет о 1000 дезертировавших солдат гарнизона[453].

И, наконец, зимой 1657-1658 гг. шведы действительно осадили Олонец и рассредоточились по окрестным погостам с целью их грабежа. Но Олонец отстоял крепость и вынудил неприятеля покинуть Олонецкий уезд[454].

Немногим позже, в январе-феврале 1658 года воевода Чоглоков получил ряд противоречащих друг другу приказаний. Он должен был идти походом на Корелу, в то же время набрать и выслать в разные места по разным грамотам 4535 солдат и драгун, кроме тех, которые находились в Олонце. Такого числа солдат, писал он, ни в уезде, ни в Олонце нет, и собрать никоими мерами невозможно[455]. Известие же о предстоящем походе вызвало в Олонце у солдат полка Томаса Краферта (900 человек) негодование и спровоцировало большой побег. В конце января 1658 года, по словам Чоглокова, *«те ... салдаты… в два дни с Олонца*

---

[449] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 113.
[450] Там же. Л. 114.
[451] Lappalainen J.T. Finland och Karl X Gustafs ryska krig. Försvaret av den östra rikshalvan 1656-1658... S. 22.
[452] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 89-90.
[453] Там же. Л. 127-128.
[454] История Карелии… С. 133.
[455] Гадзяцкий С.С. Указ. соч. С. 271.

збежали пятсот человек, а и досталные, государь, салдаты на Олонце не прочны, и, взяв твое великого государя жалованье, беспрестанно бегут»[456].

Таким образом, в наиболее напряженные для Олонецкого уезда месяцы русско-шведской войны основной причиной дезертирства солдат и драгун была крайняя малочисленность сил из-за переброски основной части личного состава олонецких полков «нового строя» в Ливонию для осады Юрьева. Очевидно, что несколько сотен человек не смогли бы сдержать натиск пятитысячного шведского корпуса. Следовательно, триггером массовых побегов в декабре 1656 года стало известие о раскрытии шведами численности гарнизона Олонца. В конце 1657 – начале 1658 гг. при сохранении вероятности шведского вторжения (из-за чего 2000 солдат сбежало из Пскова и Лавуи), непосредственным поводом к дезертирству из Олонца послужил указ о новом походе на Корелу, в результате почти полностью дезертировал полк Томаса Краферта.

Усиление олонецкими солдатами русско-шведской границы зафиксировано только в 1658/59 году, то есть когда обе стороны завершили боевые действия и войска стали возвращаться из Ливонии. Согласно сведениям уездной годовой сметы, тогда было выплачено жалованье 6153 солдатам и драгунам олонецких полков, стоящих теперь в Олонце, Лавуе и пограничных острожках[457].

Истощение мобилизационного ресурса

Участие олонецких полков в войнах с Речью Посполитой и Швецией привело к значительным потерям среди личного состава. По данным 3 и 6 книг Ивана Дивова уже за 1654-1657 гг. погибло и пропало без вести 2392 солдата и драгуна[458]. После подписания Валиесарского перемирия со Швецией в 1658 году и возобновления боевых действий против Речи Посполитой большая часть олонецких полков вновь была направлена в Великое княжество Литовское. Об этом свидетельствуют бюджеты Олонецкого уезда. Численность дислоцировавшихся в Олонце, Лавуе и пограничных острожках солдат

[456] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 275.
[457] Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 300 об.-302.
[458] Там же. Д. 5. Л. 399-491, 660-810.

сократилась более чем в десять раз с 6153 человек в 1658/59 году до 583 человек в 1659/60 году, в последующем практически не увеличиваясь. При этом, в 1659/60 году на шведской границе солдаты оставались только в гарнизоне Лавуи[459].

Такая перегруппировка сил была связана с начавшейся в декабре 1659 года новой кампанией Новгородского разрядного полка под командованием воеводы князя И.А. Хованского, целью которой было восстановление царской власти над западными землями Великого княжества Литовского. В ходе ряда успешных наступательных операций войскам Хованского удалось быстро продвинуться вглубь юго-западных поветов Литвы, в январе 1660 года овладеть Брестом и выйти к границам Короны Польской[460]. В штурме Бреста участвовал, среди прочих, и полк Томаса Краферта, в ходе которого линдозерская и семчезерская роты понесли потери убитыми. Солдаты указанных рот, оставшиеся в живых, были распределены в гарнизоны Полоцка и захваченного Бреста[461].

Быстрое продвижение привело к тому, что к весне 1660 года в тылу у Новгородского полка оставались три непокоренные крепости, угрожавшие стать серьезными очагами сопротивления – Несвиж, Слуцк и Ляховичи. Последняя как стратегически наиболее значимая, была взята в осаду, во время которой 26 марта и 15 мая были организованы штурмы, которые привели к тяжелым потерям среди рядовых солдат и начальных людей[462]. Кроме того, на протяжении почти всего периода осады русские войска терпели большую нехватку продовольствия: из-за разорения окрестностей, хлебные запасы приходилось везти из Борисова, Смоленска и Полоцка. Важность овладения Ляховичами выражалась также и в словах Хованского, который заявлял, что намерен взять город даже ценой своей жизни и жизней всех своих ратных людей[463].

Однако не менее тяжелые потери (не только убитыми, но и беглыми), новгородская и олонецкая пехота, осаждавшая Ляховичи, понесла после 18 июня,

---

[459] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 300 об.-302, 358-359, 431 об.-433.
[460] Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке… С. 226-237.
[461] Архив СПбИИ РАН. К. 4. Д. 59. Сст. 1.
[462] Бабулин И.Б. Московские «легионы» на гравюре «Осада Ляхович в 1660 году // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 300-305.
[463] Касажэцкі К. Кампанія 1660 году ў Літве… С. 159-160, 175-176.

когда воевода русский[464] Стефан Чарнецкий разгромил Хованского вместе с большей частью Новгородского полка в битве под Полонкой[465]. В осадном лагере весть об этом повлекла за собой неорганизованное отступление, переросшее в бегство. Расспросные речи пойманных дезертиров иллюстрируют панику, царившую в тот момент в олонецких полках. Так, солдат Никифорко Григорьев в своей сказке сообщает об отступлении сослуживцев: *«Когда мы побежали от Ляхович, и зади наехали литовские люди, и его де Прошку ссекли, потому что он ногой был болен. Да той же Купецкой волости салдат Ивашко Денисова тут же вместе литовские люди ссекли. И Шальского погоста Степашко Иванов был де он у капитана у Родивона Лаврентьева в денщиках, и с ним де с капитаном из-под Ляхович от литовских людей побежали. А того де яз не ведаю, живы ли оне или убиты»*[466].

Поражение русских войск в битве под Полонкой и неудачная осада Ляховичей привели к тому, что Россия утратила контроль над западными землями Великого княжества Литовского[467]. После отступление войск И.А. Хованского практически сразу капитулировали гарнизоны Новогрудка и ряда других городов, а Брест, Гродно и Вильно были сданы после одно- двухлетнего сопротивления. По оценкам О.А. Курбатова, в итоге кампании 1659-1660 гг. Новгородский разрядный полк потерял порядка половины своего состава[468].

Сложившаяся ситуация стала поводом для перегруппировки сил Новгородского разряда. Входившие в его состав олонецкие полки «нового строя» также нуждались в пополнении. В результате уже летом 1660 года в целях уточнения количества погибших солдат, оценки физического состояния раненых, розыска дезертиров и выяснения возможностей дополнительных наборов в Олонецкий уезд прибыла группа начальных людей полка Томаса Гейса во главе с майором Устином Сергеевичем Мещериновым.

---

[464] Должность главы Русского воеводства в Речи Посполитой с административным центром во Львове.
[465] Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке… С. 246-248.
[466] Архив СПбИИ РАН. К. 4. Д. 1. Сст. 12.
[467] Медведев К.М. Насколько силен наш противник? Польский документ о численности русских войск во время осады Ляховичей // NOVOGARDIA. 2020. №4. С. 208.
[468] Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке… С. 248-249.

Для выяснения количества потерь Мещериновым были проведены допросы солдат и драгун, вернувшихся с боевых действий в 1659-1660 гг. Например, 3 сентября 1660 года майор работал в Мегорском погосте, где допрашивал драгун об их товарищах, *«которые в полку побиты и в литовских городех оставлены».* По результатам допроса 29 драгунов Мещеринов вывел следующие цифры потерь в Мегорском погосте: из 121 бойца мегорской роты убитых в боях под Гродно и Ляховичами – 32 человека, раненых – 3 человека. В результате данное подразделение в кампанию 1660 года лишилось не менее 35 человек. При этом из указанной роты в гарнизоне Полоцка на службе оставалось 4 драгуна[469]. По такой же схеме У.С. Мещеринов 5 сентября действовал и в Оштинском погосте. По допросу оштинских драгун выяснилось, что оштинская рота понесла меньшие потери, чем мегорская. Опрос 20 вернувшихся драгун показал, что убитых – 11 человек, плененных – 4. При этом людей оставляли не только в гарнизоне Полоцка (там числилось четверо), но еще один находился в Гродно[470].

По всей видимости, в ходе допросов солдат и драгун сыщиками учитывалась вероятность подачи неверных или неполных данных, поэтому в некоторых случаях родственники погибших солдат и свидетели вызывались в Олонец для проверки достоверности информации. Возмущение населения данными мерами отразилось в документах. Согласно челобитной солдата Святозерской волости Олонецкого погоста Оски Онаньина, его брат Иван, мобилизованный в январе 1660 года, был убит в бою под Ляховичами, что подтвердили в заручной сказке пришедшие из полков солдаты. Оска Онаньин жалуется, что вопреки наличию документального подтверждения гибели брата «под отпискою» прапорщика Любима Салтанова, капитан Анц Шульц высылает его за порукой в Олонец *«для подлинного сыску вновь, с пришлыми с полковыми салдаты».* Оска просит в своей челобитной оставить его в покое, так как у него на попечении находятся жена и дети погибшего брата[471]. В это же время Шульц выслал в Олонец крестьянина Васку Левонтиева для подтверждения информации

[469] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 82. Сст. 4-6.
[470] Там же. Сст. 16-17.
[471] Там же. Сст. 45.

о гибели на приступе под Ляховичами брата. Васка Левонтиев, как и Оска Онаньин, просит в своей челобитной расспросить *«пришлых полковых салдат про убийство сына моего покойнова Алексея»*[472].

По такой же схеме сыщики проводили сбор информации о раненых, то есть обычно расспросы проводились на территории погостов, и только в определенных случаях свидетеля вызывали в Олонец в съезжую избу. Начальным людям и сыщикам рекомендовалось обращать особое внимание на солдат, сказавшихся ранеными, так как те могли попросту симулировать свое ранение, чтобы не быть высланными на службу[473]. Осмотр раненых проводила комиссия в составе офицеров, сержантов, капралов и волостных старост. 7 сентября 1660 года такая комиссия, возглавляемая У.С. Мещериновым, провела осмотр вернувшихся драгун Оштинского погоста, по результата которого был составлен список раненых с описанием увечий. Приводим его полностью:

«Дрвни Бородинской Евлампейко Яковлев Штарабаров ранен под Ляховичами. Две раны пулечные меж плечи.

Дрвни Софоевской Якушко Тихонов Скочин ранен под Ляховичами под левое плече и пулка в нем.

Дрвни Ивановской вместо Федки Симанова Бабина брат его Степашко Симанов ранен под Ляховичами под левую пелку[474] *из мушкета и пулка в нем.*

Дрвни Моисиевской Михалка Тимофиев Мунаников ранен под Ляховичами. Правая рука в запястьи прострелена из мушкета насквозь.

Дрвни Сергеевской Кондрашка Якимов ранен под Ляховичами. Левая рука в локте прострелена из мушкета да правая нога в колене розбита катком.

Дрни Окуловской Миронко Ондронов ранен под Ляховичами. Правая рука из мушкета прострелена в долон.

Дрвни Долматовской вместо Мирошки Данилова наймит его Ивашко Давыдов ранен под Ляховичами. Левая рука в запястьи розбита.

---

[472] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Сст. 48.
[473] Наказная память подьячему Ивану Черкасову, о сыске беглых солдат (23 ноября 1660 года) // Олонецкий сборник. Вып. 3... С. 84.
[474] Пелка – совокупное название шейных костей; здесь – ключица.

Дрвни Ермолинской Логинко Софонтьев ранен под Ляховичами. Обе руки прострелены насквозь в левой руки и пулка.

Шимозерских волосток Ладвинской волости:

Дрвни Левонтьевской Куземка Степанов ранен под Ляховичами. Голова росечена[475]*».*

Раненые и больные солдаты, по которым в погост приходила «высылка», то есть документ о направлении на службу, составляли челобитную об отпуске, самостоятельно являлись в Олонец, где в присутствии воеводы «по досмотру» получали или не получали освобождение. Например, в декабре 1660 года больной солдат Оштинского погоста Ладвинской волости Якушко Микитин, при попытке его выслать на службу, составил челобитную, где сообщал, что *«болен ногою», из*-за чего нести службу не может, и просил для лечения освободить его от службы, *«а как та нога оздоровитце, и я рад служить тебе великому государю»*[476].

Выяснив количество раненых и убитых солдат, власти предприняли попытку по максимуму использовать остатки мобилизационного ресурса Олонецкого уезда и прибегли к дополнительным наборам: сыщики стали высылать в полки не только пришедших с похода солдат, но и их отцов, братьев, племянников, ближних соседей и недорослей. В источниках также зафиксированы высылки родственников убитых солдат[477]. Формально, сыщики нарушали царский указ о солдатской службе в две перемены по полгода. Крестьяне были возмущены действиями мобилизационных органов, в ответ они неоднократно составляли челобитные о прекращении произвола местных властей. Стоит сказать, что подача крестьянами и солдатами челобитных являлось одним из способов воздействия на верховную власть. Ответами государя на челобитные выступали указные и иные грамоты, являвшиеся по своему характеру актами сепаратного законодательства, то есть указами по частным делам[478].

---

[475] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 82. Сст. 14.
[476] Там же. Сст. 50-51 об.
[477] Там же. Д. 20. Сст. 66.
[478] История Карелии… С. 106.

Показательна история драгунов Веницкого погоста Меркушки Иванова и Фетки Федотова, произошедшая осенью 1660 года. Суть в том, что Меркушку и Фетку по ошибке занесли в списки нетчиков и попытались выслать на службу. В 1659 году по причине того, что Меркушка и Фетка заболели, вместо них в поход 1659-1660 гг. были отправлены их братья, Ромашко и Васка. Но в походе они погибли: один при нападении литовского отряда во время фуражировки, а другой при отступлении из-под Ляховичей. Несмотря на то, что в Олонец была отослана заручная сказка, подтверждающая факт гибели Ромашко и Васки, на челобитчиков драгунов Меркушку Иванова и Фетку Федотова была выслана нетная роспись, по которой солдатский сыщик попытался выслать их на службу. В челобитной драгуны жалуются, что *«стали людишки одинокие и теперь в конец разорились»* и просят не высылать их, на службу, чтобы им не умереть с голоду[479].

Подобный характер имеет и дело солдатских отцов Пудожского погоста Гурейки Сидорова, Мирошки Иванова и Ивашки Данилова. В своей челобитной крестьяне сообщают, что их пытаются выслать на службу вместо погибших на приступе Ляховичей сыновей[480]. В челобитной солдатские отцы, однако, не просят полного освобождения от призыва, а только от «*дальней службы свободить за кровь детишек наших».* С целью подтвердить обоснованность претензий челобитчиков, в олонецкой съезжей избе было организовано дознание, в ходе которого вызванные беглые солдаты, – участники осады Ляховичей, – подтвердили достоверность информации о гибели сыновей челобитчиков[481].

Также имели место случаи высылки на службу недорослей. По челобитной «недорослого салдатского братишки» Пелдушской волости Олонецкого погоста Малафейки Гаврилова, в 1660 году его выслали на службу вместо погибшего брата Аврамки. Вероятно, это произошло, в том числе, из-за отсутствия заручных сказок пришедших с похода солдат, так как далее в тексте Малафейко Гаврилов

[479] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 82. Сст. 53-53 об.
[480] Там же. Д. 82. Сст. 42.
[481] Там же. Сст. 42 об.-43.

просит *«про того убитого брата моего сыскать… салдат, которые от службы пришли»*[482].

В целом, документы свидетельствуют, что к ноябрю 1660 года власти пошли навстречу челобитчикам, присылали в погосты ответы об освобождении от высылки родственников убитых и пленных солдат «до царского указу»[483], что явствует из формулировок распоряжений на листах челобитных, например: *«Вместо мертвых и полоненых драгун и салат сродичей их против имен до указу великого государя на службу не высылать, и волокит и убытков волостным людем не чинить»*[484]*;* или: *«Охудалых крестьян вместо беглых салдат не высылать»*[485].

Попытки организации дополнительных наборов в олонецкие полки и сопротивление со стороны крестьян породили интересную практику в отношении беглых солдат. Судя по наличествующим документам периода после снятия осады Ляховичей и отступлением Новгородского полка, солдаты, вернувшиеся из полков в Олонецкий уезд, оказывались признанными дезертирами. О.А. Курбатов выяснил, что в атмосфере паники во время поспешного отхода к Полоцку литовские войска напали на русский обоз и новгородские (в том числе олонецкие) полки, в результате чего к 1 июля в «естях» оставалось лишь 357 человек[486]. Признание вернувшихся домой солдат дезертирами обусловлено отсутствием указа об «отпуске» их из полков. Например, в документах беглыми солдатами были названы участники похода 1659-1660 гг. Святозерской волости Олонецкого погоста Тараска Овдеев, Фадейка Иванов, Лучка Юрьев, Елисейка Насонов и Ивашка Насонов. В соответствии с практикой круговой поруки, вместо беглых солдат в сентябре 1660 года на службы были высланы их братья. Но когда солдаты *«с полков проволоклися к домишкам в ноябре месяце»*, они были возмущены тем, что сразу же были высланы в Олонец, ведь в армии их место уже занимали их братья. Деморализованные, оставшиеся одинокими в условиях

[482] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 82. Сст. 46.
[483] Там же. Сст. 39, 43, 53-53 об.
[484] Там же. Сст. 10.
[485] Там же. Сст. 22 об.
[486] Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке… С 248-249.

хозяйственно-экономической разрухи Заонежских погостов, солдаты просят в челобитной освободить от военной службы и себя, и своих братьев ввиду своей крайней бедности: *«А людишки мы, холопи твои, бедные, вдвоем до конца погибли… Вели, государь… нас, холопей твоих, с полковой службы свободить к домишку, чтоб нам … до конца не погибнуть»*[487]. Учитывая бедность челобитчиков, по итогу разбирательства в олонецкой съезжей избе воеводой были вынесено решение освободить их от службы до появления нового царского указа[488].

Несмотря на то, что И.А. Хованский еще в 1650-х гг. прибегал к дополнительным наборам в Новгородский полк[489], ситуация 1660 года в Олонецком уезде выделяется тем, что потребность в пополнении олонецких полков с самого начала не учитывала неуклонное истощение мобилизационного ресурса. Это коррелирует с выводами А.В. Малова, согласно которым правительство еще с 1656 года развернуло целый комплекс мероприятий по увеличению и усилению армии[490], и дополнительные наборы в олонецкие полки являлись составной частью данного проесса. По данным 1670-х гг., за двенадцать лет (1654-1666 гг.) беспрерывных походов, боев и осад погибло свыше 7000 олонецких солдат и драгун[491]. Всего же, по данным Т.В. Старостиной, пашенную службу прошли около 17000 человек[492]. В целом стоит отметить, что солдаты, составляя челобитные, где жаловались на нарушения и просили не высылать их в полки вместо погибших родственников, относительно успешно использовали данный инструмент общения с властью в качестве рычага влияния на нее, и могли добиваться соблюдения установленного царским указом порядка несения службы.

Таким образом, дезертирство из олонецких полков «нового строя» во время русско-польской и русско-шведской войн было вызвано тремя основными

---

[487] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 82. Сст. 37.
[488] Там же. Сст. 38-39.
[489] Reger IV W.M. Op. cit. P. 234.
[490] Малов А.В. Основные проблемы строительства вооруженных сил России… С. 169.
[491] Челобитная крестьян Веницкого погоста и выставочных волостей, о том, чтобы за недоимки не брать из них тысячи человек в Новгородские стрельцы и проч. (1676 года) // Олонецкий сборник. Вып. 3... С. 94.
[492] Старостина Т.В. Пашенные солдаты... С. 9 (Военный вестник).

факторами – экономическим, социальным (последствиями военно-административных ошибок, злоупотреблений и конфликтов командиров и подчиненных), а также военным (неблагоприятным ходом боевых действий и истощением мобилизационного ресурса). Экономический фактор при этом является определяющим для остальных. Проблема денежно-продовольственного снабжения олонецких полков «нового строя» довольно часто возникала на протяжении всего периода существования подразделений, а длительное неудовлетворение базовых потребностей солдат ухудшало дисциплину и увеличивало количество беглых. В этом плане переломным моментом массового дезертирства можно считать резкий подъем цен на продукты питания в конце 1661 года, из-за чего солдаты попросту не могли себя прокормить. Финансовый кризис, вызванный реформой медных денег 1650-х гг., скрывал под собой глубокие причины разрыва потребностей и возможностей царской казны: возросшие материальные затраты, связанные, во-первых, с массовым формированием полков «нового строя» и подготовкой к войне, а, во-вторых, с обеспечением армии на театре военных действий с весны 1654 года, российский бюджет осилить не мог. Для покрытия сопутствующих издержек в длительной войне правительство прибегло к использованию экстенсивных инфляционных механизмов в виде чеканки большого количества медных монет. Переполнив рынок, медные деньги вызвали мощную инфляцию, которая привела к тяжелейшему финансовому кризису, что, в свою очередь, положило начало волнам массового дезертирства по экономическим мотивам.

Взаимоотношения солдат с представителями власти сформировали социальные основы дезертирства. Недовольство складывалось в результате нарушения порядка очередности службы олонецких полков и конфликтности взаимоотношений с иноземцами-командирами. Солдаты первой очереди, испытывавшие серьезные трудности с обеспечением в 1654 году, вернувшись в Олонецкий уезд, по вине воеводы В.А. Чоглокова в 1655 году снова отправились на войну вместо солдат второй очереди, что обусловило массовые побеги. Иноземные начальные люди, с которыми у заонежских солдат с самого начала

существования полков были нередки конфликты, спровоцировали вооруженный мятеж и массовое дезертирство летом 1662 года, после попытки казнить сержанта за организацию побега.

Наконец, военный фактор дезертирства из олонецких полков, особенно в рамках русско-шведской войны, заключался в постоянной угрозе нападения шведов на Олонец и окрестные погосты, что держало немногочисленные гарнизоны олонецких солдат в перманентном напряжении. Малочисленность подразделений по результатам похода Новгородского разрядного полка 1659-1660 гг. привела к необходимости срочного пополнения полков свежими силами, чем и занялось военное командование летом 1660 года. Оценив ущерб армии в виде погибших и раненых, специальные комиссии организовали дополнительные наборы в полки, куда были записано большинство годных к службе крестьян, в том числе отцы, братья и племянники убитых и проходящих службу солдат. Применение данной меры позволяет утверждать, что в начале 1660-х гг. олонецкие полки «нового строя» были на грани развала и испытывали острую нужду в доукомплектовании. Однако практика дополнительных наборов вызвала возмущение и негодование крестьян, которое выражалось в челобитных с просьбами не высылать, как правило, оставшихся без братьев или сыновей, крестьян, «чтобы в конец не погибнуть». Поход 1659-1660 гг. и, в особенности, осада Ляховичей оставили глубокий след в обществе крестьян Карелии. Большие безвозвратные потери и последующее применение практики чрезвычайных наборов в армию родственников погибших говорит о том, что мобилизационный потенциал Олонецкого уезда был практически исчерпан. Кроме того, следует подчеркнуть, что данные чрезвычайные наборы в полки в 1660 г. родственников и соседей солдат лишал крестьянские хозяйства рабочих рук, что вело не только к крушению хозяйств, но и вынуждало солдат дезертировать.

В целом можно говорить о том, что в разные годы преобладали разные факторы дезертирства, все зависело от текущих обстоятельств. В 1654 году основной причиной дезертирства были большие проблемы с продовольственными поставками и выплатами за военную службу, в 1655-1656 гг. возобладал

социальный фактор – нарушение порядка службы и злоупотребления начальства вызвали дезертирство и запустили цепную реакцию социального недовольства и протестов. В 1657-1658 гг., когда служба была поделена на три перемены и социальный фактор потерял былую остроту, на первый план вышли военные проблемы – олонецкие полки обнаружили свою ненадежность перед лицом армии противника, они разбегались перед отправкой в поход до осады Олонца зимой 1657-1658 гг., так как опасались, что Олонецкая крепость не выдержит штурма. В 1659-1660 гг. сохранялся военный фактор вкупе с фактором новых нарушений порядка службы. В 1661-1662 гг. мощный финансовый кризис вновь обострил вопрос денежного и продовольственного обеспечения, а общая усталость от службы также провоцировала побеги. В результате в начале 1660-х гг. соединение всех факторов дезертирства усилило их общий эффект, что привело к дезорганизации олонецких полков. Справиться с ней не удалось, несмотря на новую перепись 1663 года, окончательное введение службы в три «перемены» и сокращение мобилизационной нагрузки.

Глава III. Групповое дезертирство и борьба с ним: противостояние солдат и властей

§ 1. Особенности организации массовых побегов

Сохранившиеся источники свидетельствуют, что одиночное дезертирство олонецких солдат, особенно с «дальней службы», являлось редкостью. Это были, в основном, побеги группами, от десятка до нескольких сотен человек, поскольку объединение в вооруженные отряды повышало шансы выживаемости солдат и обеспечивало достижение конечной точки бегства – Заонежских и Лопских погостов. Групповое дезертирство требовало определенной сплоченности, поэтому оно зачастую было заранее спланировано и организовано сержантами и другими урядниками. Поэтому в вопросе организации побегов особый интерес представляет исследование служебно-социального положения младшего командного состава олонецких полков «нового строя». Для этого мы выделили четыре наиболее заметных побега, произошедших в начале 1660-х гг., то есть в период наибольшего распространения дезертирства.

I. Побег 1660/61 года[493].

Он упоминается в отписке олонецкого воеводы Т.В. Мышецкого воеводе Великого Новгорода И. Б. Репнину не позднее конца сентября 1662 года. Из воеводского сообщения известно, что в 1660/61 году из Полоцка сбежало 19 солдат Важинского и Пудожского погостов. Судя по всему, дезертиры ушли из Полоцка двумя группами, одной из которых предводительствовали **сержанты** Оска Кривой и Федотко Матфеев. Главная причина побега, по данным воеводы, – острый дефицит продовольствия[494].

II. Побег середины мая 1662 года.

Данный акт дезертирства и последовавший за ним мятеж является предметом целого следственного дела, инициированного командованием Новгородского разрядного полка. Это дело было подробно рассмотрено в предыдущей главе. Напомним, что не ранее 11 мая и не позднее 22 мая 1662 года,

[493] Месяц и день в документе отсутствуют.
[494] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 16. Сст. 47.

во время передислокации полка Ягана Трейдена из Великого Новгорода в Псков, из полевого лагеря в селе Опоки, что в ста верстах от Новгорода, вооруженный побег совершили пятьдесят солдат под предводительством **сержантов** Мирошки Осипова и Климки Федорова[495]. Главной причиной бегства со службы выступает совокупность финансово-экономических и социальных причин: кризис начала 1660-х годов повлек за собой мощную инфляцию и рост цен на продовольствие, из-за чего военнослужащие не смогли обеспечивать свои базовые потребности, и были поставлены на грань голода, что вместе с постоянными нарушениями порядка мобилизации заметно увеличивало уровень напряженности в отношениях солдат, офицеров и мобилизационных органов Олонца.

III. Побег 12 августа 1662 года.

О нем сообщает отписка солдатского сыщика рейтарского ротмистра Феклиста Ласунского; побег также фигурирует в переписке воеводы Новгородского разрядного полка князя Б.А. Репнина и олонецкого воеводы князя Т.В. Мышецкого. Во время высылки на службу солдат Шунгского погоста и Кузарандской волости, *«на Онеги на пустом берегу»* дезертировало 300 человек. В отписке Ласунского указывается, что руководителями побега являлись **сержанты** Илюшка Михайлов, Фетька Тимофеев и **каптенармус** Якушко Мартемьянов, которые солдат *«воровством своим роспустили. И иные салдаты шунгские и кузарандские, на тех сержантов смотря, все назад воровством своим по домам розбежались. Не хотят служить великому государю, на государеву службу не пошли, от стрельцов отбилисе и великому государю учинилисе силны и непослушны».* Побег такой массовости в дальнейшем спровоцировал, по сообщению Ласунского, отказ идти на службу солдат сопредельных погостов[496].

IV. Побег 8 сентября 1662 года.

---

[495] Жуков А. Ю. Олонецкие полки… С. 119 (11 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка боярина князя Б.А. Репнина псковскому воеводе окольничему князю Федору Федоровичу Долгорукому об отправке в Псков полка Ягана Трейдена) ; Там же. С. 123-124 (Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгороского полка Б.А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонецких солдат, с предложением репрессий против беглецов).

[496] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 127-128, 169-170.

Материалы следственного дела, разбиравшегося в Опочке в съезжей избе местным воеводой С.А. Бешенцовым, свидетельствуют, что 8 сентября из гарнизона, вероятно, под предводительством **сержанта** Ефтюшки Семенова, сбежали 16 солдат полка Ягана Трейдена. Посланным воеводой в погоню донским казакам удалось схватить лишь 11 дезертиров. Причин дезертировать было две – острый дефицит продовольствия и неправильное истолкование царского указа о подтверждении двухпеременной службы[497].

Вопрос причастности олонецких сержантов, каптенармусов, а также капралов к организации массовых побегов должен рассматриваться с учетом места и роли младшего командного состава в военной иерархии полков «нового строя», так как именно специфика служебного положения организаторов может указывать на то, почему именно они брали на себя руководство беглыми солдатами[498].

Еще в 1630-х годах на этапе формирования первых в России полков «нового строя», по требованиям унификации и стандартизации номенклатуры войсковых чинов, в них была введена система званий старшего, среднего и младшего командного состава по западноевропейским образцам. Со временем претерпевая определенные изменения, к середине XVII века иерархическая лестница в полках «нового строя» приобрела относительно завершенный вариант. Представители офицерского корпуса, который включал в себя звания от прапорщика до полковника, в приказной документации именуются начальными людьми. Неофицерские звания, или «урядники меньшего чина»[499] – это, по сути, младший

[497] Жуков А. Ю. Олонецкие полки... С. 132-133 (8-12 сентября 1662 г. Следственное дело о побеге и поимке солдат с Опочки).

[498] Бочкарев А.С. Дезертирство и дуализм социально-ролевых функций младшего командного состава олонецких полков «нового строя» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 2. С. 92-95.

[499] По мнению А.В. Малова, относительно середины XVII века к младшим командирам допустимо применять термин «урядники» (Малов А.В. Командный состав частей солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя от появления их в России до роспуска после окончания Смоленской войны: иерархия и номенклатура чинов. 1628-1636 гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы. Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 231).

командный состав, в который входили сержанты, подпрапорщики, каптенармусы, квартирмейстеры и капралы[500].

Служилые иноземцы, приглашенные в 1649 году для обучения заонежких крестьян солдатскому строю, на первых порах заняли все полковые должности и звания от барабанщика до полковника[501], а олонецкие солдаты были исключительно рядовыми. Начиная с апреля 1650 года, в связи с продвижением по службе «учительных людей» и освобождением должностей и званий, интенсивным обучением, в барабанщики и капралы стали переводить людей из рядовых солдат[502]. В сметных же списках Олонецкого уезда, начиная с 1654/55 года в расходных статьях вообще отсутствуют какие-либо упоминания о сержантах-иноземцах. Таким образом, к началу Тринадцатилетей войны большая часть «урядников меньшего чина» олонецких полков состояла из представителей солдатского местного населения[503].

Вообще, замещение должностей было частью общего процесса «обрусения» командных кадров в полках «нового строя». А.Ю. Жуков отмечает, что в 1650-е гг. в прапорщики, поручики, капитаны и майоры стали переводить не только иностранцев, но и русских, поскольку за выслугу лет им полагалось продвижение по службе и повышение жалования[504]. По этому вопросу весьма интересные данные приводит В.О. Коротков. Он пишет, что около 60 % русских полковников числилось в рейтарских и гусарских полках, из-за престижности конной службы, в то время как в пехоту русские служилые люди шли неохотно – среди солдатских и драгунских полковников русских было менее 20 %[505].

Стандартизированная система званий и должностей в полках «нового строя», не только в Карелии, но и в общероссийским масштабе, предполагала существование и определенного служебного функционала для урядников. Несмотря на скепсис в историографии по вопросу применения «Учения и

---

[500] Малов А.В. Командный состав частей солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя… С. 228-232.
[501] ДАИ. Т. 3. С. 170-173.
[502] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 114. Сст. 3 об. ; Там же. Д. 116. Сст. 1-2.
[503] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 105-106 об.
[504] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. ... С. 207.
[505] Коротков В.О. Указ. соч. С. 103-104.

хитрости ратного строения пехотных людей» 1647 года как практического руководства в русской армии, это в любом случае был серьезный аналитический трактат, И.Я. фон Вальхаузен (автор немецкого оригинала) объяснял различные методы и тактические приемы, давал читателю достаточный материал для понимания войны XVII века[506]. Поэтому, чтобы иметь представление о месте урядников в системе управления ротой, особенно ее дисциплинарной составляющей, следует обратиться к русскому изданию. Первая глава «Учения и хитрости…» посвящена организации внутри роты, порядку подчинения и самое главное, основным обязанностям командиров разных уровней.

Там же говорится и о сержантах. В роте их должно быть трое, а их главные обязанности – это обучение солдат стрельбе и выполнение важных поручений командования, в том числе делегирование сержантам обязанностей младших по званию урядников при отсутствии последних: *«у всякия роты… три сержанты, или фетьвевелы… им доведется всю роту учити, и извыкати как им оружьем своим владети гораздо подостоянию»*[507].

Дальше идет речь о квартирмейстерах, которые отвечали за организацию полевых лагерей (в тексте они фигурируют как *станоставцы* и *фуриры*). По отношению к ним автор «Учения и хитрости…» настроен скептически. С одной стороны, в боевом походе *«без них негодно ополчение»,* но с другой стороны автор советует полковнику: *«остави* [то есть упраздни] *фурира сиречь ротнаго станоставца, потому, что ныне не надобен»*, а также *«а как ты на леже* [то есть лагерем] *стоишь, и тогда тебе фурир сиречь станоставец не надобен»*[508].

Ниже квартирмейстеров находился каптенармус (*«капитан дес армес», «дозорщик над оружием»*). Он выполнял довольно широкий круг обязанностей, в основном связанных с выдачей, учетом и контролем над оружием и боеприпасами. В частности, каптенармус проводил осмотр солдатского вооружения перед началом караула; контролировал запасы пороха и свинца; через каптенармуса капитан мог узнать о количестве больных или беглых солдат, так

[506] Rusakovskiy O. Op. cit. P. 12.
[507] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей… С. 65-66.
[508] Там же. С. 66.

как каптенармус отдавал их оружие командиру роты; также каптентармус выполнял функции лекаря и ухаживал за больными солдатами[509].

В полках «нового строя» самыми младшими из урядников были капралы. За ними были закреплены по большей части строевые обязанности. Так, в каждой роте по штату должно было быть по три капрала и по три их помощника – ланспасата; рота делилась на два капральства, одним из которых командовал непосредственно сам капрал, а другой – ланспасат. На руках у капралов должны были находиться списки солдат по их капральствам: *«так на роспись написати таким уставом, как они на походе ходят, и всякому корпоралу те росписи давати, как они шеренгами друг за другом ходят, как при ученьи их кличют, и чтобы всякому свое подлинное место имети, и так дозорщику над оружьем всех салдатов корпоралом раздавати в руки»*[510].

Особенности служебных обязанностей «урядников меньшего чина», вошедшие в текст «Учения и хитрости…» доказывают, что они были главным организационным звеном в роте. Ключевой задачей младшего командного состава полков «нового строя», пишет А.В. Малов, были структуризация и стратификация однородной массы рядовых солдат в стройную управляемую систему нижних чинов[511].

Выделенные выше четыре солдатских побега показывают, что их организаторами и руководителями выступили, в общей сложности, семь сержантов и один каптенармус. Имена пяти из них мы находим в переписных книгах Ивана Дивова 1657 года: это Федотко Матфеев[512] и Ефтюшко Семенов[513] из Пудожского погоста, Илюшка Михайлов[514] и Фетька Тимофеев[515] из Шунгского погоста и Климка Федоров[516] из Вытегорского погоста. Все пятеро начали военную службу до 1657 года, четверо из них на момент переписи

---

[509] Учение и хитрость ратного строения пехотных людей… С. 66-67.
[510] Там же. С. 67-68.
[511] Малов А.В. Командный состав частей солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя… С. 231-232.
[512] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 478.
[513] Там же. Л. 234.
[514] Там же. Л. 88.
[515] Там же. Л. 83.
[516] Там же. Л. 211.

находились дома, один (Федотко Матфеев) был в гарнизоне Лавуи. Ко времени организованных ими побегов, каждый из них пребывал в армии более уже шести лет (Федотко Матфеев, дезертировавший в 1660/61 году, соответственно пять лет). Боевой путь олонецких полков в 1657-1662 гг., в частности осада Юрьева-Ливонского и Корелы в 1656 году, взятие Бреста и осада Ляховичей в 1660 году, битва на Кушликовых Горах в 1661 году и т.д., говорит о том, что младшие командиры – фигуранты следственных дел о дезертирстве, были не только опорой начальных людей в руководстве рядовыми, но, что немаловажно, являлись опытными ветеранами, прошедшими серьезную боевую практику.

Кроме обязанностей, предписанных сержантам, каптенармусам и капралам «Учением и хитростью…», начальные люди задействовали их в сыске беглых солдат в качестве информаторов, помощников сыщиков и «провожатых» дезертирских конвоев. Например, во время разыскных мероприятий по поиску ляховичских дезертиров в августе-октябре 1660 года, сыщик полка Томаса Краферта прапорщик Макарий Никитич Брюхов неоднократно прибегал к помощи живших в местах розыска беглых солдат урядников меньшего чина. Например, 5 августа, 24 сентября и 16 октября в Линдозерском, Семчезерском, Селецком, Паданском погостах и Ведлозерской волости Олонецкого погоста М.Н. Брюхов *«у старост и у сержантов и у капралов и у всех волостных людей»* взял заверенные «сказки» о нахождении/ненахождении в указанных погостах разыскиваемых солдат[517].

Как показала практика, урядники часто обманывали сыщиков и покрывали беглых, обычно утверждая в «расспросах», что разыскиваемые солдаты «*будучи на государевой службе, побиты и померли или оставлены в городех на осаде»* . В связи с этим сыщиков инструктировали не доверять показаниям сержантов и волостных старост: *«и тем их старостиным и волостных людей сказкам не верить, потому что оне сами в полках не были, а скажут оне,* ***норовя тем***

[517] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 60, 62, 77.

беглым салдатом *и укрывая их от высылки»*[518]. Укрывательство наказывалось правежом, пока не выдадут беглых солдат[519].

В ходе разыскных мероприятий урядники также выступали в роли подчиненных солдатского сыщика. Это делалось при условии составления поручной записи на сержанта, чтобы он, работая в погостах, между прочим, рядом с местом своего жительства, не сбежал домой[520].

После обнаружения беглых солдат, их отправляли обратно на службу в сопровождении, опять же, урядников. Полагаем, что в сложных социально-экономических условиях начала 1660-х гг. такой порядок являлся ошибкой со стороны властей. Ни администрация Олонецкого уезда, ни сыщики не учли опасности падения дисциплины, которая в обстоятельствах кризиса исходила именно от младшего командного состава. Это показал побег 12 августа 1662 года, когда за раз сбежало несколько сотен солдат Шунгского погоста и Кузарандской волости. Особенность данного побега заключается в том факте, что сыщик Феклист Ласунский к колонне высылаемых в свою перемену солдат, которую сопровождали стрельцы и волостные приставы, присоединил шестерых шунгских дезертиров из полка Христиана Любенова сержантов Илюшку Михайлова, Федьку Тимофеева, Елеску Козмина и каптенармуса Якушку Мартемьянова. Хотя, по всей видимости, такие сводные колонны мобилизованных и дезертиров были в порядке вещей, нахождение в общей колонне дезертиров являлось риском в отношении сохранения дисциплины. Далее, *«отъехав из домов на сто верст»,* в районе Климецкого монастыря, что в Кижском погосте, *«на пустом берегу на Онеге озере»* высланные на службу дезертиры Кузарандской волости солдаты Нестерко Шестаков, Сенка Макарьев, Прошка Ульянев, Фетька Иванов, Ивашко Сидоров и Мелешка Семенов в результате сговора с сопровождавшими их сержантами *«стрельцов и волостных приставов… покинули»*. Это практически

---

[518] Наказная память подьячему Ивану Черкасову, о сыске беглых солдат (23 ноября 1660 года) // Олонецкий сборник. Вып. 3… С. 84.
[519] Там же. С. 85.
[520] Жуков А. Ю. Олонецкие полки… С. 147-148 (20-21 июня 1662 г. Поручная запись младших командиров и солдат полков Христиана Блюментроста и Томаса Гейса за сержанта Максима Иванова, отправляемого в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат).

сразу спровоцировало волнения среди остальных солдат, которые переросли в большой побег[521], в котором, в общей сложности, приняло участие 300 человек[522]. Чуть позже воевода Т.В. Мышецкий сообщал Б.А. Репнину, что к даче жалованья в Олонец не пришел ни один человек[523].

В целом, участие урядников в сыске беглых солдат показывает не столько их осведомленность и знание личного состава, сколько доверие к ним со стороны начальных людей. Конечно, организация побегов дискредитировала сержантов, каптенармусов и капралов перед лицом командования, однако и доверие к ним у начальства было весьма относительное. Об этом может свидетельствовать упомянутая ранее миссия сержанта Максима Иванова: для работы по сыску и высылке солдат он смог отправиться лишь после составления поручительства сослуживцев в том, что он не сбежит[524]. Мы уже писали, что сомнения в лояльности части урядников прослеживаются и военном трактате «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 года. Помимо рассуждений о смысле существования некоторых званий, в тексте недвусмысленно указывается на то, что квартирмейстеры – главные смутьяны в роте: *«А станоставец в роте болши и к порухе нежели к прибыли. Потому, что он толколише сорить, и салдатов збивает, и наволнованье им помогатель. И когда салдаты мятеж чинят, и они за них стоят, и их очищают, и тем у капитана свой изменник в роте»*[525].

В отличие от начальных людей, больше сержантам доверяли рядовые солдаты. Во-первых, как отмечалось выше, младшие командиры являлись ветеранами с серьезным боевым опытом, и поэтому имели заслуженный авторитет среди рядового состава своих рот. Во-вторых, находясь на лестнице военной иерархии выше рядовых солдат, сержанты, в то же время, оставались с

---

[521] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 127-128, 161-163, 169-170.
[522] 300 человек – это фактическое число участников побега. Из документа в документ переходит цифра в 302 человека. На самом деле, согласно одной из отписок Ф. Ласунского, «недостающие» два человека были из числа пойманных дезертиров, которые остались дома, так как были больны, и в побеге участия не принимали.
[523] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 160.
[524] Жуков А. Ю. Олонецкие полки… С. 147-148 (20-21 июня 1662 г. Поручная запись младших командиров и солдат полков Христиана Блюментроста и Томаса Гейса за сержанта Максима Иванова, отправляемого в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат).
[525] Учение и хитрость ратного стоения пехотных людей… С. 66.

ними ровней в том плане, что сами являлись крестьянами. Испытывая одинаковые тяготы войны и походной жизни, сержанты нередко выступали от имени солдат в коллективных челобитных об удовлетворении различных нужд, в основном о прибавке хлебного и денежного жалованья[526] или о сокращении срока службы[527]. И. Беркович метко охарактеризовал подобное поведение как «перетягивание каната» с командованием, то есть согласие на соблюдение дисциплины в обмен на приемлемое денежно-продовольственное содержание[528]. М. ван Россум даже утверждал, что угроза бегства была, на глобальном уровне, частью общей солдатской стратегии взаимодействия с начальством для получения необходимых жизненных благ[529].

Доверие приводило к появлению неформального лидера среди склонных к дезертирству солдат, что является составной частью процесса вызревания побега. Массовая психология подталкивала солдат не только объединяться в группы, иметь лояльных и надежных людей вне армии (например, родственников, которые могли бы спрятать беглецов от сыскных органов), но и следовать за руководителем, выражающим их интересы[530].

В-третьих, фактор доверия солдат сержантам может быть истолкован и с точки зрения внутренней структуры олонецких полков. В ходе анализа документов, касающихся службы олонецких солдат и драгун, нам удалось выяснить, что роты олонецких полков комплектовались по административно-территориальному принципу на основе волостной раскладки. Каждая рота формировалась из крестьян конкретной волости и в документах именовалась по названию волости. Таким образом, рота, набранная в Святозерской волости Олонецкого уезда называлась святозерской[531], в Лижемской волости Кижского

---

[526] Жуков А. Ю. Олонецкие полки… С. 120 (Ранее 5 июля 1662 г. Из челобитной царю восьми сержантов полка Ягана Трейдена Олонецкого уезда, «и во всех салдат место», о выплате им в Пскове жалованья, с распоряжением воеводы Б.А. Репнина).
[527] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 96-97 ; 1658 г. после марта 7. – Мирская челобитная крестьян разных погостов о несении солдатской службы в две очереди и о других льготах // Карелия в XVII веке... С. 128-132.
[528] Berkovich I. Motivation in War… P. 99.
[529] Rossum M. v. Op. cit. P. 516.
[530] Linden M. v.d. Op. cit. P. 35.
[531] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 114. Сст. 4.

погоста – соответственно, лижемской[532], а в Купецкой и Нигижемской волости Шальского погоста – купецкой и нигижемской. Деревни вокруг центра погоста объединялись в роту, называвшуюся по названию погоста[533]. В иных случаях, роты обозначались по и званию и имени командира: рота капитана Якова Нютина[534], капитана Еремея Пятого Туломозерской волости[535], рота майора Роберта Алета[536], рота подполковника Гуго Краферта[537] и др. В своей отписке подполковник Христофор Трейден о сыске беглых в Сямозерской волости обозначает одну из рот именно как свою: *«да в моей же подполковниковой роте умер салдат полковой нетчик Самылка Михайлов»*[538].

Очевидно, что в ротах, набранных по территориальному признаку, служили близкие родственники и соседи. В силу общинного характера крестьянской жизни эти землячества в походе становились рассадником мятежных настроений в связи с высокой степенью солидаризации солдатских масс. Данная точка зрения косвенно подтверждается фактами из аграрной истории. Так, М.В. Витов утверждал, что в Заонежских погостах в XVII веке была широко распространена так называемая «большая семья», характеризующуюся с этнографической стороны совместной хозяйственной жизнью разных поколений – отцов и детей, или ведущих общее хозяйство братьев[539]. И.А. Чернякова, исследуя структуру крестьянских семей, их численность и поколенный состав, на основе писцовых книг 1628-1631 гг. и переписей 1646 и 1678 гг. пришла к выводу, что в течение XVII века происходило изменение демографического облика крестьянского двора за счет усложнения его структуры – преобладания одно-двухпоколенных семей и его постепенного укрупнения с начала 1630-х гг. и до конца столетия. Это объясняется изменением фискальной политики государства. В 1628-1631 гг. в Заонежских погостах произошли изменения системы взимания податей, когда

---

532 Архив СПбИИ РАН. Ф. 98.. К. 3. Д. 20. Сст. 54.
533 Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 12.
534 Там же. К. 1. Д. 114. Сст. 3 об.
535 Там же. К. 4. Д. 6. Сст. 14.
536 Там же. К.1. Д. 67. Сст. 35.
537 Там же. Д. 80. Сст. 22.
538 Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 94-95.
539 Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII веков. М., 1962. С. 129, 142.

главным объектом фискальной политики правительства стала не земля, а двор: была введена живущая выть из 15 крестьянских дворов. Доля дворов с однопоколенными семьями снизилась с 71,2 % в 1628-1631 гг. до 16,7 % в 1678 г., а количество дворов с двухпоколенными семьями, наоборот, возросло с 25,7 % до 66,5 % соответственно. Одновременно были весьма распространены братские неразделенные семьи с детьми, также было немало трехпоколенных семей, состоящих из хозяина, сыновей и внуков[540].

Таким образом, традиционно крепкие родственные связи в крестьянском мире вместе с укрупнением семей на протяжении XVII века усиливали сплоченность пашенных солдат в 1654-1666 гг. в походных условиях, особенно с учетом территориального принципа формирования рот олонецких полков «нового строя». Такая сплоченность могла быть причиной солидаризации солдат перед лицом социально-экономических и военных трудностей, которые они испытывали в годы Тринадцатилетней войны. Солидаризация солдатских масс, в свою очередь, существенно облегчала принятие коллективного решения о побеге со службы, руководителем которого становились наиболее опытные и авторитетные бойцы – капралы, каптенармусы, и, особенно, сержанты.

Вместе с тем, высокая степень должностной ответственности с одной стороны, и преступная роль организатора побега с другой, предполагали более суровые, в сравнении с рядовыми, наказания. Сержанты, например, за халатность в деле сыска, за ненайденных дезертиров могли быть поставлены на правеж, как это сделал в октябре 1660 года в Оштинском погосте сыщик новокрещен (принявший православие служилый иноземец[541]) Ивашко Мевкелев[542], а за организацию массового побега могли быть повешены, как сержанты полка Ягана Трейдена Мирошка Осипов и Климка Федоров в июне и августе 1662 года.

Таким образом, балансирование между служебными воинскими обязанностями и чувством солидарности с земляками-солдатами есть суть социально-ролевого дуализма сержантов. Увеличение масштабов дезертирства, в

[540] Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох… С. 114-117.
[541] Малов А.В. Основные проблемы строительства вооруженных сил России... С. 165.
[542] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 38.

том числе организованного, в 1660-е годы показало нарушение данного баланса: управленческая опора, на которую надеялись офицеры, по сути своей стала нелояльной и опасной массой, угрожающей боеспособности армии[543].

§ 2. Борьба с дезертирством

Олонецкие полки в военно-правовой системе Русского государства: наказания за дезертирство

В период Тринадцатилетней войны решение правовых вопросов осуществлялось на основе Соборного Уложения 1649 года – основного свода законов Русского государства. Появление первого со времен Судебника 1550 года собрания норм общего права было обусловлено, по мнению А.Г. Манькова, изменениями социального и политического строя и началом консолидации сословий[544]. Что касается правовых изменений в положении ратных людей, то Соборное Уложение четко не разграничило нормы, распространявшиеся на служилое и неслужилое население страны. Это было связано с особенностями общественной структуры. Так, по замечанию авторов «Комментариев» к публикации Уложения 1987 года, отношение к военной службе служилых людей «по отечеству», являвшихся до распространения полков «нового строя» ядром армии, определялось их отношением к земельной собственности. В период их нахождения вне этой службы они не подлежали компетенции военного права, так же как и стрельцы, которые вне времени военных действий ведались в Стрелецком приказе и не входили в юрисдикцию общевойсковых властей. По сути, армия превращалась в единое целое, подверженное сфере действия военного права, лишь во время войны[545]. В Соборном Уложении 1649 года большая часть вопросов, сопряженных с военной службой была сведена в отдельную 7 главу «О службе всяких ратных людей Московского государства». В ней же были прописаны нормы, связанные с бегством и уклонением от службы. Кодификация

---

[543] Бочкарев А.С. Дезертирство и дуализм социально-ролевых функций младшего командного состава олонецких полков «нового строя» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 2. С. 95.
[544] Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 40.
[545] Комментарии // Соборное уложение 1649 года… С. 163.

различных «антидезертирских» норм в Уложении позволила определить побег как правонарушение, дать ему характеристику и конституировать наказания за его совершение.

Итак, 7 глава содержит 32 статьи, из которых 12 посвящены делам, связанным с дезертирством (статьи 8, 9, 20), уклонением и незаконным отпуском воеводами ратных людей. Непосредственно побеги со службы в тексте классифицируются по «способу» их совершения (побеги из полков, с поля боя или с переходом к неприятелю[546]), и, что очень важно, по сословной принадлежности дезертиров (в частности, разграничение служилых людей «по отечеству» и «по прибору»). В целом побег как правонарушение в документе определяется по формальному признаку, то есть за самовольное покидание войска в любом случае предусмотрены различные наказания в виде денежных санкций, конфискации имущества, лишения свободы, битья кнутом или батогами, и, наконец, смертной казни.

Сословные различия между дезертирами напрямую влияли на наказание. Беглые дворяне и дети боярские получали определенное количество ударов кнутом[547], а затем высылались на службу[548], и с каждым новым побегом лишались части поместного оклада, на третий раз с полной конфискацией поместья[549]. Между прочим, практика отъема поместья у нетчиков существовала как минимум с середины XVI века[550]. Показательно, что Уложение предусматривает вероятность совершения нескольких побегов со службы: это говорит не столько о высокой степени распространения дезертирства в войсках поместной конницы, сколько об осознании правительством его неспособности традиционными мерами преодолеть кризис поместной системы, который и являлся одним из факторов дезертирства служилых людей «по отечеству». К слову, назвать человека

---

[546] Соборное Уложение 1649 года... С. 25-26.
[547] О телесных наказаниях нетчиков – дворян и детей боярских подробнее см.: Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. – М., 2016. С. 283.
[548] На практике к телесным наказаниям могло добавляться тюремное заключение, как например по царской грамоте от 31 мая 1661 года, когда калужскому воеводе князю Никите Яковлевичу Львову за дезертирство и уклонение от службы дворян и детей боярских предписывалось перед высылкой в войска сажать в тюрьму *«дни на два и на три»* (ПСЗРИ. Т. 1. С. 530).
[549] Соборное Уложение 1649 года... С. 25.
[550] ДАИ. Т. 1. С. 150.

«беглецом», если он все же не сбежал с поля битвы, являлось бесчестьем, и оскорбленные тратили немало сил на опровержение обвинения, указывая на свою и своей семьи многолетнюю верную службу[551].

Стрельцам, казакам, служилым иноземцам и даточным людям за бегство со службы полагались телесные наказания в виде битья кнутом и денежные взыскания в размере выданного жалованья (за беглых даточных жалованье «правили» с их помещиков по 20 рублей за дезертира) с последующей высылкой обратно на службу в сопровождении приставов[552]. Поскольку олонецкие полки «нового строя» начали формироваться несколько позже опубликования Соборного Уложения, то правовая база, регламентирующая их службу, которая могла бы войти в текст закона, еще не успела сложиться. Поэтому вопросы, связанные с дезертирством пашенных солдат решались путем оперативного реагирования – выходом отдельных указов по каждому случаю, тем самым выкристаллизовывая прецедентную следственную практику. Однако, являясь частью вооруженных сил, олонецкие полки стали и частью военно-правовой системы, установленной в армии, поэтому на пашенных солдат также распространялись нормы Уложения. Например, к ним применялись взыскание штрафов и высылка дезертиров обратно на службу, с той разницей, что денежное жалованье, унесенное беглым солдатом, «правили» на его ближайших родственниках[553].

Наиболее суровое наказание в соответствие с Уложением накладывалось за побег в стан противника (особенно если беглец был носителем важных военных сведений), в этом случае не делалось социальных различий между дезертирами. Перебежчикам в любом случае грозило повешение *«против неприятельских полков»* и конфискация всего имущества[554]. Интересно, что в 1656 году во время осады Юрьева-Ливонского поручик полка Томаса Краферта новокрещен Давыдко Лунд переметнулся к шведам и раскрыл информацию о подкопе под стены

[551] Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 202.
[552] Соборное Уложение 1649 года... С. 25.
[553] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 128 ; Архив СПбИИ РАН. Ф.98. К. 4. Д. 1. Сст. 92.
[554] Соборное Уложение 1649 года... С. 26.

крепости, который велся из шанца полка Александра Гамильтона. Позже, при капитуляции Юрьева-Ливонского, Давыдко Лунд был захвачен и казнен как изменник[555].

Таким образом, для каждой группы ратных людей наказания за бегство со службы сводились, в основном, к материально-финансовым взысканиям. Это не позволяет отнести дезертирство к уголовным преступлениям. Опираясь на Н.Ш. Коллманн, выделяющей в русской судебной практике XVII века триаду «правонарушения, преступления и преступления высшего порядка»[556], дезертирство стоит примерно между правонарушением и преступлением, так как, с одной стороны, за его совершение предусматривались имущественные и денежные взыскания, а с другой – побеги (особенно массовые) некоторым образом затрагивали государственные интересы, так как были одной из причин падения дисциплины и боеспособности армии.

Возвращаясь к анализу 7 главы Уложения «О службе всяких ратных людей Московского государства», нельзя не заметить, что гораздо большее внимание, в сравнении с наказаниями за побеги, составители уделили мерам по предупреждению дезертирства и борьбе с уклонистами – данным вопросам посвящены 9 статей главы. Поскольку кризис поместной системы в середине XVII века привел к обнищанию части мелкопоместного дворянства, то войска сотенной службы недоукомплектовывались не по причине побегов из полков, а вследствие неявки дворян и детей боярских на предпоходные смотры. Поэтому в текст Соборного Уложения вошли правовые нормы возникшей, как считает В.А. Волков, после Земского собора 1642 года практики, по которой специальными комиссиями разбирались причины неявки того иного человека на службу[557]. Согласно узаконенной процедуре, служилые люди, которым *«за старостию, или за увечьем, или за болезнию на государеву службу идти не мочно»*, должны были составить челобитную с просьбой об их освобождении от воинских обязанностей, а затем в уездном центре пройти специальный осмотр,

[555] Лобин А.Н., Смирнов Н.В. Указ. соч. С. 59.
[556] Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России... С. 53-54.
[557] Волков В.А. Указ. соч. С. 330.

где и принималось решение об их «комиссовании»[558]. В период существования олонецких полков «нового строя» такие осмотры проводились и в отношении пашенных солдат. Раненые солдаты, по которым в погост приходила «высылка» о мобилизации, составляли челобитную об отпуске их от службы, на основании которых они являлись в Олонец, где в съезжей избе в присутствии воеводы «по досмотру» получали или не получали освобождение. Например, в декабре 1660 года больного солдата Оштинского погоста Ладвинской волости Якушко Микитина высыльщик попытался отправить на службу, в ответ на что, солдат составил челобитную, где сообщал, что *«болен ногою и ... службы служить не могу для той болезни»*, и просил для лечения освободить его от службы, *«а как та нога оздоровитце, и я рад служить тебе великому государю».* После 5 декабря 1660 года, по результатам досмотра в Олонце, Якушко Микитин был освобожден от службы *«до государева указу, покамест выздоровиет»*[559].

Подтвердив факт своей неспособности нести военную службу, служилый человек (дворянин или сын боярский) выставлял вместо себя *«братии и племянником и внучатом беспоместным, которые в государеву службу поспели»*. При отсутствии подходящих родственников, служилые люди выставляли *«на государеву службу даточных людей, или денги, смотря по их поместьям и вотчинам и по прожитком»*[560]. Подобная практика была распространена и в Олонецком уезде. Законным способом освобождения от службы было заключение договоров найма с лицами, готовыми нести службу за нанимателя. Д.В. Брусницына подробно исследовала институт наймитов и пришла к выводу, что сама идея найма солдат вместо тех, кто по разным причинам не мог нести службу, пришла в голову олонецким воеводам Ф.Ф. Волконскому и С.П. Елагину еще в 1649 году. В ходе записи крестьян в солдаты выяснилось, что часть крестьянских семей не имеет возможности дать армии ни одного солдата: это старики, бездетные вдовы, вдовы с малолетними детьми или больные, увечные крестьяне. Со временем это трансформировалось в распространенную практику

[558] Соборное Уложение 1649 года... С. 25.
[559] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 82. Сст. 50-51 об.
[560] Соборное Уложение 1649 года… С. 26.

среди военнообязанных крестьян[561]. Кстати, подобная практика найма в середине XVII века распространилась и в Швеции, особенно среди финнов. Судя по всему, к шведскому варианту института «наймитов» население прибегало и в первой половине столетия, однако лишь при правлении короля Карла X Густава такая практика была официально узаконена[562].

Главную ответственность за поддержание дисциплины, предотвращение дезертирства и борьбу с ним Соборное Уложение возлагало на командиров разных уровней. Во-первых, воеводам запрещалось распускать полки со службы без царского указа; в случае нарушения данной нормы (с учетом «отягчающих» обстоятельств, если воеводы «имали» посулы и поминки), они должны были подвергнуться *«жестокому наказанию, что государь укажет»*. Во-вторых, сотенным головам запрещалось отпускать подчиненных из сотни, опять-таки, без государева указа или воеводского разрешения. Нарушение данного запрета влекло уже более определенное наказание: *«бити батоги, да вкинути в тюрму, чтобы на то смотря иным сотенным головам неповадно было так делати»*[563]. Относительно ответственности командиров олонецких полков «нового строя» за побеги солдат в имеющихся источниках не сохранилось какой-либо информации. Вероятно, ответственности они и не несли, поскольку новое оружие и тактические системы, представленные в рассматриваемое время в Русском государстве, как считает У.М. Регер, делали из европейских офицеров, обучавших и возглавлявших полки «нового строя», важнейший компонент российских военных инноваций XVII века[564]. Вероятно, вина за побеги возлагалась на воевод. Например, в октябре 1664 года в Витебск была послана государева грамота, по которой тамошний воевода, стольник Яков Волконский, за задержку транспортировки хлебных запасов в Полоцк назначался ответственным в случае дезертирства полоцкого гарнизона от «хлебной скудости»: *«ему* [Волконскому] *за*

---

[561] Брусницына Д.В. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649-1666)… С. 73-84.
[562] Lappalainen J.T. Elämää suomen sotaväessä Kaarle X Kustaan aikana... S. 32-33.
[563] Соборное Уложение 1649 года... С. 26.
[564] Reger IV W.M. Op. cit. P. 214.

то от великого государя указ будет, смотря по делу, от чего тому учинится поруха»[565].

Внеочередной отпуск или освобождение от службы Соборное Уложение все же предусматривало, но только тем ратным людям, которые *«учнут бити челом бояром и воеводам о отпуске з государевы службы, своим домовным разорением, или людским побегом, или иным каким самым нужным делом».* Для принятия воеводой решения об отпуске претенденту следовало подтвердить его основание. В остальном такой запрет был вполне ясен: в условиях активной фазы боевых действий это напрямую влияло на боеспособность частей[566]. Нечто подобное практиковалось и в отношении олонецких солдат, с той разницей, что дела об освобождении солдат от службы проходили не через полковников, и даже не через командование Новгородского разрядного полка, а через олонецкую воеводскую администрацию. Так, в 1658 году в Олонецкую воеводскую избу с коллективной челобитной обратились «погорелые» солдаты Усть-Колодской волости Пудожского погоста, проходившие службу в Олонце, Алешка Яковлев и Якушко Костянтинов, с просьбой освободить их от службы. По сообщению челобитчиков, во время Петрова поста (конец июня – начало июля) в их деревне Миковской[567] случился пожар, в результате которого полностью выгорело шесть дворов. Лишившись имущества, их жены и дети *«скитаютца в мире меж дворы наги и босы, гладом помирают»*, а сами солдаты *«тоже бедны ... обув худа, приходит время зимнье, а купить нечим».* В результате Алешке Яковлеву и Якушке Костянтинову удалось получить отсрочку от службы сроком на полгода[568]. Позднее, в 1664 году по челобитной солдат и драгун Лижемской волости Кижского погоста Терешки Чуплова, Фетки Еромолина и Ефимки Насонова о том, что им «с братею» не досталось деревенских участков и им приходится служить беспашенными, они просят дать им *«черную землю лесом порослую в пашню, селгу на Торпе-ручьем мерную»* и предоставить налоговые

---

565 РИБ. Т. 11. С. 58-59.
566 Соборное Уложение 1649 года… С. 25.
567 Название деревни определено по переписным книгам Ивана Дивова (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 243).
568 Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 83. Сст. 5-5об.

льготы. В итоге власти не только распространили на них льготное налогообложение *«для дворового строения и земляные роспашки»,* но и освободили их от службы на три года[569]. Таким образом, челобитчики, получив отпуск, более в армию не призывались, ведь олонецкие полки были расформированы уже в 1666 году, менее чем через два года после принятия решения по данной челобитной. В сравнении с ситуацией полугодовой отсрочки от службы «погорелым» солдатам Пудожского погоста, предоставление льгот и освобождение от службы на целых три года кижских солдат и драгун кажется весьма странным. Но мы можем предположить, что война со Швецией 1656-1658 гг. побуждала олонецких воевод использовать все ресурсы для укомплектации полков, и даже такое страшное для крестьянина бедствие, как пожар, не было основанием для предоставления длительных отсрочек от службы. Но в 1664 году на завершающем этапе войны с Речью Посполитой, в связи с сокращением численности олонецких пашенных солдат и вследствие накопления социального недовольства солдатчиной, власти были вынуждены вести более гибкую и лояльную политику в отношении солдатского населения, что само собой подразумевало смягчение оснований для отсрочки от мобилизации.

Наконец, стоит сказать о наказаниях за укрывательство. В Соборном Уложении нет норм, санкционирующих наказание за укрывательство дезертиров, однако военно-правовая практика показывает ужесточение репрессий за сокрытие беглых солдат в 1662-1712 гг., что вероятнее всего, связано с все более широким привлечением податного населения к военной службе и установлением жесткого государственного контроля над ним. За укрывательство разбойников и татей Соборное Уложение предусматривало штраф в 10 рублей[570]. Та же самая сумма выплачивалась укрывателями олонецких беглых солдат еще в 1662 году[571]. Кроме того, укрывательство дезертиров в 1660-е гг. наказывалось принудительной отправкой укрывателей в армию. Так, 6 сентября 1664 года тверских посадских людей, у которых жили беглые солдаты, выслали на службу в полк к воеводе

[569] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 100. Сст. 1-3.
[570] Соборное Уложение 1649 г. … С. 119.
[571] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 165.

Петру Алексеевичу Долгорукову; а 27 сентября того же года в Можайске беглых солдат вместе с их укрывателями отправили в гарнизон Смоленска[572]. Однако, еще в 1658 году, согласно царскому указу, посланному в Белозерский уезд, посадских и уездных людей, укрывавших беглых солдат и драгун, ждала смертная казнь[573]. В январе 1663 года по царской грамоте олонецкому воеводе Т.В. Мышецкому предписывалось лиц, укрывавших беглых, казнить, их жен и детей ссылать в Сибирь, а имущество конфисковать[574]. В то же время, часть указа января 1663, связанная с высылкой жен и детей укрывателей беглых солдат в Сибирь, стала одной из сторон развития системы ссылки, которая применялась по отношению к крестьянам, по словам Н.Ш. Коллманн, еще с 1590-х гг., когда государство насильно переселяло крестьянские общины в Сибирь для освоения и обработки земли. В XVII веке по мере активной восточной колонизации это стало особенно актуально[575]. Ситуация в Олонецком уезде 1663 года выглядит сравнительно сурово, но в целом согласуется с тенденцией ужесточения законодательства, поскольку в начале XVIII века, указом Петра I от 11 марта 1712 года укрывательство беглых солдат везде стало караться смертью[576].

Рассматривая правовые меры воздействия на дезертиров во время Тринадцатилетней войны, следует посмотреть на то, как законодательно боролись с бегством со службы в стане противника – Речи Посполитой и Швеции.

Основной закон Речи Посполитой в середине XVII века – Литовский статут 1588 года. Он, как и в целом, российское Соборное Уложение предусматривает для сбежавшей с поля боя или самовольно покинувшей войска шляхты, социально-экономические санкции, то есть конфискацию поместий и утрату чести («О обороне земской», артикулы 10 и 14)[577]. На деле, очевидно, меры борьбы с бегством были более суровыми. Например, по информации П. Гордона,

---

[572] РИБ. Т. 11. С. 8, 24.
[573] ААЭ. Т. 4. С. 147.
[574] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 173.
[575] Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России... С. 316.
[576] ПСЗРИ. Т. 4. С. 818.
[577] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Т. 3. Мінск, 2010. С. 568; о концепции «чести» в раннее Новое время подробнее см.: Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. 459 с.

служившего в 1656-1661 гг. в польско-литовских войсках, дезертиров ждало повешение[578].

В шведской армии, как было упомянуто в первой главе, с 1621 года действовал Военный Артикул – целый военно-правовой комплекс, созданный при участии короля Густава II Адольфа и состоящий из нескольких разделов, включавших, в частности, свод военно-уголовных законов[579]. По 31 и 32 статье Артикула, дезертирство являлось уголовным преступлением и каралось смертью. За бегство подразделения с поля боя применялась децимация – казнь каждого десятого бежавшего солдата по жребию. В то же время судья (в Швеции XVII века была относительно хорошо развита военная юстиция) оставлял за собой право на помилование[580].

Выраженное сходство норм Соборного Уложения 1649 года и Литовского статута 1588 года относительно борьбы с дезертирством объясняется восприятием литовских законов при составлении Уложения[581]. Но более важны различия русского и литовского военного законодательства со шведским. Позиционирование в Военном Артикуле дезертирства как уголовного преступления и смертной казни за него говорит не столько о германских источниках шведского устава[582], сколько о попытке Густава II Адольфа установить жесткий контроль над «национальным ядром» армии и в правовом отношении соответствовать ходу западноевропейской «военной революции».

Но вернемся к русскому праву. Если говорить о соразмерности правонарушения и наказания, то мы видим, что дезертирство в русской армии не считалось тяжкими преступлениям, так как наказывалось, в основном, денежными штрафами или телесными наказаниями. Несмотря на зафиксированные в источниках факты казни олонецких солдат за бегство, справедливости ради, отметим, что по большей части они относятся к октябрю

---

[578] Гордон П. Дневник, 1659-1667... С. 56.
[579] Бобровский П.О. Старо-шведское военное право... С.7.
[580] Utkast till Krigs-Artiklarne, utfärdade den 15 Juli 1621 // Konung Gustaf II Adolfs skrifter. Stockholm, 1861. S. 246-247.
[581] Коллманн Н. Преступление и наказание в России... С. 291-292.
[582] Бобровский П.О. Старо-шведское военное право… С.7.

1662 года, на излете расследования массовых летне-осенних побегов[583]. Из-за большого распространения дезертирства и уклонения от военной службы в русской армии, государство зачастую было вынуждено ослаблять карательные меры для сохранения необходимых контингентов войск. Это означало замену смертной казни ссылкой, возможностью ограничиться вынесением предупреждения[584], или поимкой и отправкой обратно в полк под конвоем.

Система сыска и возврата в строй беглых солдат

Исполнение прописанных в Соборном Уложении 1649 года норм, направленных на противодействие дезертирству, возлагалось на различные военно-административные органы, в том числе полковое и уездное руководство. В отношении олонецких солдат это подразумевало работу на оперативном уровне, то есть с применением механизмов, представлявших собой комплекс последовательных административно-полицейских мероприятий, направленных на розыск и возврат в войска дезертиров. Данные механизмы имели общие для всей армии корни, они не были статичными, а развивались и претерпевали внутренние изменения, особенно в сложных условиях Тринадцатилетней войны 1654-1667 гг.

По всей вероятности, система сыска и возврата в строй нетчиков и беглых изначально использовалась в отношении дворян и детей боярских. По мнению В.А. Волкова, ее генезис относится к концу XVI – началу XVII вв., когда затяжная Ливонская война 1558-1583 гг. и тяжелая Смута начала XVII века привели к большим масштабам дезертирства и необходимости принятия мер по борьбе с ним[585]. В дальнейшем активное применение данной система приходится на начало 1640-х гг. – трудный в материально-экономическом плане период для уездного дворянства. Беспрестанная служба по обороне южных границ, требовавшая значительных сил и средств, а также «хлебный недород» и «скотский падеж» 1640-1644 гг. разоряли мелкопоместных и беспоместных дворян (дворян и детей боярских северо-западных уездов с 1630-х гг. перестали привлекать к охране

[583] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 188 ; АМГ. Т. 3. С. 496.
[584] Калинычев Ф.И. Указ. соч. С. 156-157.
[585] Волков В.А. Указ. соч. С. 329.

южных рубежей)[586]. Дезертировало не только провинциальное дворянство, но и московские чины. В 1640 году согласно грамоте царя Михаила Федоровича владимирский воевода М.В.Щетинин (вполне возможно, что подобные документы были разосланы и по другим Замосковным уездам) должен был отправить в уезд пушкарей и затинщиков для высылки самовольно покинувших службу стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов обратно на службу, а в качестве штрафа с них компенсировать «прогоны» – расходы на дорогу пушкарей и затинщиков. В случае отказа вернуться в строй следовало *«взяти людей их и крестьян по два человека… в Володимере посадить в тюрьму»*[587].

В 1654 году с началом русско-польской войны и первыми побегами олонецких солдат из-под Витебска правительство вновь обратилось к проверенной схеме борьбы с нетчиками. Но, по мере своего функционирования в Олонецком уезде, она обрела специфику, связанную особенностями правового обеспечения розыска, коммуникации военно-административных институтов, должностных лиц, задействованных в сыскной работе и отношением карельских крестьян к военной службе.

Старт разыскным мероприятиям давался после установления факта побега. Получив информацию о дезертирах, командование полка самостоятельно предпринимало меры по поимке «полковых беглецов»: формировало офицерскую группу для погони и поимки по горячим следам[588]. Примерно, то же самое делалось при побегах из гарнизона, но в этом случае розыском руководил местный воевода, который отряжал для поимки служилых людей «по прибору», например казаков[589].

В ситуациях, когда быстро поймать дезертиров не удавалось, то в действие приводилась система сыска, на организационном уровне основанная на взаимодействии командования конкретного олонецкого полка, командования

---

[586] Козляков В.Н. Служилые люди России XVI-XVII веков... С. 189; Лобин А.Н., Смирнов Н.В. Указ. соч. С. 26.
[587] РИБ. Т. 10. С. 223-224.
[588] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 123 (Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б.А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонецких солдат, с предложением репрессий против беглецов).
[589] Там же. С. 132 (8-12 сентября 1662 г. Следственное дело о побеге и поимке солдат с Опочки).

Новгородского разрядного полка и олонецкой воеводской администрации[590]. Д.В. Брусницына в своей диссертации уделила внимание некоторым частным случаям, связанным с особенностями коммуникации между данными учреждениями[591]. Здесь стоит сказать, что наш анализ межведомственной переписки выявил определенный порядок общения между ними в направлении розыска беглых солдат. Обнаружив факт дезертирства, в полку составлялась отписка о бегстве солдат с указанием даты, обстоятельств побега и количеством сбежавших, к которой подшивались *«именные росписи»* или *«нетные списки»*, содержащие имена солдат и места их проживания в Олонецком уезде[592]. Вместе с «именными росписями» и «нетными списками» применялись переписные книги Федора Волконского (1649 г.)[593], Ивана Дивова (1657 г.)[594], Сергея Малово (1658 г.)[595], Петра и Елисея Зиновьевых (1663 г.)[596]. Иногда для сверки солдатских списков из олонецкой съезжей избы в действующую армию направляли подьячих[597].

Затем перечисленные выше документы направлялись от полковника к воеводе Новгородского разрядного полка. Он назначал *сыщиков* – специальных должностных лиц, облеченных обязанностями сыска и возврата в строй беглых солдат. Сыщики являлись представителями служилого сословия и были ключевыми оперативными работниками всей разыскной системы. Снабженные соответствующими документами, сыщики поступали под руководство олонецкого воеводы, который должен был координировать их действия в уезде в наказных памятях на места старостам погостов и волостей. Сыщики, в свою очередь, в отписках отчитывались перед олонецким воеводой о ходе разыскных

---

590 Бочкарев А.С. Дезертирство и сыск беглых солдат олонецких полков «нового строя» в 1660-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. №. 3. С. 282-284.
591 Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 157-173.
592 Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 16. Сст. 1 ; РГАДА. Ф . 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 65-66 об.
593 Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 110.
594 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. 1130 л.
595 Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 158.
596 Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 185 (После 10 января 1664 г. Отписка воеводы Олонецкого уезда Василия Александровича Чоглокова и дьяка Дружины Протопопова воеводе Новгородского полка боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому о высылке первой трети драгун и солдат после их разбора в 1663 г.).
597 Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Сст. 1.

мероприятий, а он сообщал о результатах сыскной работы уже воеводе Новгородского разрядного полка.

Очень важно рассмотреть вопрос кадрового состава института сыщиков, поскольку изменения, произошедшие в нем за годы русско-польской и русско-шведской войн, могут углубить наше представление о восприятии современниками остроты проблемы дезертирства.

Отделить сыск от высылки, считает Д.В. Брусницына, очень сложно[598]. Однако при исследовании штата системы сыска беглых солдат следует опираться на тексты источников и разделять по смыслу термины «высыльщик», то есть человек, занимающийся мобилизацией, и «сыщик», – тот, кто ловит дезертиров. Несмотря на периодическое совмещение обязанностей по обеспечению призыва или розыска, которое можно отследить в документах, мы сосредотачиваем внимание именно на сыскной работе и фиксируем человека, если он занимался данной деятельностью.

За годы Тринадцатилетней войны в качестве сыщиков выступали различные категории служилых людей: начальные люди олонецких и других полков, дворяне и дети боярские, новокрещены (здесь мы не учитываем младших членов разыскных групп – олонецких сержантов, стрельцов, пушкарей, посадских людей и старост). Степень присутствия тех или иных категорий в разыскной системе со временем менялась. В источниках до нас дошли некоторые имена людей, в разное время занимавших должности сыщиков. Это офицеры олонецких полков подполковник Христофор Трейден[599]; майоры Малафей Бахтияров[600] и Устин Мещеринов[601]; капитаны Василий Мячков[602], Автамон Кудрявого[603], Алимпей Волутин[604], Анц Шульц[605] и Федор Дрейзен[606]; поручики Демьян Стасов[607] и

---

[598] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 160.
[599] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 94.
[600] Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 93.
[601] Там же. К. 3. Д. 20. Сст. 66 ; Д. 82. Сст. 3.
[602] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 2.
[603] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 81-82, 90, 96.
[604] Там же. Сст. 18.
[605] Там же. Сст. 36-37.
[606] Там же. К. 3. Д. 83. Сст. 32.
[607] Там же. Сст. 8.

Микифор Петров сын Никулин[608]; прапорщики Макарий Брюхов[609] и Любим Салтанов[610]; рейтарский ротмистр Феклист Ласунский[611]; дворяне Еремей Мартьянов[612], Богдан Ефимов[613], Степан Белеутов, Дмитрей Болнянинов и Федор Мяхкой[614]; новокрещены Иван Лукьянов[615], Богдан Тахташев, Петр Зенебяков[616], Иван Мевкелев[617], Харлам Васильев сын Мевкелев[618], Иван Логинов[619], Иван Лукьянов[620] и Онтон Илметев[621]; подьячие Степан Ижорин[622] и Иван Черкасов[623].

Первый человек, занимавшийся сыском беглых олонецких солдат, зафиксированный источниками – это подьячий олонецкой съезжей избы Степан Ижорин. Из его челобитной о прибавке годового денежного оклада, выясняется, что в октябре 1654 года в одном только Олонецком погосте он разыскал 96 солдат, сбежавших из армии В.П. Шереметева. Причем Ижорин работал довольно усердно, так как, по его словам, до него в погост были посланы многие сыщики, но *«не сыскали ни одного человека, неведомо для чего»*, а он нашел, потому что *«имал тех беглых салдат по лесом»*[624].

В 1655-1660 гг. в основной массе сыщиками являлись начальные люди олонецких полков. Они условно составляли *разыскные полковые группы*, то есть офицеры от каждого полка, и возглавляемые ими более многочисленные *группы сыщиков*, состоящие из офицера и приданных ему сержантов и приставов. Так, мы знаем, что в 1660-е гг. разыскной группой полка Ягана Трейдена руководил подполковник Христофор Трейден, а полка Томаса Гейса – майор

---

608 Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Сст. 97.
609 Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 26, 60, 62, 64, 66, 69, 75, 77, 84.
610 Там же. Сст. 20.
611 РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 65-66 об., 127-127 об., 155, 160-160 об., 162-163.
612 Там же. Л. 7.
613 Там же. Л. 8.
614 А.Ю. Олонецкие полки… С. 101 (Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя»).
615 Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 25.
616 Там же. К. 2. Д. 74. Сст. 2 об. ; К. 4. Д. 1. Сст. 6, 40, 42.
617 Там же. Д. 1. Сст. 19.
618 Там же. Д. 1. Сст. 4.
619 Там же. Д. 1. Сст. 11.
620 Там же. Сст. 14.
621 Там же. К. 3. Д. 20. Сст. 23.
622 Там же. К. 2. Д. 75. Сст. 1.
623 Там же. К. 4. Д. 5. Сст. 1.
624 Там же. К. 2. Д. 75. Сст. 1-2 об.

У.С. Мещеринов. Помимо руководства офицерами, командиры групп самостоятельно проводили розыск[625].

Осуществление сыска силами начальных людей олонецких полков, скорее всего, связано с их знанием личного состава, ведь они были расквартированы в Заонежских и Лопских погостах, то есть непосредственно контактировали с пашенными солдатами и обучали их. Перекрестный анализ отписок сыщиков и сметных списков Олонецкого уезда показал, что начальные люди осуществляли розыск дезертиров только своего полка, и каждый работал на территории, ограниченной одним погостом (сопоставление отписок с бюджетами проясняет и вопрос распределения погостов между полками в сфере мобилизации). Исключение составляли Лопские погосты: из-за низкой плотности населения их обширную территорию объезжал только один сыщик. К примеру, в сентябре-октябре 1660 года розыском там занималась лишь группа прапорщика Макария Никитича Брюхова из полка Томаса Краферта. Они искали солдат, сбежавших во время отступления Новгородского разрядного полка из Литвы летом 1660 года[626].

Факт назначения сыщиков по конкретным погостам и рабочее взаимодействие между ними иллюстрирует отписка майора У.С. Мещеринова из полка Томаса Гейса. В ходе разыскных мероприятий, о которых говорилось в предыдущей главе в контексте истощения мобилизационного ресурса Олонецкого уезда, в Оштинском и Мегорском погостах, был пойман драгун Игнашко Микитин Скороход из Алмозерской волости Вытегорского погоста, пришедший *«на Ошту для работы»*. В целях проверки правдивости показаний, Игнашко был с отпиской и поручной записью препровожден к майору Малафею Бахтиярову, занимавшимся розыском дезертиров в Вытегорском погосте[627]. Отписка Мещеринова в данном случае показывает еще и то, что беглые солдаты хорошо знали, как работает система сыска. В том числе, они были в курсе, что за одним сыщиком (который имел на руках «нетные росписи» с именами беглецов), был закреплен один погост, поэтому, чтобы не попасться, дезертиры переходили на

[625] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 20. Сст. 66 ; К. 4. Д. 1. Сст. 47.
[626] Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 57-80.
[627] Там же. К. 3. Д. 83. Сст. 42.

сопредельные территории. Именно по этой причине Мещеринову отдали в работу сразу два погоста – Оштинский и Мегорский, так как там он должен был *«сыскивать про всяких служилых людей, которые отбываютчи великого государя службы и* ***перебегаютчи из погоста в погост****»*[628].

Во время русско-шведской войны 1656-1658 гг. мощный всплеск дезертирства среди пашенных солдат вызвал нехватку кадров системы сыска. Олонецкий воевода В.А. Чоглоков был вынужден признать, что у него нет возможности разыскать всех из-за недостатка начальных людей. Об этом он сообщал государю: *«А началных, государь, людей князь Иван Хованский с товарищи и Александр Потемкин для поимки драгунов и салдат… никого не прислали. А у нас, холопов твоих, на Олонце у обоих полков началных людей мало и для сыска и поиска беглых драгунов и салдат в розные Заонежские погосты послать некого»*[629]. Именно в этот период к поимке дезертиров власти стали подключать не только, как раньше, начальных людей олонецких полков, для которых беглецы были зоной ответственности, но и новокрещенов. Так, к 1656 году относится фрагмент некой отписки, в которой сообщается, что новокрещены Богдан Тахташев и Петр Зенебяков, вступив в сговор с беглыми солдатами, не стали высылать их обратно на службу[630]. Но в целом руководство доверяло новокрещенам. В 1660 году полковник Яган Трейден даже просил высылать беглых солдат на службу именно в сопровождении новокрещенов, а не начальных людей олонецких полков[631]. Тогда же к сыску вновь подключились и подьячие[632].

В 1660-1662 гг. произошли основательные корректировки в практике сыска беглых солдат. В конце 1661 – начале 1662 года в рамках мероприятий по выходу из финансового кризиса и восстановлению боеспособности Новгородского разрядного полка по подотчетным уездам были разосланы царские грамоты о новом сборе ратных людей, выплате жалованья и прощении их вины за бегство

---

[628] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 83. Сст. 42.
[629] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 127-128.
[630] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 74. Сст. 2 об.
[631] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С.181.
[632] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 5. Сст. 1-4.

после битвы на Кушликовых Горах[633]. В частности во все пятины Новгородского уезда были высланы дворяне и дети боярские (в Обонежской пятине Заонежской половине работал также губной староста дворянин Алешка Апрелев)[634], а в Олонецкий уезд – отставные дворяне Степан Белеутов, Дмитрей Болнянинов и Федор Мяхкой. Они должны были не только отыскать дезертиров, но и сообщить им царский указ об амнистии за бегство и прибавке жалованья (данный указ мы рассматривали во второй главе)[635]. В рядах сыщиков в это же время появляется рейтарский ротмистр из Новгорода Феклист Ласунский[636]. Из всех начальных людей олонецких полков «нового строя», продолжавших заниматься сыскной деятельностью в 1662 году, в источниках сохранились данные лишь о капитанах пока Ягана Трейдена Василии Мячкове[637] и Автамоне Кудрявого[638].

Изменения в кадровом составе сыскной системы может объясняться уменьшением численности олонецких полков и нехваткой начальных людей на фоне массовых побегов, так как поддержание дисциплины и командование ротами требовало максимального присутствия офицеров в подразделениях, а не их занятости на сыскной службе. Но это не решало проблемы, так как преобладание среди сыщиков дворян, новокрещенов, подьячих и рейтар усиливало коррупцию внутри самой системы сыска. На это прямо указывает отписка воеводы Новгородского разрядного полка Б.А. Репнина царю Алексею Михайловичу от 20 июня 1662 года. В связи с недобором из-за массового бегства солдат, Репнин просит государя прислать московских сыщиков взамен местных, так как последние потворствуют и помогают дезертирам: *«а сыщики тех салдат никоими обычаи нигде сыскать не могут, потому что те беглые салдаты живут*

---

633 АМГ. Т. 3. С. 477.
634 РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 4, 31.
635 Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 101-103 (Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя»).
636 РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 65, 127, 155, 160.
637 Там же. Л. 2, 103.
638 Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 158 (Присылки капитана Автамона Кудрявого).

по лесом и бегут в розные места, ***а норовят тем салдатом они ж, сыщики****, потому что они одне новгородцы друзья и хлебояжцы»*[639].

На кадровые изменения могло повлиять и нежелание части начальных людей олонецких полков заниматься розыском беглых солдат. В делопроизводственной документации Разрядного приказа сохранился черновик отписки воеводы Б.А. Репнина к его сыну Ивану, воеводе Великого Новгорода, в котором говорится о необходимости применения дисциплинарных мер к сыщику полка Ягана Трейдена капитану Василию Мячкову. По довольно лаконичному содержанию данной отписки можно понять, что в сентябре 1662 года Мячков отказался от своих обязанностей сыщика, а также что *«он не хочет быть на государеве службе».* В связи с этим к нему, находящемуся в гарнизоне Ровно, было приказано *«послать из Новагорода в Ровно пристава и велеть его, Василья, прислать ко мне* [к Репнину], *сковав, не мешкая ни часу»*[640].

Изменение оперативного аппарата системы сыска в начале 1660-х гг. сопровождалось и сокращением числа сыщиков. Оно, в свою очередь, привело к расширению районов розыска для отдельно взятой сыскной группы. Такая практика, по-видимому, постепенно стала внедряться еще в октябре-ноябре 1660 года в качестве дополнительной меры, когда новокрещен Иван Мевкелев был отправлен в Важинский, Мегорский и Оштинский погосты[641], новокрещен Харлам Васильев сын Мевкелев – в Вытегорский и Андомский погосты, а подьячий Иван Черкасов – в Шуйский, Кижский, Шунгский и Выгозерский погосты и Кузарандскую волость Толвуйского погоста. Но деятельность, например, Черкасова сводилась к доделыванию работы капитанов, поручиков и новокрещенов, посланных туда в 1659/60 и 1660/61 гг., то есть сыску и высылке оставшихся не пойманными дезертиров[642]. В 1662 году речь шла уже о более масштабных разыскных мероприятиях. Характерен пример работы Феклиста Ласунского в мае 1662 года. Вместо сложившейся практики «один сыщик – один

[639] АМГ. Т. 3. С. 493.
[640] РГАДА. Ф 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 103.
[641] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 2.
[642] Там же. Д. 5. Сст. 1 ; Наказная память подьячему Ивану Черкасову, о сыске беглых солдат (23 ноября 1660 года) // Олонецкий сборник. Вып. 3… С. 84.

погост», теперь Ласунский работал в большом Выгозерском стане, то есть практически в той же группе погостов, что и Черкасов[643].

Но в результате, передача обязанностей сыска от офицеров олонецких полков к иным, специально назначаемым для этого дела служилым людям, уменьшение числа сыщиков, увеличение объемов разыскной работы, особенно на фоне беспрецедентного роста дезертирства, и, наконец, периодическое совмещение обязанностей сыщика и высыльщика, по нашему мнению, является причиной низкой степени эффективности системы сыска беглых солдат. Из-за этого дезертирство сократить не удалось.

Когда сыщик получал соответствующие документы и вместе с помощниками прибывал в места поиска солдат, в первую очередь он устраивал допросы местных крестьян. Сыщик *«спрашивал у старост, у сержантов и у капралов и у всех волостных людей»* о беглых солдатах и сверял полученные данные с «нетными росписями» и переписными книгами. В процессе члены солдатских семей подавали ему «заручные сказки», то есть подписанные местными священниками записи устных показаний о разыскиваемых солдатах, полученные от пришедших в погост их однополчан, которые затем отправлялись в Олонец для вынесения по ним решения. Показания давались *«по святой непорочной евангельской заповеди Господней и Святого Евангелия, в правду, еже ей, ей»*[644]. Исследователи российского судопроизводства XVII века определяют данную обрядную формулу как напоминание свидетелю о крестном целовании, то есть обязательством говорить правду, как верноподданный царя[645]. «Сказки» обычно составлялись местными церковными дьячками или волостными священниками при понятых-солдатах[646], но в единичных случаях – ротными подьячими, входившими в состав разыскной группы. Об этом свидетельствуют

---

[643] РГАДА. Ф 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 65-66 об.
[644] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 46, 48-49, 60, 68.
[645] Подробнее об эволюции института присяги в XVII в. см.: Заозерский Н.А. О свидетельской присяге в судопроизводстве XVII в.: (Одна из забытых реформ патриарха Никона) // Богословский вестник 1917. Т.2. № 6/7. С. 93-95 ; Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 174-206 ; Королева М.В. Процедуры государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 73-82.
[646] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 55, 57-59.

сохранившиеся материалы о проведении группой подполковника Христофора Трейдена разыскных мероприятий в Крошнозерской и Ведлозерской волостях Олонецкого погоста в октябре 1660 года. В обеих местностях «сказки» составлял один и тот же ротный подьячий Микифорко Александров. Понятые были разные: в Крошнозерской волости это были солдаты Матфейко Яковлев и Петршука Аверинев, а в Ведлозерской волости – солдаты Онтипко Михайлов, Самсонко Сергеев и Еремка Конанов. Заверял же «сказки» в обеих волостях ведлозерский поп (в Крошнозерской волости церкви не было, и местные жители являлись прихожанами соседней Ведлозерской Никольской церкви[647]). Опираясь на установленный в первой главе факт, что одна волость составляла одну роту, логично предположить, что подьячие Крошнозерской и Ведлозерской роты должны быть разные, но мы видим, что в сыске участвовал лишь один Микифорко Александров. А это значит, что он прибыл вместе с Христофором Трейденом, следовательно, был в составе разыскной группы. Кроме того, поскольку местные жители зачастую покрывали дезертиров, то с 1660 года сыщиков инструктировали допрашивать свидетелей «*о побитых и об умерших салдатах… полковых беглецов, которые пришли из полков, а на государеву службу оне наперед сего не высланы или в которых место братья и отцы и их дети высланы»* порознь, чтобы они *«по свойству и по дружбе и для своей корысти, живых в мертвые не сказывали»*[648].

Однако по ходу сыска временами обнаруживались несоответствия документов и фактического положения дел: солдаты, записанные в беглые, на самом деле могли оказаться убитыми, ранеными, плененными или уже несшими службу. Вернемся к вышеприведенному примеру. 8 октября, во время разыскной работы Христофора Трейдена в Крошнозерской волости, солдатский отец Ивашка Агафонов подал подполковнику «сказку», из которой выясняется, что его сын

---

[647] Жуков А.Ю. Становление приходов и волостей в Святозерско-Пряжинском и Крошнозерском ареалах межэтнического контактирования ливвиков и людиков в XV-XVIII вв. // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа. Петрозаводск, 2015. С. 86-87.

[648] Наказная память подьячему Ивану Черкасову, о сыске беглых солдат (23 ноября 1660 года) // Олонецкий сборник. Вып. 3… С. 84-85. Подробнее о взаимоействии приходских священников и дьячков с представителями светской власти см.: Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. С. 69.

Гаврилка Иванов, по какой-то причине попавший в «неты», по информации пришедших в погост из полков И.А. Хованского барабанщика Гаврилки Иванова[649] и солдат Селивонки Конанова и Сергушки Нестерова, *«под городом под Ляховцом[650] на приступе убит до смерти»*[651]. 24 октября уже в деревне Сречное Устье Ведлозерской волости Трейдену подали «сказки» солдатские жены Ульянка Моисеева дочь и Крестинка Степанова дочь о судьбе своих мужей. По информации пришедших в погост солдата Кирилки Михйлова и уже упомянутого барабанщика Гаврилки Иванова, разыскиваемые солдаты Филка Фалелиев и Онтипко Логинов *«на бою под городом Ляховцом литва их взяли в полон»*[652]. 17 октября в Линдозерском погосте сыщиком полка Томаса Краферта прапорщиком Макарием Брюховым были задержаны беглые солдаты из Шуйского погоста, которые на допросе показали, что также записанные в «неты» солдаты-линдозерцы оказались кто убит, а кто оставлен в гарнизонах Полоцка и Бреста во время похода Новгородского разрядного полка 1659-1660 гг.[653]. Ошибочное написание в «нетные росписи» многих солдат говорит о резком нарушении связи между полками и уездом. В данном случае, отступление русской армии из западных земель Великого княжества Литовского вскрыло нестабильность системы по учету личного состава олонецких полков, что только прибавляло работы сыщикам.

Помимо самого розыска, на сыщика по необходимости возлагались обязанности по взысканию с семей беглых солдат «пени великого государя», то есть штрафа за унесенное денежное и вещевое жалованье. В августе 1660 года сыщиком полка Томаса Краферта майором Малафеем Бахтияровым с родственников полковых беглецов Вытегорского и Андомского погостов было сначала доправлено по 2 рубля 10 алтын и 4 деньги с человека (с вытегорцев) и по

---

[649] Это либо полный тезка разыскиваемого солдата, либо, что более вероятно, ошибка писца. Как показывают переписные книги Ивана Дивова, в Крошнозерской волости проживал лишь один Гаврилка Иванов (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 29 об.), а дальнейшие документы Христофора Трейдена по сыску в Ведлозерской волости показывают, что в октябре 1660 года Гаврилко Иванов был жив и находился в Олонецком уезде.
[650] То есть «под Ляховичами».
[651] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 46.
[652] Там же. Сст. 49.
[653] Там же. Сст. 59.

8 алтын (с андомцев), а затем поручители были высланы на службу вместо беглых солдат[654]. Через два года в августе 1662 сыщик ротмистр Феклист Ласунский, наделенный широкими полномочиями сыска беглых солдат и организации нового набора, на родственниках беглых солдат в Шунгском погосте также должен был *«правити государевы жалованные денги и шубы, что оне* [дезертиры], *взяв государево жалованье, из Великого Новагорода сбежали, по пяти рублев с человека да по шубы»*. Здесь речь идет о том самом «великом месячном корме», который был выдан олонецким солдатам по распоряжению воеводы Б.А. Репнина (мы рассматривали эти выплаты во второй главе в рамках мероприятий по выходу из кризиса). Отметим, что штрафы налагались лишь на те семьи, чьих беглых солдат не удалось отыскать. Феклисту Ласунскому в августе 1662 года с крестьян Шунгского погоста получилось взыскать *«денег сто пятьдесят пять рублев да тридцать одну шубу»*, которые были отправлены в Новгород с волостным целовальником[655].

Обнаружив и задержав дезертиров, перед отправкой последних обратно на службу сыщики составляли с солдатскими родственниками поручные записи. Сутью данных документов была дача гарантий со стороны поручителей, что солдат, по которому написана порука, не сбежит с государевой службы; в случае, если солдат совершит побег, вместо него в полки должен был отправиться поручитель. О.Е. Кошелева, исследуя социальные стратегии, применявшиеся в России для защиты от обмана, отмечает, что поручительство со времен Киевской Руси использовалось во всех случаях, где возникал вопрос доверия. Порука связывала людей и государство между собой; за наказуемый поступок одного должен был ответить другой, поэтому поручитель в первую очередь был заинтересован в том, чтобы такой поступок предотвратить: так организовывался

[654] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 92-93.
[655] РГАДА. Ф, 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 128.

социальный контроль[656]. В 1655 году практика высылки ратных людей на службу за поруками была подтверждена указом царя Алексея Михайловича[657].

Д.В. Брусницына классифицировала поручные записи по их содержанию. Историку удалось выяснить, что поручительства составлялись по следующим категориям лиц:

— по солдатам, высылаемым на службу в свою очередь;
— по полковым беглецам;
— по бывшим поручителям, высылаемым в армию вместо дезертиров;
— по наймитам;
— также имела место круговая порука группы солдат[658].

Среди солдатского населения Олонецкого уезда институт круговой поруки применялся повсеместно. А.Ю. Жуков выявил по документам РГАДА 401 поручную запись[659]; Д.В. Брусницына по материалам фонда Олонецкой воеводской избы Архива СПбИИ РАН – 187 поручных записей[660].

После процедуры составления поручных записей следовала отправка беглых солдат обратно в свой полк. Но в случае военной необходимости пойманные дезертиры могли быть присоединены к другим подразделениям. Например, во время русско-шведской войны в ожидании наступления шведов на Олонец, 28 января 1658 года воевода В.А. Чоглоков распорядился найденных дезертиров из Пскова и Лавуи поставить в городской гарнизон: *«има для малолюдства быти на Олонце»*[661]. Вообще, это было, видимо, общеармейской практикой. Еще в 1656 году во время похода князя А.Н. Трубецкого на Юрьев-Ливонский, вооруженный отряд, прикрывающий Гдовский уезд и Сомерскую волость Новгородского уезда был усилен пойманными беглыми сомерскими

656 Кошелева О.А. «Честь» и «порука» – гаранты доверия России Средневековья и эпохи Просвещения [Электронный ресурс]// ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. № 17. 2013. Режим доступа: https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011437.
657 ПСЗРИ. Т. 1. № 154. С. 362-363.
658 Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 179.
659 Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 165-184.
660 Брусницына Д.В. Оформление поручных записей… С. 109.
661 РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 275.

солдатами[662]. А 17 сентября 1661 года Патрику Гордону, служившему майором в полку Даниила Краферта в Москве, отрядили 700 дезертиров сразу нескольких полков, доставленных из разных мест. В обязанности Гордона входило обучение беглых солдат и дальнейшее распределением их по гарнизонам[663].

Оперируя мнением С.Я. Капустина, что наличие поручительства у ответчика в суде (в нашем случае, у беглого солдата, отправляемого на службу), являлось залогом его освобождения от конвоя[664], Д.В. Брусницына утверждает, что дезертиры, по которым после их поимки была составлена поручная запись, возвращались на службу самостоятельно, а те, у которых порук не было, высылались в полки в сопровождении приставов[665]. Действительно, подобное разделение подтверждает отписка капитана полка Ягана Трейдена Анца Шульца, по которой он, найдя в Святозерской волости Олонецкого уезда 10 беглых солдат, 8 из них на службу отправил за поруками, а двоих – с волостными приставами, так как по ним порук не было[666]. Однако тезис, что дезертиры, в отношении которых были составлены поручительства, возвращались на службу самостоятельно, выглядит не совсем убедительно, поскольку обессмысливает их побег. Ведь зачем им было убегать со службы, чтобы потом почти добровольно на нее возвращаться? Большая часть изученных нами документов показывает, что возврат на службу дезертиров – всегда конвоирование[667]. Это значит, что мобилизационная специфика и массовое дезертирство олонецких солдат делало круговую поруку малоэффективным инструментов против бегства.

Высылка дезертиров осуществлялась в сопровождении охраны, которая состояла из волостных приставов, старост, стрельцов, пушкарей, сержантов и капралов олонецких полков, назначаемых сыщиком[668]. Конвоиры также везли с

---

[662] Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества [Электронный ресурс] // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. Режим доступа: http://rusmilhist.blogspot.com/2013/09/xvii.html.
[663] Гордон П. Дневник, 1659-1667. М., 2003. С. 107, 115-116.
[664] Капустин С.Я. Древнее русское поручительство. Казань, 1855. С 18.
[665] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 189.
[666] Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 36.
[667] Наказная память подьячему Ивану Черкасову, о сыске беглых солдат (23 ноября 1660 года) // Олонецкий сборник. Вып. 3… С. 84.
[668] Там же; Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 2, 4-7, 9, 14, 19, 25-26, 82, 91, 93, 96.

собой документы – списки высланных на службу солдат и отписки сыщиков о проделанной работе[669]. Конвои, как правило, были небольшие, от одного до десяти человек, видимо, в зависимости от количества сопровождаемых беглых солдат, хотя скорее это было связано с возможностью выделения нужного количество людей. Один стрелец или волостной пристав мог сопровождать в Олонец как 5, так и 8, 9, или 28 дезертиров[670]. Вдвоем они уже могли сопровождать 89 человек[671]. Во время упоминаемого в предыдущем параграфе побега 300 солдат Шунгского погоста и Кузарандской волости 12 августа 1662 года их сопровождали 2 стрельца (Михалка Симонов и Омоска Марков), 2 волостных пристава (Постник Офонасьев и Гришка Конанов), 2 сержантов (Илюшка Михайлов, Фетька Тимофеев) и 1 каптенармус (Якушко Мартемьянов), всего 7 человек[672]. Кстати, урядники меньшего чина олонецких полков отпускались на сыскную работу только под поруки. Так, 21 июня 1662 года после назначения на сыскную работу в Олонецкий уезд сержанта полка Томаса Гейса Максима Иванова, между ним и его сослуживцами-сержантами была составлена круговая поручная запись, *«что он, сержант, по государеву указу послан из Великого Новгорода в город на Олонец и в Олонецкий уезд… сыскивать салдат и высылать тотчас безсрочно на великого государя службу… и ему с ними, салдата, пришед, в полку явитца»*. Примечательно, что среди поручителей помимо сержантов был даже прапорщик полка Христиана Блюментроста Иван Трофимов сын Аристов, то есть представитель офицерства[673]. По-видимому, это было необходимо для формирования определенной уровня доверия сержанту. Иногда вместе с высылкой на службу беглых солдат, в полки отправлялись и солдаты, призывавшиеся в срок своей перемены. Провожатые тоже могли быть малочисленны. Например, 20 мая 1662 года по «высылке» Феклиста Ласунского с дороги на Олонец сбежало 508 «беглых, отсталых и новоприборных солдат»

[669] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 155-155 об.
[670] Архив СПбИИ РАН. Ф 98. К. 4. Д. 1. Сст. 2, 4-5, 6-7.
[671] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 155-155 об.
[672] Там же. Л. 169-170.
[673] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 147-148 (20-21 июня 1662 г. Поручная запись младших командиров и солдат полков Христиана Блюментроста и Томаса Гейса за сержанта Максима Иванова, отправляемого в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат).

Кижского погоста, а сопровождал их лишь один стрелец Сенька Соколовский[674]. Такой порядок вызывал интересные ситуации, когда стрельцы могли идти не вместе с солдатами, а отдельно от них[675]. Малочисленность конвоев и их очевидная неэффективность объясняется не просто нехваткой «оперативных работников», но практическим отсутствием у них мотивации и угрозой личной безопасности. Насколько можно судить по документам, за побеги солдат стрельцы, пушкари и приставы не несли ответственности, а попытка подавить сопротивление дезертиров могла кончиться убийством провожатых. Дело в том, что солдаты во время побегов уносили с собой оружие, и, вероятно, мы можем предположить, на службу их возвращали либо уже вооруженными, либо везя мушкеты на подводах[676]. Неудивительно, что 12 августа 1662 года семеро провожатых, среди которых трое вошли в сговор с солдатами, не смогли воспрепятствовать побегу 300 солдат Шунгского погоста и Кузарандской волости.

Судя по сохранившимся документам, в течение 1662 года местами наблюдается вынужденный отход от соблюдения важной процессуальной нормы, о которой мы упоминали выше – составления поручных записей. Скорее всего, это было обусловлено большими потерями олонецких полков из-за дезертирства. Напомним, что за 1662 год сбежало в общей сложности 2235 солдат, то есть более четверти от всего личного состава. Солдатское бегство стало настолько неконтролируемым, что 1 сентября воевода Новгородского разрядного полка Б.А. Репнин по государеву указу прибыл в Псков, где возглавил борьбу с дезертирством[677]. В дальнейшем он неоднократно требовал у олонецкого воеводы Т.В. Мышецкого ускорить в уезде сыск и высылку, пеняя ему за то, что *«ты* [Терентий] *великого государя делом салдатским сыском и высылкой не радеешь и салдат беглых не сыскиваешь*[678]». Также Б.А. Репнин жаловался в письме государю на безответственность и халатность Мышецкого. При этом Репнин в своем сообщении акцентирует внимание на нехватке личного состава в

[674] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 65-66 об.
[675] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье… С. 219.
[676] Бочкарев А.С. Дезертирство и сыск беглых солдат олонецких полков «нового строя»… С. 280.
[677] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 32-32 об.
[678] Там же. Л. 104-104 об.

подчиненных ему полках: *«И князь Терентий Мышецкой ко мне… беглых солдат не высылает. А у нас… салдат в зборе мало, и дастальные бегут врознь»*[679]. Вследствие данных обстоятельств воеводские наказные памяти сыщикам поторапливали последних, велели высылать солдат на службу «без мотчяния», то есть срочно, без лишних задержек. При этом игнорировалась необходимость составления поручных записей (это может обуславливаться и существованием в качестве поручителей старых, больных и «охудалых» крестьян[680]). Это относится не только к Олонецкому, но и ко всему Новгородскому уезду[681]. Действительно, обнаруженные А.Ю. Жуковым поручные записи за 1662 год охватывают только весну и лето, последняя датируется 6 августа[682]. Практика отказа от составления поручительств перед отправкой беглых солдат обратно на службу наглядно продемонстрирована результатами сыска беглых из полка Ягана Трейдена капитаном Василием Мячковым 25 августа 1662 года. Согласно документам, Мячков проводил в Старицком уезде розыск семнадцати беглых солдат и трех конных даточных. Из-за отсутствия порук по пойманным дезертирам, капитан посадил их в тюрьму: *«салдаты у него сысканы и посажены тюрьму для того, что порук тех салдат нет, а без порук послать* [на службу] *не смеет».* Воевода Великого Новгорода И.Б. Репнин отдал распоряжение Мячкову, не дожидаясь предоставления поручительств, скорейшим образом отправиться вместе с пойманными дезертирами в полк к Б.А. Репнину: *«К Василью Мячкову писал, чтоб он ехал… в полк тотчас, и солдат, которые сидят в тюрьме, а порук по их нет, привез с собою вместе*[683]*»*. Таким образом, острая нехватка солдат и драгун в Новгородском разрядном полку в 1662 году заставляла власти оптимизировать и упростить процесс розыска и отправки дезертиров в войска.

Противостояние дезертиров олонецких полков и структур власти происходило на фоне планирования и организации массовых побегов представителями младшего командного состава с одной стороны, и действием

---

[679] Там же. Л. 32-32 об.
[680] Брусницына Д.В. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649-1666)… С. 62.
[681] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 14, 83, 85, 105, 118.
[682] Жуков А.Ю. Олонецкие полки... С. 169.
[683] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 2-4.

системы сыска и возврата в строй беглых солдат – с другой. При этом, как показывают источники, служебно-социальная роль сержантского состава олонецких полков была выражением той дихотомии, которая определялась, с одной стороны, их нахождением на позиции младших командиров и координаторов солдатской массы, членов разыскных групп сыщиков или дезертирских конвоев, а с другой – был на позиции рядовых солдат, приходясь большинству из них земляком, а кому-то и родственником. В этом случае, решение экономических, социальных или военных проблем, с которыми постоянно сталкивались солдаты, они находили в коллективном дезертирстве. Руководящую роль при этом брали на себя представители младшего командного состава – капралы, каптенармусы и сержанты.

Система сыска и возврата в строй беглых солдат применялась для борьбы с дезертирством из олонецких полков. На первый взгляд, она являлась хорошо налаженной разыскной службой, основанной на взаимодействии полкового командования, олонецкой воеводской администрации и сыщиков. Но в ходе борьбы с беглыми пашенными солдатами в системе появились различные изъяны. Изначально осуществлявшийся сыск силами начальных людей олонецких полков, из-за разросшегося дезертирства стал постепенно передаваться в руки других служилых людей, выполняющих обязанности сыщиков. Кадровый голод разыскной системы также привел к расширению зоны поиска: взамен принципа «один сыщик – один погост», теперь сыщик должен был объезжать гораздо более обширные территории, сравнимые с площадью станов, что сокращало эффективность поиска. В результате действия всех этих условий система сыска и возвращения в строй беглых солдат в отношении дезертиров олонецких полков оказалась недостаточно эффективной и не смогла пресечь массовые побеги. Тяжелые военные условия, в которых функционировала система сыска и возврата в строй беглых солдат, во многом определили ее относительную мягкость по отношению к дезертирам. Этот вывод подтвердает давнее убеждение П.О. Бобровского о том, что чем труднее обстояли дела в зоне боевых действий,

тем менее строго наказывалось оставление места службы, и, наоборот, в более благоприятное время наказания ужесточались[684].

Высокий уровень дезертирства, когда в 1657 году доля беглых олонецких солдат составила пятую части от всего списочного состава полков (20 %), а в 1662 – более четверти (28 %), заставил правительство не только направить все ресурсы разыскной системы на борьбу с этим явлением, но и стал одной из причин сокращения в 1663 году списочного состава пашенных солдат почти вдвое. В «Сметных росписях государевым людям всех полков и перечневой выписке о сборе полуполтинных денег 171 года» (1662/63 год) олонецким солдатам дана характеристика, своеобразно подытоживающая длительную и тяжелую службу олонецких полков: *«Заонежские салдаты добры, а* ***бегают беспрестани****»*[685]. Примечательно, что склонность к регулярному дезертирству относится только к олонецким полкам, и в «Смете» больше нигде ни фигурирует[686]. Далее было дано предложение для решения проблемы массовых побегов: *«А в Заонежье послать бы перепищика доброво и бескорыстного с Москвы, потому что салдатов высылают в полки однех, а не с переменою, и от того ис полку и бегают… и чтоб розобрать то все допряма, и как будут розобраны, чаять беглецов будет мало»*[687]. Получается, что власти на последнем этапе войны видели средством ликвидации дезертирства новую перепись пашенных солдат и изменение практики переменного призыва. Предложения изменения порядка службы как средства от дезертирства высказывали и солдаты в своих челобитных, о чем говорилось в предыдущих главах диссертации. Однако проведенный в 1663 году новый «разбор» Петра и Елисея Зиновьевых так и не привел к желаемым результатам.

---

[684] Бобровский П.О. Уклонение от воинской службы.... С. 43.
[685] Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. [Электронный ресурс] // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских, Кн. 3. 1911. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Smet_voenn_sil_1661_3/text1.htm.
[686] Других документов, подтвержающих эту характеристику олонецких солдат как особую, мы не обнаружили. Это обстоятельство делает актуальной перспективу изучения дезертирства применительно к иным полкам русской армии XVII века.
[687] Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. …

Накопившиеся среди олонецких солдат социально-экономические проблемы и усталость от длительной службы стали причиной для еще большего увеличения масштабов дезертирства. Напомним, что 26 ноября 1665 года воевода И.А. Хованский перед угрозой наступления войск Речи Посполитой сообщал царю Алексею Михайловичу о повальном бегстве всей пехоты Новгородского разряда: *«А пехота, государь, салдаты олонецкия и новгородцкия и новоторжския,* ***все збежали*** *с твоей великого государя службы»*[688].

Чтобы предотвратить дезертирство и стабилизировать службу, оказалось недостаточно паллиативных мер, принимаемых правительством в острые кризисные периоды, таких как изменение порядка службы, увеличение денежно-продовольственного содержания или проведение амнистии беглым солдатам. Следовало провести более глубокое реформирование ряда военно-административных структур, улучшить и стабилизировать систему продовольственного снабжения, пресечь на местном уровне воеводские злоупотребления при высылке солдат на службу и, в целом, более гибко взаимодействовать с военнообязанным крестьянством Олонецкого уезда, чей экономический и мобилизационной ресурс к 1660-м гг. был практически исчерпан. Ближе к концу Тринадцатилетней войны уровень хозяйственно-экономической разрухи в Карелии был высоким. По словам Р.Б. Мюллер, хуже всего «солдатчина» отразилась на среднем слое карельского крестьянства, увеличив экономическую дифференциацию в деревне – между зажиточными крестьянами и беднотой практически не осталось промежуточной прослойки[689]. Но, несмотря на трагедию карельских деревень, А.Ю. Жуков заметил, что «Москва хладнокровно использовала накопленный потенциал уезда вплоть до окончания боевых действий с Польшей и вступления с ней в переговоры о перемирии»[690]. Кроме того, на рубеже 1650-1660-х гг. Олонецкий уезд начинает

---

[688] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 187 (26 ноября 1665 г. Из отписки воеводы Новгородского полка князя Ивана Андреевича Хованского царю о ненадежности гарнизона Пскова и бегстве солдат перед возможным наступлением противника)
[689] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 139.
[690] Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. ... С. 237.

«курировать» приказ Тайных дел, что говорит о пристальном внимании, обращаемом царем Алексеем Михайловичем на Олонец[691].

8 февраля 1665 года государь издал указ, согласно которому олонецкий воевода В.А. Чоглоков должен был «тайно» поговорить с солдатами, желают ли они продолжить службу, или вместо этого хотят выплачивать поземельные налоги в тройном или четверном размере по сравнению с уровнем 1648 года[692]. Вероятно, это решение было связано не только с ослаблением угрозы со стороны Речи Посполитой, постепенным завершением боевых действий или экономическим упадком Олонецкого уезда, но и из-за массовых побегов солдат, с которыми не смогли справиться ни карательными методами, ни мерами материальной поддержки.

Кроме того, исследователи отмечали очень напряженную обстановку в Олонецком уезде, мощное недовольство крестьянства воинской повинностью, особенно на фоне многолетней службы, приведшей к гибели значительной части солдат. Недовольство крестьян угрожало крупномасштабным восстанием, опасность которого стала еще одним аргументом к отмене солдатской службы[693]. Примечательно, что в Швеции, имевшей схожую с олонецкой мобилизационную систему – индельту, в период Тридцатилетней (1618-1648 гг.), польско-шведской (1655-1660 гг.), русско-шведской (1656-1658 гг.) и Сконской (1675-1679 гг.) войн также наблюдалось сильное недовольство воинской повинностью. В конечном итоге в 1680-х гг. король Карл XI реформировал индельту, и в результате рекрутские наборы были заменены денежными выплатами на содержание армии и флота[694].

9 июня 1666 года в приказ Новгородской четверти пришел ответ от олонецкого воеводы В.А. Чоглокова, по которому солдаты выразили желание отказаться от несения военной службы и выплачивать тройной налог. В том же

---

[691] Там же. С. 166.
[692] Жуков А.Ю. Олонецкие полки… С. 186 (8 февраля 1665 г. Из «Записной книги» Приказа тайных дел – запись о царской указной грамоте олонецкому воеводе В.А. Чоглокову о возможности упразднения олонецких полков «нового строя»).
[693] Мюллер Р.Б. Указ. соч. С. 138; Коваленко Г.М. Карелия в русско-шведской войне 1656-1658 гг. ... С. 76.
[694] Glete J. Op. cit. P. 195.

году олонецкие полки «нового строя» были расформированы, а солдатская служба в Олонецком уезде упразднена[695].

[695] Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. ... С. 167-168.

Заключение

По результатам диссертационного исследования установлено, что введение в 1649 году солдатской и драгунской службы среди жителей Олонецкого уезда запустило процессы социальной трансформации местного крестьянства, дифференцированного в экономическом и социально-профессиональном отношении. Введение воинской повинности повлекло за собой возникновение черт «милитаризации» и маргинализации сословного статуса пашенных солдат, которые оказались между крестьянством и служилыми людьми. Формально оставаясь крестьянами, по своим новым обязанностям они относили себя к служилым людям, что явствует из текстов солдатских челобитных. Вместе с тем, военная служба олонецких солдат являлась помехой их основной крестьянской деятельности, что впоследствии негативно сказалось на хозяйственно-экономическом и демографическом состоянии Олонецкого уезда. Иными словами, основными предпосылками к возникновению феномена дезертирства олонецких солдат и драгун во время Тринадцатилетней войны (1654-1667 гг.) стали сложные повседневные и хозяйственные условия жизни крестьянства вследствие произошедшей социальной трансформации. В частности, чрезмерно интенсивный режим обучения солдатскому и драгунскому строю не только отнимал время крестьян и провоцировал конфликты с иноземными начальными людьми – командирами рот и полков, но и ограничивал возможности продовольственного обеспечения солдат с собственных хозяйств из-за занятости последних военными тренировками.

Удалось выяснить, что в 1649-1653 гг., то есть на довоенном этапе службы олонецких полков, как такового дезертирства из них не существовало, поскольку полки не принимали участия в боевых действиях (кроме подавления Псковского восстания 1650 года). Отмеченные в источниках несколько сотен сбежавших с формальной точки зрения считаются уклонистами. Для выявления статистических данных об олонецких дезертирах в период войн с Речью Посполитой (1654-1667 гг.) и Швецией (1656-1658 гг.) была пересмотрена и скорректирована ранее

опубликованная в научной литературе общая численность списочного состава пашенных солдат (всех, за исключением умерших и принявших монашеский постриг) за 1657 год[696], которая, по нашим подсчетам, составила 11388 человек. Также была выявлена приблизительная цифра списочного состава полков на 1662 год – около 8000 человек. Опираясь на эти показатели, нами установлено, что в 1657 году удельный вес беглых солдат составил 20 % (2307 из 11388 человек), то есть за год из-за бегства олонецкие полки лишись около пятой части всех бойцов. Затем в 1662 году, в период активной борьбы с дезертирством, процент беглых солдат составил 28 % (2235 из 8000 человек), то есть более четверти от всего списочного состава. Таким образом, на основании научной литературы и источников, – данных переписных книг И.С. Дивова, отписок сыщиков, отписок и наказных памятей олонецких воевод и воевод Новгородского полка, – установлено, что дезертирство олонецких солдат возникло в 1654 году, его масштабы росли с самого начала русско-польской войны, достигнув своих наивысших показателей уже в 1657 году во время боевых действий со Швецией, и сохранялись, как минимум, до осени 1662 года.

В диссертации доказано, что дезертирство из олонецких полков «нового строя» было обусловлено тремя ключевыми группами факторов – экономическими, социальными и собственно военными, и различными триггерами, то есть провоцирующими инцидентами. При этом комплекс экономических причин бегства являлся катализатором двух других факторов. Именно проблемы функционирования системы денежно-продовольственного снабжения Новгородского разрядного полка, в состав которого входили олонецкие полки, уже в 1654 года вызвали дефицит продовольствия в войсках, что привело к первым побегам пашенных солдат из действующей армии. К началу 1660-х гг., разветвленная система обеспечения, зависящая не только от эффективности логистических решений, но и от экономического состояния государства, была глубоко поражена финансовым кризисом. В результате

[696] Брусницына Д.В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований. 2012. № 21 (101). С. 108-117.

подъема цен на основные товары, задержки выплаты хлебного и денежного жалованья солдаты и драгуны олонецких полков оказалась в крайне тяжелом материальном положении, что повлекло за собой сначала упадок дисциплины, а затем массовое дезертирство.

Попытки организационно-административного урегулирования вопросов военной службы в Олонецком уезде, допускавшие ошибки и злоупотребления, привели к обострению проблем социального характера – ухудшению отношений солдат с уездной администрацией и полковым командованием. Введенный в 1654 году порядок переменной полугодовой службы стал нарушаться уже с 1655 года из-за коррупционных махинаций олонецкого воеводы В.А. Чоглокова, за взятки оставившего солдат второй очереди дома, снова выслав на службу солдат первой очереди, а также из-за оставления части солдат на зимних квартирах в Полоцке и Витебске. Это привело к росту количества побегов. Введением трехпеременной службы в 1656-1657 гг. в период активной фазы русско-шведской войны, проведением солдатской переписи 1657 года и последующим возвращением к двухпеременной службе ликвидировать дезертирство олонецких солдат не удалось. В 1663 году правительство восстановило трехочередный порядок, что, по общему убеждению, смогло бы способствовать снижению числа побегов. Тем не менее, ошибки, допущенные при мобилизации в 1650-е гг., окончательно подорвали доверие олонецких солдат к власти: реальность показала, что изменениями в порядке призыва проблему дезертирства не решить. На дисциплину и дезертирство в олонецких полках также воздействовали взаимоотношения солдат с иноземными начальными людьми. Последние практиковали муштру и являлись источником бытовых проблем и стычек с солдатами, особенно острых в 1649-1654 гг. В годы войн с Речью Посполитой и Швецией различные трудности, с которыми столкнулись олонецкие солдаты, в том числе неразбериха с порядком призыва, лишь усиливали неприязнь к командованию, что в конечном счете, привело к мятежу в полку Ягана Трейдена и беспорядкам в других подразделениях летом 1662 года и дальнейшему распространению дезертирства.

Помимо экономических и социальных проблем, факторами солдатского бегства выступали и чисто военные обстоятельства. В наиболее напряженное для Олонецкого уезда время русско-шведской войны, – зима 1656-1657 гг. и 1657-1658 гг., – основной причиной массового дезертирства солдат и драгун из Олонца и пограничных острожков стала крайняя малочисленность гарнизонов перед лицом превосходящих сил шведов. Это произошло вследствие того, что основная часть личного состава олонецких полков оперировала в Ливонии и Литве, и Олонецкий уезд остался практически беззащитным. Шведское вторжение заставило многих солдат дезертировать не только из Олонца, но и с лавуйской и псковской службы для организации самообороны в глубине Олонецкого уезда. В результате похода Новгородского разрядного полка 1659-1660 гг. в западные земли Великого княжества Литовского олонецкие полки понесли значительные потери убитыми и ранеными. За этим последовали дополнительные наборы, превратившиеся фактически в поголовную и бессрочную мобилизацию, что привело к истощению мобилизационного ресурса Олонецкого уезда. Однако правительство уже летом и осенью 1660 года форсировало темпы призыва, который на уездном уровне вызвал разнообразные злоупотребления, попытки высылки на службу вместо погибших солдат их родственников, демобилизованных солдат старше 50 лет и т.п. Это провоцировало сильное недовольство солдат-крестьян, которое они выражали не только в дезертирстве, но и через подачу челобитных.

В диссертации показано, что бегство олонецких солдат в основном носило организованный и групповой характер. Сержантский состав, чье положение в армии отличалось своеобразным служебно-социальным дуализмом, когда, с одной стороны, они становились основным организующим звеном в роте, а с другой – оставались теми же крестьянами, как и рядовые солдаты, брали на себя функцию организаторов и предводителей побега. В сплочении групп беглецов значительную роль играла земляческая солидарность. Такие отношения и чувства возникали из-за милиционно-переписного принципа формирования полков. Внутри самих полков разделение на роты осуществлялось с опорой на волостную

раскладку, в результате каждая крупная волость или ряд нескольких соседних небольших волостей составляли отдельную роту.

В работе также была исследована правовая и практическая борьба с дезертирством. Установлено, что Соборное Уложение 1649 года определяло наказания за дезертирство и уклонение от службы в зависимости от социальной принадлежности беглеца и обстоятельств побега. Нормы Уложения применялись и в олонецких полках в сочетании с отдельными указами (полки были сформированы позже выхода Уложения, и правовая практика складывалась на основе прецедентов). Практическая борьба с дезертирством пашенных солдат велась с помощью системы сыска и возврата в строй беглых солдат, начавшей формироваться в русской армии еще в начале XVII века. Разыскная система, основанная на взаимодействии командования Новгородского разрядного полка, командования конкретного олонецкого полка, олонецкой воеводской администрации и оперативных должностных лиц – сыщиков, была основным инструментом борьбы с беглыми солдатами. Однако данная система не смогла предотвратить широкие масштабы дезертирства, особенно в 1660-е гг., наоборот, само солдатское бегство создало ощутимые кадровые проблемы внутри сыскной структуры. Основных сыщиков – офицеров полков «нового строя» стало не хватать для разыскной деятельности, и правительство начало активно привлекать для данной работы служилых людей, не относящихся напрямую к олонецким полкам – новокрещенов, подьячих, офицеров рейтарских полков, дворян и детей боярских. Это не только сопровождалось сокращением штата сыщиков, увеличением объемов сыскной работы, расширением районов поиска, но, что более важно, породило коррупционный аспект – к 1662 году выяснилось, что многие из сыщиков за посулы, то есть взятки, не высылают на службу беглых солдат. Минусом системы сыска было и несоответствие размеров конвоев количеству конвоируемых беглых солдат, в связи с чем, весьма многочисленными были побеги на этапе отправки. Также было установлено, что в связи с нехваткой людей в полках произошли процессуальные изменения. Схема «поимка дезертира – составление поручительства с родственниками – отправка дезертира в войска

под конвоем» была упрощена – для ускорения процесса временно отменено составление поручительства.

Проблема дезертирства в олонецких полках «нового строя» является многогранным военным, социально-экономическим и культурным феноменом. Его существование в данных формированиях напрямую связано с дисциплинарными проблемами «военной революции» в Восточной и Северной Европе, которые еще ждут своего исследователя. Сейчас с уверенностью можно сказать, что именно модернизация русской армии середины XVII века лежит в основе вызревания проблемы массового дезертирства войск, сформированных из податного населения. Попытка реализации насущной потребности в численном увеличении пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, в сочетании с хроническим дефицитом военных финансов, породила тенденцию удешевления армии, что выразилось, в частности, во введении солдатской и драгунской службы в Олонецком уезде. Но разные факторы, рассмотренные в настоящей работе, стали препятствием в стабильной службе пашенных солдат и привели к возникновению и беспрецедентному росту масштабов дезертирства к 1665 году. Солдатская и драгунская служба, как и бегство от нее, оказали значительное воздействие не только на хозяйственно-экономическое состояние Олонецкого уезда, но и на дальнейшее судьбу русской армии. Расформирование в 1666 году, во время русско-польских мирных переговоров[697] перед самым концом Тринадцатилетней войны, олонецких полков «нового строя» показало, что правительство осознало сложность и организационную неготовность создания регулярных формирований из податного населения в рамках существующей системы вооруженных сил. Окончательно регулярная армия, основанная на рекрутских наборах, сложится в России в XVIII веке, и проблема дезертирства, в

[697] Об Андрусовском перемирии 1667 года и подготовке Русского государства к выходу из войны подробнее см.: Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа Л.А. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. 448 с.

том числе на северо-западе[698], будет в ней не менее актуальной, чем в середине XVII века.

[698] Проскурякова М.Е. «Бежав ис полку»: Феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2014. Т. 13. № 8. С. 82-92.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук (Акты Археографической экспедиции)

АМГ – Акты Московского государства

Архив СПбИИ РАН – Научный архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

ДАИ – Дополнения к актам историческим

ДРВ – Древняя российская вивлиофика

К. – картон (архивная опись)

Л. – лист

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РИБ – Русская историческая библиотека

Сст. – ставы

Список источников и литературы

Источники

Архивные источники

Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН).

1. Ф. 98. Олонецкая воеводская изба. К. 1. Д. 40, 67, 80, 114, 116, 125, 128, 129, 140; К. 2. Д. 5, 45, 70, 75, 83, 84, 91, 92, 97, 98, 99, 102, 106; К. 3. Д. 8, 16, 20, 22; К. 4. Д. 1, 5, 6, 14, 16, 20, 26, 36, 59, 82, 114; К. 5. Д. 73, 100, 143.
2. Ф. 109. Посольский стол Новгородской приказной палаты (Порубежные акты). К. 1. Д. 125, 128, 159.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

3. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Олонец. Д. 2-5.
4. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1649. Д. 29.
5. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Стб. 109, 118, 124, 127, 129, 162, 164.
6. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 8554, 8579, Кн. 980.

Законодательные источники

7. Полное собрание законов Российской империи. – Т.1. 1649-1675. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1029 с.; Т. 4. – СПб.: 1830. – 881 с.
8. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. – Т. 3. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – С. 550-689.
10. Utkast till Krigs-Artiklarne, utfärdade den 15 Juli 1621 // Konung Gustaf II Adolfs skrifter. – Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1861. – S. 243-253.

Мемуарные источники

11. Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским / Павел Алеппский (архидиакон); пер. с араб. Г. Муркоса. – М.: О-во сохранения лит. наследия, 2012. – 728 с.

12. Гордон П. Дневник, 1659-1667 / Патрик Гордон. Перевод, статья, примеч. Д.Г. Федосова; Отв. ред. М.Р. Рыженков. – М.: Наука, 2003. – 315 с.

13. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистов в 1674 году / пер. Г. Коваленко. – М.: Ломоносовъ, 2012. – 340 с.

14. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М.: РОССПЭН, 2000. – 272 с.

15. Петрей де Ерлезунда П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал и обнародовал в Лейпциге 1620 г. / Петр Петрей де Ерлезунда; перевод с нем. А.Н. Шемякина. – М.: Университетская тип., 1867. – 574 с.

Летописные источники

16. Полное собрание русских летописей. – Т. 29. – М.: Наука, 1965. – 389 с.

Военные трактаты

17. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. – СПб.: Тип. «Бережливость», 1904. – 286 с.

Делопроизводственные и актовые источники

18. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 4. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 500 с.

19. Акты Московского государства / под ред. Н.А. Попова. – Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1659. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. – 773 с.; Т.3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660-1664. – СПб., 1902. – 674 с.

20. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в трех томах. – Т. 2. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1960. – 559 с.

21. Витебская старина. – Т. 4. – Ч. 2. Полоцкое и Витебское воеводство под властью царя Алексея Михайловича (1654-1667 гг.). – Витебск: Тип. Г.А. Малкина, 1885. – 768 с.

22. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 1. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. – 400 с.; Т. 3. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. – 539 с.; Т. 4. – СПб., 1851. – 416 с.

23. Древняя российская вивлиофика. – Ч. 20. – М.: Тип. Компании Типографической, 1791. – 442 с.

24. Жуков А.Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 году: документы и материалы // История Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. – Петрозаводск, 2014. – С. 91-187.

25. Карелия в XVII веке. Сборник документов / сост. Р.Б. Мюллер, под ред. А.И. Андреева. – Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1948. – 442 с.

26. Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. – Вып. 3. – Петрозаводск: Тип. Губернского Правления, 1894. – 556 с.

27. Русская историческая библиотека. – Т. 10. – Записные книги Московского стола. 1636-1663 г. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1886. – 587 с.; Т. 11. – Записные книги Московского стола. I. 1663-1664 г. II. 1678-1679 г. – СПб., 1889. – 774 с.

28. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. [Электронный ресурс] // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – Кн. 3. – 1911. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Smet_voenn_sil_1661_3/text1.htm.

29. Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в.: Сборник материалов, извлеченных из московского Главного архива Министерства

иностранных и дел и шведского Государственного архива и касающиеся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616-1651 годах. – М., 1897. – 493 с.

Литература

Монографии

30. Андерссон И. История Швеции / Пер. с швед. Н.А. Каринцева; Под ред. и с предисл. Я.Я. Зутиса. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. – 408 с.

31. Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси: эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. – М.: РГГУ, 2009. 424 с.

32. Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 116 с.

33. Бобровский П.О. Военное право в России при Петра Великом. – Ч.2. Артикул Воинский с объяснениями преобразований в военном устройстве и военном хозяйстве по русским и иностранным источникам. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1886. – 296 с.

34. Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1885. – 215 с.

35. Бобровский П.О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. По русским и иностранным памятникам. – М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1882. – 43 с.

36. Бобровский П.О. Старо-шведское военное право. – СПб.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1881. – 38 с.

37. Бобровский П.О. Уклонение от военной службы. По законам древнеримским, французским, германским, шведским, а также русским с XVII века. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1886. – 50 с.

38. Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. – М.: Издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1909. – Т. 1. – 105 с.

39. Богоявленский С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 608 с.

40. Брусницына Д.В. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649-1666): новые явления в годы солдатской службы [Электронный ресурс]. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. – 111 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

41. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). – М.: Государственное изд-во медицинской литературы, 1960. – 398 с.

42. Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII веков. – М.: Изд-во Московского университета, 1962. – 289 с.

43. Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV — первая половина XVII вв.). – М.: Эксмо, 2004. – 572 с.

44. Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1974. – 164 с.

45. Вуич И.В. Малая война. – СПб.: Типография Э. Праца, 1850. – 264 с.

46. Герасимова И.В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 344 с.

47. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII-XX вв.: векторы исследования / под ред. Д.А. Редина. – СПб.: Алетейя, 2018. – 722 с.

48. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. – Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1900. – 339 с.

49. Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI-XVIII вв. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. – 568 с.

50. Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. – Государственное изд-во Карело-Финской ССР: Петрозаводск, 1956. – 78 с.

51. Жуков А.Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. – 492 с.

52. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. – Великий Новгород, 2003. – 256 с.

53. Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время Польского потопа (1655-1656 гг.): документы, исследование. – М., 1994. – 189 с.

54. Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории муждународных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. – М.: Наука, 1981. – 180 с.

55. Загорский В.П. Белгородская черта. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1969. – 291 с.

56. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. – 400 с.

57. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н.А. Кораблева, В.Г. Макурова, Ю.А. Савватеева, М.И. Шумилова. – Петрозаводск, 2001. – 944 с.

58. Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. – М.: Госюриздат, 1954. – 170 с.

59. Капустин С.Я. Древнее русское поручительство. – Казань: Университетская типография, 1855. – 62 с.

60. Касажэцкі К. Кампанія 1660 году ў Літве. – Менск: Часопіс «ARCHE», 2011. – 330 с.

61. Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти томах. – Т.3. Курс русской истории. – Ч. 3. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.

62. Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655-1661 гг. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1998. – 299 с.

63. Коваленко Г.М. Карелия в русско-шведской войне 1656-1658 гг. Препринт доклада на Ученом совете Института языка, литературы и истории 29 июня 1978 г. – Петрозаводск, 1978. – 76 с.

64. Козляков В.Н. Служилые люди России XVI-XVII веков. – М.: Квадрига, 2018. – 544 с.

65. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного Уложения). – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2000. – 208 с.

66. Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: Летопись власти. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 650 с.

67. Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.

68. Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. – М.: Древлехранилище, 2001. – 459 с.

69. Куратов А.А. Метрология России и Русского Севера. – Архангельск: Архангельский филиал Географ. об-ва СССР, 1991. – 33 с.

70. Курбатов О. А. Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. – М.: Квадрига, 2017. – 301 с.

71. Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656-1658 гг. – М.: Руниверс, 2018. – 96 с.

72. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. – 557 с.

73. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. – Тула: Гриф и К, 2009. – 792 с.

74. Лобин А.Н., Смирнов Н.В. Борьба за Юрьев-Ливонский в годы Русско-шведской войны 1565-1658 гг. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2021. – 128 с.

75. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общества в XI-XX веках. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – 456 с.

76. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. – М.: Древлехранилище, 2006. – 624 с.

77. Малов А.В. Основные проблемы строительства вооруженных сил России. 1613-1689 гг. – М.: Квадрига, 2022. – 324 с.

78. Малов А.В. Русско-польская война 1654-1667 гг. – М.: Цейхгауз, 2006. – 48 с.

79. Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. – 271 с.

80. Мельникова А.С. Булат и злато. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 207 с.

81. Мельникова А.С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI-XVII веков. – М.: ООО «Издательство Стрелец», 2005. – 320 с.

82. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). – М.: Финансы и статистика, 1989. – 318 с.

83. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 678 с.

84. Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI-XVII веков. – Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. – 175 с.

85. Неволин К.А. Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Полное собрание сочинений. – Т. 6. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. – 643 с.

86. Оглоблин Н. Московская померная изба. – М.: Университетская тип., 1889. – 24 с.

87. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI-XVII вв. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 384 с.

88. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). – М.: Древлехранилище, 2004. – 344 с.

89. Островская М.А. Земельный быт сельского населения русского севера в XVI-XVIII веках. – СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1913. – 496 с.

90. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. – М.: Эксмо, 2010. – 445 с.

91. Пенской В.В. Военное дело Московского государства от Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. – М.: Центрполиграф, 2018. – 188 с.

92. Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. – М.: Наука, 1976. – 435 с.

93. Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). – М.: Круглый год, 1999. 208 с.

94. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. – Т.1. – М.: Воен. акад. РККА им. М. В. Фрунзе, 1927. – 383 с.

95. Селин А.А. Русско-шведская граница (1617-1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. – Изд. испр. и доп. – СПб.: Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 2016. – 864 с.

96. Соловьев С.М. Сочинения. – В 18 кн. – Кн. VI. – Т. 11-12. – История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1991. – 671 с.

97. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. – М.: Мысль, 1990. – 270 с.

98. Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

99. Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа Л.А. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. – М.: «Индрик», 2013. – 448 с.

100. Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655-1661 гг.). – М.: «Индрик», 2010. – 656 с.

101. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.

102. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. — М.: Воениздат, 1954. – 224 с.

103. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной реформы XVII века. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1998. – 295 с.

104. Шаскольский И.П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. – 319 с.

105. Berkovich I. Motivation in War. The Experience of Common Soldiers in Old-Regime Europe. – Cambridge University Press, 2017. – 268 p.

106. Brzezinski R., Hook R. The Army of Gustavus Adolphus. – Vol. 1: Infantry. – L.: Osprey military, 2000. – 48 p.

107. Corvisier A. Armies and societies in Europe, 1494-1789. – Bloomington, 1979. – 205 p.

108. Davies B.L. State and Society on the Black Sea Steppe, 1500-1700. – L., NY.: Routledge, 2007. – 256 p.

109. Gawęda M. Połonka-Basia 1660. – Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona, 2005. – 346 s.

110. Glete J. War and the State in Early Modern Europe. Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500-1660. – L., NY.: Routledge, 2002. – 277 p.

111. Hale J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450-1620. – NY., 1985. – 282 p.

112. Keep J.L.H. Soldiers of the Tsar. Army and society in Russia 1462-1874. – NY: Oxford University Press, 1985. – 432 p.

113. Kotljarchuk A. In the Shadow of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. – Huddinge: Södertörns högskola, 2006. – 345 p.

114. Kreveld M. v. Supplying War: Logistics from Wallenstein to Patton. – Cambridge university press, 1997. – 284 p.

115. Lappalainen J.T. Elämää suomen sotaväessä Kaarle X Kustaan aikana. – Jyväskylä: Jyväskylän Yliopisto, 1975. – 214 p.

116. Lappalainen J.T. Kaarle X Kustaan Venäjän-sota v. 1656-1658 Suomen suunnalla. – Juväskylä: Juväskylän Yliopisto, 1972. – 351 s.

117. Parker G.The military revolution. Military innovation and the rise of the West, 1500-1800. – NY.: Cambridge University Press, 1996. – 266 p.

118. Roberts M. Swedish imperial experience. – NY, 1984. – 156 p.

119. Wimmer J. Dawne Wojsko Polskie XVII-XVIII w. Warszawa: Bellona, 2006. 133 s.

120. Wimmer J. Wojsko Polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa: Wydawnictwo ministerstwa obrony narodowei, 1965. 384 s.

Диссертационные исследования

121. Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649-1666): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Петрозаводск, 2014. – 294 с.

122. Коротков В.О. Командиры полков «иноземного строя» в России во второй половине XVII в.: дис. … канд. ист. наук: 5.6.1. – Мытищи, 2022. – 170 с.

123. Левшин К.В. Дезертирство в Красной Армии в годы Гражданской войны на северо-западе России, 1918-1921 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – СПб., 2012. – 300 с.

Статьи в сборниках и периодических изданиях

124. Асташов А.Б. Членовредительство и симуляция болезней в русской армии о время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. – 2012. – № 34. – С. 6-18.

125. Бабулин И.Б. Московские «легионы» на гравюре «Осада Ляхович в 1660 году // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. III. – С. 297-320.

126. Баранова С.Б. Дезертирство в годы Гражданской войны: историография вопроса (на примере Пермской губернии) // Теоретические и методологические проблемы современных наук. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Центр содействия развитию научных исследований. – 2014. – С. 57-63.

127. Белоногов Ю. Г. Политика городских властей по профилактике дезертирства работников с промышленных предприятий г. Молотов, 1941—1945 гг. // Современный город: власть, управление, экономика. – 2019. – Т. 1. – С. 276-287.

128. Белоногов Ю.Г. Причины трудового дезертирства с оборонных предприятий Молотовской области в период Великой Отечественной войны // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, к 30-летию вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. – 2019. – С. 197-204.

129. Бочкарев А.С. Дезертирство и дуализм социально-ролевых функций младшего командного состава олонецких полков «нового строя» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2022. – Т. 44. – № 2. – С. 90-97.

130. Бочкарев А.С. Дезертирство и сыск беглых солдат олонецких полков «нового строя» в 1660-е гг. // Петербургский исторический журнал. – 2019. – №. 3. – С. 277-288.

131. Бочкарев А.С. Конфликты олонецких солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42. – №8. – С. 93-100.

132. Бочкарев А.С. Отписки сыщиков как источник по исследованию борьбы с дезертирством олонецких пашенных солдат в 1662 г. // Краеведческие чтения. Материалы XVI научной конференции (16-17 февраля 2022 года). – Петрозаводск, 2022. – С. 119-125.

133. Бочкарев А.С. «Хлебная скудость» как фактор дестабилизации в олонецких полках «нового строя» в 1660-е годы // Известия СмолГУ. – 2022. – № 1 (57). – С. 136-149.

134. Брусницына Д.В. Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649-1666) [Электронный ресус] // Научный электронный журнал CARELICA. – 2013. – № 1. – С. 10-18. – Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA_/1_2013_(10)/Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_(16491666).html.

135. Брусницына Д. В. «Начальные люди» олонецких полков пашенных солдат (1649-1666) [Электронный ресуср] // Научный электронный журнал CARELICA. – 2013. – № 1. – С. 170-185. – Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA_/1_2013_(10)/Articles_1/Entries/2013/12/17_Nacalnye_ludi_Oloneckih_polkov_pasennyh_soldat_(16491666).html.

136. Брусницына Д.В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: История. – 2011. – № 4. – С. 104-118.

137. Брусницына Д.В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат // Вестник РГГУ. – Серия: Исторические

науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований. – 2012. – № 21 (101). – С. 108-117.

138. Великанов В.С. Росписи русской армии по разрядным полкам в 1650-1680 гг.: попытка создания военно-окружной системы // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 12. – С. 16-21.

139. Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества [Электронный ресурс] // Исторические записки. – М., 1945. – Т. 16. – Режим доступа: http://rusmilhist.blogspot.com/2013/09/xvii.html.

140. Гадзяцкий С.С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656-58 гг. // Исторические записки. – Т. 11. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. – С. 236-281.

141. Гордеева И.А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX – начале XX века // Крестьяноведение. – 2018. – Т. 3. – № 4. – С. 78-104.

142. Градобойникова Е.В. Вооруженное противостояние мятежного Пскова и армии И.Н. Хованского в 1650 г. // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2011. – № 3. – С. 22-34.

143. Гусак В.А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 8 (108). – С. 9-16.

144. Далгат Ф.М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 30. – Вып. 4. – С. 133-140.

145. Долгова А.В. Тема дезертирства в годы Гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии в первые годы Советской власти // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 12. – С. 46-49.

146. Епифанов П. П. Войско // Очерки русской истории культуры XVII в. – Ч. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – С. 234-264.

147. Жуков А.Ю. Крестьянский уклад и военная служба в жизни горожан: город Олонец в середине XVII-XVIII вв. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – Вып. 3. – 2018. С. 23-42.

148. Жуков А.Ю. Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии и ее значение в жизни карельского народа [Электронный ресурс] // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – Вып. 2. – 2017. Режим доступа: https://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=761.

149. Жуков А.Ю. Становление приходов и волостей в Святозерско-Пряжинском и Крошнозерском ареалах межэтнического контактирования ливвиков и людиков в XV-XVIII вв. // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа. Петрозаводск, 2015. С. 52-101.

150. Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV—XVII веках // История и культура Сямозерья. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2008. – С. 41-106.

151. Заозерский Н.А. О свидетельской присяге в судопроизводстве XVII в.: (Одна из забытых реформ патриарха Никона) // Богословский вестник. – 1917. – Т.2. – № 6/7. – С. 93-107.

152. Иванов Д.И. Речь Посполитая в планах московских политиков накануне виленских переговоров 1656 года (из истории международного кризиса в Восточной Европе середины XVII века) // Славяноведение. – 2003. – № 3. – С. 52-68.

153. Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655-1661 гг. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. – 299 с.

154. Ковригина В.А., Марасинова Л.М. Торговля, пути и средства передвижения // Очерки русской культуры XVII века. – Ч. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – С. 122-144.

155. Конышев И.С., Адаменко А.М., Кошелев В.П. Основы организации питания в русской армии по Воинскому уставу Петра Великого // Вопросы питания. – 2014. – Т. 83. – № 5. – С. 95-98.

156. Королева М.В. Процедуры государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2020. – № 4 (82). – С. 73-82.

157. Кочкуркина С.И. Строительство Олонецкой крепости. Первый строительный период (1648-1649). Постройка города. Образование олонецкого посада // Древний Олонец / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. – Петрозаводск: VERSO, 2011. – 173 с.

158. Кошелева О.А. «Честь» и «порука» – гаранты доверия России Средневековья и эпохи Просвещения [Электронный ресурс] // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. – № 17. – 2013. – Режим доступа: https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011437.

159. Курбатов А.А., Курбатов О.А. Инженерно-артиллерийское обеспечение Смоленского и Рижского государевых походов 1654-1656 гг. // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 8. – С. 29-34.

160. Курбатов О.А. Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х – начале 1650-х годов // От Донца до Ворсклы. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Белгород: Константа, – 2016. – С. 25-36.

161. Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке // Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. – М.: Квадрига, 2017. – С. 226-250.

162. Курбатов О.А. Областные разряды царского войска: от воеводских росписей до военных округов // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Вып. 2. – Белгород, 2017. – С. 3-15.

163. Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-1658 гг. // АРИ. – М., 2007. – С. 157-197.

164. Курбатов О.А. Рижский поход царя Алексея Михайловича 1656 г.: Проблемы и перспективы исследования. [Электронный ресурс] // Проблемы

социальной и политической истории России: Сборник научных статей. – М., 2009. – С. 83-88. – Режим доступа: https://rusmilhist.blogspot.com/2012/10/1656.html.

165. Кутищев А.В. Дезертирство в европейских армиях в эпоху Людовика XIV и Петра I // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4 (90). – С. 41-45.

166. Куяла А. Финляндия и Россия как страны соседи с ранних эпох до 1772 года // Русский Сборник: исследования по истории России. – М.: Модест Колеров, 2015. – С. 9-55.

167. Лихорадова И.Н., Мурыгин Н.Д. Дорожное сообщение в Московском государстве периода XVI-XVII вв. [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы и достижения в общественных науках. – 2016. – Режим доступа: https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-i-dostizheniya-v-obshchestvennykh-naukakh-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh/sektsiya-1-otechestvennaya-istoriya-spetsialnost-07-00-02/dorozhnoe-soobshchenie-v-moskovskom-gosudarstve-perioda-xvi-xvii-vv/.

168. Малов А.В. Командный состав частей солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя от появления их в России до роспуска после окончания Смоленской войны: иерархия и номенклатура чинов. 1628-1636 гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы. Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. – М., 2018. – С. 221-237.

169. Малов А.В. Русско-шведская война 1656-1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. Доклады и сообщения участников международной научной конференции, приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки «Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке» 15-17 мая 2001 г. – М., 2002. – С. 126-132.

170. Малютина Т.В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // Омский научный вестник. – 2014. – № 5. – С. 149-152.

171. Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Историческая география путей сообщения северо-запада России: московский этап (XVI-XVII вв.) // Псковский региональный журнал. – 2017. – С. 61-65.

172. Медведев К.М. Насколько силен наш противник? Польский документ о численности русских войск во время осады Ляховичей // NOVOGARDIA. – 2020. – №4. – 208-222.

173. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронтира и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 10 (150). – С. 7-15.

174. Назарян Е. А. Дезертирство в русской армии: мотивы и обстоятельства [Электронный ресурс] // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Междунар. науч. конф. (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.). – Можайск: Гос. Бородин. воен.-ист. музей-заповедник, 2012. – С. 302–309.

175. Несин М. А. Из истории логистики русских войск XV – начала XVI в. (Отзыв на работу В.В. Пенского «…И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени») // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VIII. – С. 134-166.

176. Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. – М., 1961. – 65-80.

177. Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Исследования по истории эпохи феодализма. – М., 1994. – С. 117-135.

178. Оськин М.В. Российский дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ. – 2014. – Вып. 5 (60). – С. 46-59.

179. Пенской В.В. Военная революция XVI-XVII вв. и ее изучение в зарубежной и российской историографии второй половины XX – начала XXI вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2008. – № 5(45). – С. 67-73.

180. Пенской В.В. «…И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – С. 85-106.

181. Попов А.В. Дезертирство как проявление разложения русской армии на Западном фронте в феврале-октябре 1917 года // Псковский военно-исторический вестник. – 2017. – № 3(3). – С. 152-158.

182. Проскурякова М.Е. «Бежав ис полку»: Феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2014. – Т. 13. – № 8. – С. 82-92.

183. Пруцакова В.С. Дезертирство из русского оккупационного корпуса во Франции 1815-1818 гг. // Известия УрФУ. – Серия 2. – Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19. – № 1 (160). – С. 177–185.

184. Редкин П.Г. О казенных подрядах и поставках в России, до первого их преобразования // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, Доктором Прав и Ординарным Профессором Императорского Московского Университета. – М.: Университетская тип., 1841. – Том I. – С. 161 – 187.

185. Рыжков А. С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. – 2006. – № 1-2. – Режим доступа: http://illmik.petrsu.ru/news/New_Results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html.

186. Рыжков А.С. Поручик Богдан Головин – организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. – 2007. – № 1. – Режим доступа: http://illmik.petrsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html.

187. Сикорский Е.А. К вопросу о борьбе с дезертирством из Красной Армии в 1918-1924 гг. (по материалам Смоленской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3(59). – С. 104-124.

188. Скобелкин О.В. Поденное жалованье служилых немцев во 2-й половине XVI – первой половине XVII века // Вестник ВГУ. – Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 3. – С. 31-38.

189. Скобелкин О.В. Хлебные запасы в городах южного фронтира в 1676/77 году // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2019. – № 6. – С. 487-491.

190. Соловьев Ю.П. Комарицкие драгуны. Об одной неудавшейся служилой корпорации // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. – Вып. 12-13. – Саратов, 2019. – С. 102-126.

191. Станевич А.Ю. Процесс трансформации в российском обществе: теоретические подходы отечественных социологов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2016. – № 764. – 200-210.

192. Старостина Т.В. Волнения крестьян Толвуйского погоста в XVII в. (до конца 60-х гг.) // Вопросы истории. Сборник статей. – Вып. 1. – Петрозаводск, 1961. С. 128-145.

193. Старостина Т.В. Пашенные солдаты: к 450-летию русской регулярной армии // Карелия. – 2000. – № 47 (646). – С. 9. (Военный вестник).

194. Суслова Е.Д. Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избы») [Электронный ресурс] // Научный электронный журнал CARELICA. – Петрозаводск, 2015. – №2 (14). – С.109-121. – Режим доступа: http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA_/2_2015_(14)/Articles/Entries/2015/12/2_Reforma_gumanitarnogo_obrazovania_vPetrogradskom_universitete_vpervye_gody_sovetskoj_vlasti.html.

195. Сухова О.А. Дезертирство в период Гражданской войны в России: культурно-антропологический аспект // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовия. – 2016. – № 2(38). – С. 37-47.

196. Терновая Л.О. Геополитическая судьба дезертира // Этносоциум и межнациональная культура. – 2018. – № 5 (119). – С. 154-162.

197. Ткачева Н.К. К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке // Советские архивы. – 1971. – № 1. – С. 84-87.

198. Шмелев К.В. Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» в середине XVII века // Новый часовой. – 2004. – № 15-16. – С. 7-22.

199. Agostini T. "Deserted His Majesty's Service": Military Runaways, the British-American Press, and the Problem of Desertion during the Seven Years' War // Journal of Social History. – 2007. – Vol. 40. – No. 4. – P. 957-985.

200. Kotilaine J., Poe M. Modernization in the Early Modern context: the case of Muscovy // Modernizing Muscovy. Reform and social change in seventeenth-century Russia. – L., NY.: Routledge, 2005. – P. 1-7.

201. Lappalainen J.T. Finland och Karl X Gustafs ryska krig. Försvaret av den östra rikshalvan 1656-1658 // Carl X Gustaf-studier. – Vol. 7. – Kriget på östfronten. – Vaasa: Militärhistoriska förlaget, 1979. – 198 s.

202. Linden M. v.d. Mass Exits: Who, Why, How? // Desertion in the Early Modern period. – Bloomsbury, 2017. – P. 31-41.

203. Lynn J.A. The Evolution of Army Style in the Modern West, 800-2000 // The International History Review. – XVIII. – 1996. – № 3. – P. 505-545.

204. Murray J. The English-Language Military Historiography of Gustavus Adolphus in the Thirty Years’ War, 1900-Present // Western Illinois Historical Review. – 2013. – Vol. 5. – P. 1-30.

205. Parrott D. The Military Revolution in Early Europe [Электронный ресурс] // History Today. – Vol. 42. – 1992. Режим доступа: https://www.historytoday.com/archive/military-revolution-early-europe.

206. Reger IV W.M. European mercenary officers and the reception of military reform in the seventeenth-century Russian army // Modernizing Muscovy. Reform and social change in seventeenth-century Russia. – L., NY.: Routledge, 2005. – P. 214-237.

207. Roberts, M. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. – L., 1967. – P. 195-205.

208. Rogers C.J. The Military Revolution in History and Historiography // The Military Revolution Debate. Readings of the Military Transformation of Early Modern Europe. – L., NY.: Routledge, 2018. – P. 1-10.

209. Rossum M. v. Desertion // Handbook The Global History of Work. – Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018. – P.505-520.

210. Rusakovskiy O. The Russian Edition of Johann Jacobi von Wallhausen's »Kriegskunst zu Fuß« (1649): The History of A Failure? // Militargeschichtliche Zeitschrift. – 2020. – Vol. 79. – No. 1. – P. 1-25.

211. Ögren K. Humanitarian law in the Articles of War decreed in 1621 by King Gustavus II Adolphus of Sweden // International Review of the Red Cross. – 1996. V.36. – P. 438-442.

Учебные пособия

212. Коваленко Г.М. Русско-шведские отношения в XVII веке. Учебное пособие по спецкурсу для студентов историко-филологического факультета. – Петрозаводск, 1982. – 95 с.

213. Шевцов В.В. Историческая метрология в России: Учебное пособие. – Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. – 280 с.

Справочные и энциклопедические издания

214. Военная энциклопедия. – Т. 15. – СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. – 320 с.

215. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI-XVII вв.: словарь-справочник. – М., СПб.: Институт российской истории РАН; Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 303 с.